

ISSN 1819-7671 (Print)
ISSN 2542-1948 (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: Философия. Психология. Педагогика

2025

Том 25

Выпуск 2

IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY
PHILOSOPHY. PSYCHOLOGY. PEDAGOGY

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия Философия. Психология. Педагогика, выпуск 2

Продолжение «Известий Императорского Николаевского университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

Научный журнал
2025 Том 25

ISSN 1819-7671 (Print)

ISSN 2542-1948 (Online)

Издается с 2005 года

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Философия

Петриковская Е. С. Реабилитация практической философии в современной культуре 84

Шаткин М. А. Концепция социоматериального дизайна: теоретические и прагматические аспекты. Часть I 89

Крайнов А. Л. Этика трансгуманизма как квинтэссенция гедонистических представлений 95

Долматов А. А. Потенциал методологии И. Лакатоса в исследовании социально-политических дискурсов 100

Андреева М. А. Методология применения нейросетевых технологий в изобразительном искусстве современных художников Китая 105

Корниевский А. А. Методология исследования систем правления: философско-критический анализ 110

Ломако О. М. Социально-политическая философия войны 114

Психология

Безносков Д. С. Социально-психологические технологии информационной войны и средства противодействия им 120

Белых Т. В., Князев Е. Б. Теоретико-методологические основания исследования дезадаптивной подчиняемости личности в условиях виртуального взаимодействия 126

Бисенгалиев Р. С. Взаимосвязь духовного лидерства и состояния организационной культуры 136

Нехорошева И. В. Разработка короткой формы опросника нравственно-правовой надежности личности 143

Педагогика

У Мянй. Потенциал диалога культур в профессиональной подготовке дизайнеров 149

Семенов И. А. Философские и педагогические взгляды Николя де Кондорсе: первые шаги к гуманизации системы образования Франции 155

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Философия. Психология. Педагогика» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76648 от 26 августа 2019 г.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К2, специальности: 5.3.1; 5.3.4; 5.3.5; 5.7.1; 5.7.2; 5.7.4; 5.7.5; 5.7.6; 5.7.7; 5.7.8; 5.7.9; 5.8.1; 5.8.2; 5.8.7)

Подписной индекс издания 36014. Подписку на печатные издания можно оформить в интернет-каталоге ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru). Журнал выходит 4 раза в год. Цена свободная. Электронная версия находится в открытом доступе (phpp.sgu.ru)

Директор издательства

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Трубникова Татьяна Александровна

Редактор-стилист

Агафонов Андрей Петрович

Верстка

Пермяков Алексей Сергеевич

Технический редактор

Каргин Игорь Анатольевич

Корректор

Шевякова Виктория Валентиновна

В оформлении издания использованы работы художника Соколова Дмитрия Валерьевича (13.11.1940–20.11.2023)

Адрес учредителя, издателя

и издательства (редакции):

410012, Саратов, Астраханская, 83

Тел.: +7(845-2)51-29-94, 51-45-49, 52-26-89

E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Подписано в печать 20.06.2025.

Подписано в свет 30.06.2025.

Выход в свет 30.06.2025.

Формат 60 × 84 1/8.

Усл. печ. л. 9,30 (10,0).

Тираж 100 экз. Заказ 59-Т

Отпечатано в типографии Саратовского университета.

Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2025

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал принимает к публикации статьи на русском языке общетеоретические, методические, дискуссионные, критические, результаты исследований в области философии, психологии и педагогики, краткие сообщения и рецензии, а также хронику и информацию. Ранее опубликованные материалы, а также материалы, представленные для публикации в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Объем публикуемой статьи 8 страниц (для кандидатов и докторов наук) и 6 страниц (для авторов без ученых степеней). Текст статьи может содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, краткие сообщения – до 3 страниц, до 2 рисунков и 2 таблиц. Таблицы и рисунки не должны занимать более 20% общего объема статьи. Статья должна быть аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Последовательность предоставления материала:

- на русском языке: индекс УДК, название работы, инициалы и фамилии авторов, сведения об авторах (ученая степень, должность и место работы, e-mail), аннотация, ключевые слова, текст статьи, благодарности и ссылки на гранты, список литературы;

- на английском языке: название работы, инициалы и фамилии авторов, место работы (вуз, почтовый адрес), e-mail, аннотация, ключевые слова, References.

Отдельным файлом приводятся сведения о статье: раздел журнала, УДК, авторы и название статьи (на русском и английском языках); сведения об авторах: фамилия, имя и отчество (полностью), e-mail, телефон (для ответственного за переписку обязательно указать сотовый или домашний).

Для публикации статьи автору необходимо по почте переслать в редколлегия серии следующие материалы и документы:

- направление от организации;
- текст статьи.

Требования к аннотации и списку литературы:

- аннотация не должна по содержанию повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования; оптимальный объем 500–600 знаков;

- в списке литературы должны быть указаны только процитированные в статье работы; ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: https://old.sgu.ru/massmedia/izvestia_ppp/additional/33115

Датой поступления статьи считается дата поступления ее окончательного варианта. Возвращенная на доработку статья должна быть прислана в редакцию не позднее чем через 3 месяца. Материалы, отклоненные редколлгией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлгией серии: aporia@inbox.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, философский факультет, ответственному секретарю журнала «Известия Саратовского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика».

CONTENTS

Scientific Part

Philosophy

Petrikovskaya E. S.

The rehabilitation of practical philosophy in contemporary culture 84

Shatkin M. A.

The concept of sociomaterial design: Theoretical and pragmatic aspects. Part I 89

Kraynov A. L.

The ethics of transhumanism as the quintessence of hedonistic ideas 95

Dolmatov A. A.

The potential of I. Lakatos' methodology in the study of socio-political discourses 100

Andreeva M. A.

The methodology of using neural networks in the fine arts of contemporary Chinese artists 105

Kornievsky A. A.

Methodology of the study of institutional design: Philosophical and critical analysis 110

Lomako O. M.

The socio-political philosophy of war 114

Psychology

Beznosov D. S.

Social and psychological technologies of information warfare and countermeasures 120

Belykh T. V., Knyazev E. B.

Theoretical and methodological bases for the study of maladaptive subordination in conditions of virtual interaction 126

Bisengaliev R. S.

Spiritual leadership and the state of organizational culture 136

Nekhorosheva I. V.

Development of the short form of the personality moral and legal reliability questionnaire 143

Pedagogy

Wu Mian

The potential of intercultural dialogue in professional design training 149

Semenov I. A.

Philosophical and pedagogical views of Nicolas de Condorcet: First steps towards the humanization of the French education system 155

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ. СЕРИЯ:
ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА»**

Главный редактор

Листвина Евгения Викторовна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Данилов Сергей Александрович, кандидат филос. наук, доцент (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Гущин Ян Денисович, старший преподаватель (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Аксеновская Людмила Николаевна, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Александрова Екатерина Александровна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Балакирева Екатерина Игоревна, кандидат пед. наук, доцент (Саратов, Россия)
Варламов Дмитрий Иванович, доктор пед. наук, доктор искусствоведения, профессор (Саратов, Россия)
Гриценко Валентина Васильевна, доктор психол. наук, профессор (Москва, Россия)
Демидов Александр Иванович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Иоффе Андрей Наумович, доктор пед. наук, кандидат ист. наук, доцент (Москва, Россия)
Кальной Игорь Иванович, доктор филос. наук, профессор (Симферополь, Россия)
Орлов Михаил Олегович, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Рахимбаева Инга Эрленовна, доктор пед. наук, профессор (Саратов, Россия)
Рягузова Елена Владимировна, доктор психол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Рязанов Александр Владимирович, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Стеклова Ирина Владимировна, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Стризое Александр Леонидович, доктор филос. наук, профессор (Волгоград, Россия)
Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)
Филимонова Ольга Федоровна, доктор филос. наук, доцент (Саратов, Россия)
Фролова Светлана Владимировна, доктор психол. наук, доцент (Саратов, Россия)
Фролова Светлана Михайловна, доктор филос. наук, доцент (Москва, Россия)
Фурманов Игорь Александрович, доктор психол. наук, профессор (Минск, Беларусь)
Чумаков Александр Николаевич, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)
Шамионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор, профессор РАО (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
“IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY.
PHILOSOPHY. PSYCHOLOGY. PEDAGOGY”**

Editor-in-Chief – Evgeniya V. Listvina (Saratov, Russia)

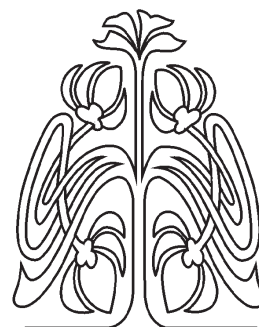
Deputy Editor-in-Chief – Sergey A. Danilov (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Yan D. Guchshin (Saratov, Russia)

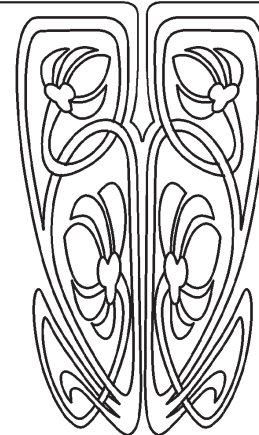
Members of the Editorial Board:

Liudmila N. Aksenovskaya (Saratov, Russia)
Ekaterina A. Aleksandrova (Saratov, Russia)
Ekaterina I. Balakireva (Saratov, Russia)
Dmitry I. Varlamov (Saratov, Russia)
Valentina V. Gritsenko (Moscow, Russia)
Alexander I. Demidov (Saratov, Russia)
Andrey N. Ioffe (Moscow, Russia)
Igor I. Kalnoy (Simferopol, Russia)
Mikhail O. Orlov (Saratov, Russia)
Inga E. Rakhimbaeva (Saratov, Russia)
Elena V. Ryaguzova (Saratov, Russia)

Alexander V. Ryazanov (Saratov, Russia)
Irina V. Steklova (Saratov, Russia)
Alexander L. Strizoe (Volgograd, Russia)
Vladimir B. Ustyantsev (Saratov, Russia)
Olga F. Filimonova (Saratov, Russia)
Svetlana V. Frolova (Saratov, Russia)
Svetlana M. Frolova (Moscow, Russia)
Igor A. Furmanov (Minsk, Belarus)
Alexander N. Chumakov (Moscow, Russia)
Rail M. Shamionov (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

ФИЛОСОФИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 84–88

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 84–88

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-2-84-88>

EDN: ASUJZM

Научная статья

УДК 008|19/20|+141-027.22

Реабилитация практической философии в современной культуре

Е. С. Петриковская

Институт философии РАН, Россия, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1

Петриковская Елена Сергеевна, старший научный сотрудник сектора философских проблем социальных и гуманитарных наук, lenape.69@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9790-6340>

Аннотация. Введение. Практическая философия чаще всего разрабатывается в форме исследования традиции и ее истории. В статье предпринята попытка экспликации понимания практического на материале современной культуры. **Теоретический анализ.** Утрата ориентиров и редукция идеала самоосуществления к эгоцентрическим формам – проблема современных обществ. Современный аксиологический, телеологический, нравственный и пр. кризисы не преодолеть путем реставрации одной из исторических версий практической философии. Реабилитация практической философии рассмотрена в русле тех стратегий социальной и гуманитарной мысли конца XX – начала XXI вв., которые стремятся понятийно выразить масштабное изменение мировосприятия. Ход исследования подтвердил обоснованность оперирования с ними, эвристический эффект концептов «современность», «аффективный субъект», «новая искренность», «эстетика существования», с помощью которых раскрывается тема «практический поворот в постметафизической философии». **Заключение.** Анализ убеждений и аргументов, возможных философских установок, характеризующих проект метамодернизма как новой культурной логики, альтернативной постмодернизму, позволяет зафиксировать возвращение к дискуссии относительно «культуры бытия» в контексте изменившегося отношения к материальному миру; рост значимости идеи о том, как сформировать, придать форму status-quo вопреки разрушению границ и расширению возможностей.

Ключевые слова: практическая философия, современная культура, современность, метамодернизм, структуры чувства, аффект, аутентичность, философская антропология

Для цитирования: Петриковская Е. С. Реабилитация практической философии в современной культуре // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 84–88. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-2-84-88>, EDN: ASUJZM

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

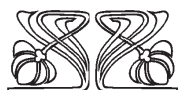
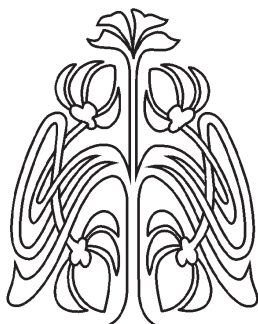
The rehabilitation of practical philosophy in contemporary culture

E. S. Petrikovskaya

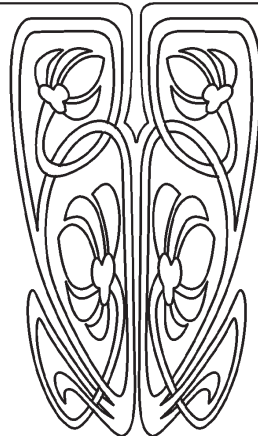
Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, 12/1 Gontcharnaya St., Moscow 109240, Russia

Elena S. Petrikovskaya, lenape.69@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9790-6340>

© Петриковская Е. С., 2025

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Abstract. Introduction. Practical philosophy is most often developed in the form of a study of tradition and its history. The article attempts to explicate the understanding of the practical based on contemporary culture. **Theoretical analysis.** The loss of reference points and the reduction of the ideal of self-realization to egocentric forms is a problem of contemporary societies. Contemporary axiological, teleological, moral, etc. crises cannot be overcome by restoring one of the historical versions of practical philosophy. The rehabilitation of practical philosophy is considered in line with those strategies of social and humanitarian thought of the late twentieth – early twenty-first centuries that seek to conceptually express a large-scale change in worldview. The course of the study confirmed the validity of operating with them, the heuristic effect of the concepts of “modernity”, “affective subject”, “new sincerity”, “aesthetics of existence”, with the help of which the theme of “practical turn in post-metaphysical philosophy” is revealed. **Conclusion.** The analysis of the beliefs and arguments, possible philosophical attitudes, characterizing the project of metamodernism as a new cultural logic, alternative to postmodernism, allows us to record a return to the discussion regarding the “culture of being” in the context of a changed attitude to the material world; the growth of the significance of the idea of how to form and give shape to the status quo despite the destruction of boundaries and the expansion of opportunities.

Keywords: practical philosophy, contemporary culture, modernity, metamodernism, structures of feeling, affect, authenticity, philosophical anthropology

For citation: Petrikovskaya E. S. The rehabilitation of practical philosophy in contemporary culture. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 84–88 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-2-84-88>, EDN: ASUJZM

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Академическое рассмотрение практической философии неизменно сопровождается уточнениями логического и исторического порядка. Словосочетание «практическая философия» предполагает логическую несостоятельность этого выражения, поскольку философия – всегда теоретическая, хотя и имеет практическую значимость. Но с исторической точки зрения «практическая философия», начиная с античности, обозначает определенный круг дисциплин, которые изучают практические проявления человеческой жизни, прежде всего этику и политическую философию. Раздвоенность предмета практической философии в пространствах логического и исторического заставляет заключать в кавычки название данной области философствования. Сегодня мы присутствуем при активном снятии кавычек.

Предметом статьи является трактовка практики как бытия свободного разумного живого индивида в пространстве современной культуры. Мы полагаем, что проблематика практического разума неизбежно приводит к вопросу о культуре, без которой сам этот разум повисает в абстрактности. Исследование социокультурного контекста способствует углублению практического дискурса через его конкретизацию. Праксис невозможно осмыслить только на основе умозрительного конструирования поведения рационального агента.

Теоретический анализ

Для более адекватного его понимания можно пойти следующими путями.

1. Реконструировать формирование прагматических тенденций европейской философии.

Это значит выяснить, как и почему появился запрос на практическую философию, в каких формах он был реализован. Относительно внутренней практики философской мысли как смены образа философии можно говорить о трех стадиях: тенденции, повороте и прорыве к смыслу практического. Под этими стадиями подразумевается последовательность аргументов и контраргументов, которые можно воспроизвести в дискуссиях мыслителей.

2. Проанализировать сложившийся на сегодняшний день язык практической философии. Процессы конвергенции различных философских направлений в рамках «практического поворота» в философии привели к образованию своего рода философского «койне», в словаре которого такие понятия, как «формы жизни», «жизненный мир», «языковые игры», «социальные практики», «идеологии» и др. Эти понятия утратили связь с конкретной школой и образовали понятийный инструментарий, общий для представителей разных ориентаций.

3. Раскрыть концептуальные основания современной практической философии. На сегодняшний день можно говорить о метафизических и не-метафизических основаниях. Метафизики обращаются к Аристотелю в поисках рациональных оснований для разрешения проблемы значимости практических принципов и норм. Для них важно обновить традиционные связи между онтологией и практически-философским дискурсом, которые, по их мнению, были утрачены в философии модерна со второй половины XVIII в. При этом сама онтология наделяется практическим смыслом. Бытие человека трактуется как бытие деятеля в мире, которое обретает смысл в ходе прояснения и артикуляции своих условий. Важно выявление онтологических надсубъективных условий

деятельности. Большое значение уделяется пониманию трансцендентного блага как конститутивного принципа человеческой практики (А. Макинтайр, Г. Йонас, Ч. Тейлор, А. Баумейстер, В. Шохин). Эта версия философии практического разума ищет аргументы в пользу морального универсализма, противостоит редуцированным концепциям блага, к которым причисляется большая часть философии XX века как неблагоприятная для описания и оправдания нормативных основ человеческого бытия (фундаментальных нормативных различий и сильных этических оценок).

Альтернативная (не-метафизическая) установка на «децентрацию субъекта» разрабатывает инструментарий для изучения конкретных практик в разных сферах социального опыта, обусловленных как антропологично, так и историко-культурно. Обе выделенные установки, несмотря на свою противоположность, стремятся к обсуждению изначальных, фундаментально важных для человеческого бытия феноменов. Заметно также присутствие риторики Просвещения: предметом дебатов стал главный вопрос практико-философского дискурса этой эпохи – вопрос об источниках и условиях значимости практических правил и норм. Установление всеобщих правил и регулирование на их основе свободных действий индивидов (разумных существ) – вот идеал практической философии эпохи модерна.

Вместе с тем тематизация праксиса сегодня предполагает критику модерна. Тут важно напомнить о разрыве в трактовке понятия «человеческая природа» между традицией и модерном, осуществленном в XVII в. Традиция различает фактичность человека и его заданность. Осмыслить переход от первого ко второму состоянию позволяла этика, а моральные предписания позволяли его осуществить [1]. Указанный разрыв современные философы пытаются преодолеть возвращением к онтологическим основаниям практической философии в античной редакции (главным образом практической философии Аристотеля), а именно к метафизическим концептам потенции, акта, человеческой сущности, целеполагания. Полнота осуществленности человеческой природы в ходе реализации ее собственной цели, заданная, а не изначально данная – вот тезис традиции. Расставание с аристотелизмом привело к отказу от этого элемента в его конфигурации практической философии. Как полагает А. Баумейстер,

моральная теория отодвинула на второй план понятие сущностной человеческой природы и сущностных целей человеческого бытия. Вследствие этого возникло разделение на, с одной стороны, совокупность ограничительных норм, лишенных теологического смысла, а с другой – секуляризованные концепции человеческой природы в ее фактичности [2]. Утвердилось мнение, что относительно цели человеческой жизни и общего блага возможны только эмпирические, а не нормативные утверждения [2]. В противоположность этому реабилитация практической философии предполагает, что философия не будет игнорировать практически-философские вопросы, а даст рациональное обоснование фундаментальных принципов наших практик, не оставляя их на произвол субъективных решений.

Признавая внутреннюю связь между онтологией и практикой, т. е. допуская, что цели, намерения и поступки людей имеют для них смысл только тогда, когда они вписывают их в проектируемый образ действительности, важно разобраться в *стратегиях проектирования* того образа, в рамках которого мы действуем. Вряд ли стоит стремиться к реставрации одной из исторических версий практической философии. Даже если она не исчерпала свой ресурс, мы не сможем исполнить ее в чистом виде, учитывая наши изменившиеся обстоятельства и трудности перевода классических слов «на язык современной морали» [3, с. 413].

В современной «постметафизической» философии практико-философские вопросы непосредственно связаны с актуальным социальным и культурным опытом, который и создает основу для современных смыслов практики. После Гегеля осуществляется коррекция утвердившегося образа человека как философствующего субъекта, лишенного одежд культуры, через исследование дискурсов (дискурсивных позиций), культурных трансформаций, социальных настроений. Культура представляет интерес не только в значении типичного образа действий, но и как легитимация этого образа действий в сознании людей.

В лекционном курсе «Пора (время-бытие)» В. В. Биbihин комментирует высказывание М. Л. Гаспарова, согласно которому «современная культура известна современности на одну треть» [4, с. 349], с помощью онтологии времени, используя понятия «время», «граница», «событие», «сдвиг». Видеть свое время можно лишь

при условии «снятия анестезии на событие и от опыта границы, от перепада» [4, с. 346]. Встреча со своим временем – это встреча с чем-то большим в том смысле, что не дожидается, пока мы вместим его нашим сознанием, мы в нем уже находимся, захвачены им целиком и перед нами стоит задача – свидетельствовать, говорить о нем.

Метамодернизм как новая теория актуального культурного процесса стремится доказать, что изменился мир, условия его восприятия и представления. Метамодернизм предлагает свой вариант прочтения слова «современность». Она здесь рассматривается как «дизъюнктивный синтез гетерохронных времен», благодаря чему ее можно считать «драмой, в которой все прошлое заявляет о себе в виде нашего нынешнего потенциала» [5, с. 184].

Вторым по значимости понятием, важным для определения метамодернизма, являются «структуры чувства» (structures of feeling) в интерпретации Р. Уильямса, Ф. Джеймисона и Д. Харви, которое, как и понятие «современность», передает эффект целостности. Уильямс стремится найти адекватные средства для описания опыта настоящего, который проживается здесь и сейчас как активное, открытое взаимодействие. Понятие «структуры чувства» призвано описывать «качественные изменения», отражающие длящийся, переживаемый целым поколением социальный опыт. Это понятие противопоставляется Уильямсом более формализованным понятиям «идеология» и «мировоззрение» ввиду неоформленного и несистематического характера того, что оно передает. Уильямса интересуют те аспекты практического сознания, которые связаны с беспокойством, нагрузкой, смещением, тем, что существует в скрытом состоянии, латентно. Через понятие «структура чувства» он определяет культуру: «это своеобразный живой результат всех элементов общей организации (общества)... Я бы определил теорию культуры как исследование отношений между элементами цельного образа жизни» (цит. по: [6, с. 59]). Как пишет Т. Иглтон, отмечая одновременно сложность идеи культуры и выдающиеся заслуги Уильямса в деле ее определения, «"структура чувства" с ее смелым смешением объективного и аффективного – это попытка совладать с двойственностью культуры как материальной реальности и переживаемого опыта» [6, с. 59].

Структура чувства как специфическое свойство социального опыта постигается в своей сути только через искусство, которое обладает способностью выражать совместный опыт.

Описывая сдвиг от культурной чувственности постмодернизма к культурной чувственности метамодернизма, Т. Вермюлен и ванн ден Аккер делают акцент на глубине и аутентичности в культурной сфере [7]. Этот дискурс вдохновлен «современной наивностью ... (и) сознательно посвящает себя невозможной возможности» [5, с. 341]. Невозможно отказаться от постмодернистского толкования субъективности как фрагментированной, социально и текстуально сконструированной. Однако к этому присоединяется стремление признать «личные чувства и межличностные связи» [5, с. 314]. Возвращается интерес к аутентичности, которая характеризуется как «парадоксальная» [5, с. 360], «курируемая» [5, с. 412], напрямую связанная с разыгрываемой глубиной.

Можно сказать, что ключевая характеристика метамодернизма – это романтическая чувствительность. Специфические приемы блокирования иронии создают эффект «новой искренности» в публичном дискурсе. «Бесстрастный подход к миру», типичный для постмодернизма, представляется «избитым и предсказуемым» [5, с. 421], а состояния иммерсии, участия, инклюзии приветствуются.

Все это дает повод говорить о возвращении аффекта. В метамодернизме аффект и все, к чему он причастен, связывается с коллективным субъектом. Коллективная аффективность связана с практиками человеческого взаимодействия. Для метамодернизма ценность аффекта заключается в его способности выражать сущностную связь всего со всем. Интерес к аффекту и эмоциям связан с ростом внимания исследователей к недискурсивному, нерепрезентационному измерению существования человека и общества. Недискурсивный аффект, по мнению его теоретиков, рассматривается сейчас как основной дискурс переформатирования культуры [8].

В контексте крайней плюрализации жизненных стилей и ценностного релятивизма конца XX – начала XXI в. тело становится предельным универсальным аргументом, с чем связано повышенное внимание к аффекту, к выдвиганию на первый план в коммуникативных практиках телесного фактора. В этой связи

актуальным заданием философии становится разработка релевантной антропологии, умеющей удерживать одновременно соматическое и символическое в человеке, на основе которой возможно обогащение словаря практической философии, избегание крайностей натурализма и радикального теизма [9].

Заключение

Метамодернизм – это проявление философских дискуссий вокруг модерности в области культуры. Это поиск метаязыка (через сравнение языков модернизма и постмодернизма) для новой эпохи постоянных и множественных кризисов. В теории метамодернизма привилегированным онтологическим регионом оказываются чувства и чувственный опыт, хранящие непередаваемый на простой язык контакт с миром и вещами. Чувства – в виде набора импульсов, ограничений и тонов – позволяют идентифицировать суть текущих моментов. На наш взгляд, наиболее перспективным в новой культурной теории является поиск новых форм и способов взаимодействия с современностью, что служит почвой для раскрытия подлинного опыта времени.

Попытка взглянуть в свое время выводит нас из режима историографического рассмотрения и погружает в стихию философствования. Реабилитация практической философии как философская тенденция современности приводит к идее философской антропологии как исходной почве для практической философии.

Список литературы

1. Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали / пер. с англ. В. В. Целищева. М. : Академический Проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2000. 384 с.
2. Баумейстер А. Буття і благо. Вінниця : Т. П. Барановська, 2014. 418 с.
3. Европейский словарь философий: Лексикон непеводимостей / пер. с фр. ; ред. Б. Кассен. Киев : Дух і Літера, 2015. 450 с.
4. Биbihин В. В. Пора (время-бытие). (Из курса лекций) // Международный антропологический журнал «Фонарь Диогена. Человек в многообразии практик». 2015. № 1. С. 333–354.
5. Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма / сост. Р. ван ден Аккер ; пер. с англ. В. М. Липки ; вступ. ст. А. В. Павлова. М. : РИПОЛ классик, 2020. 496 с.
6. Иглтон Т. Идея культуры / пер. с англ. И. Кушнарева ; под науч. ред. А. Смирнова. М. : ИД Высшей школы экономики, 2021. 192 с.
7. Вермюлен Т., ван ден Аккер Р. Заметки о метамодернизме. 2015. URL: <http://metamodernism.ru/notes-on-metamodernism/> (дата обращения: 25.11.2024).
8. O'Sullivan S. The Aesthetics of Affect: Thinking Art Beyond Representation // *Angelaki Journal of Theoretical Humanities*. 2001. Vol. 6, № 3 (December). P. 126–140.
9. Тейлор Ч. Джерела себе. Киев : Дух і літера, 2005. 696 с.

References

1. Macintyre A. *Posle dobrodeteli: Issledovaniya teorii morali* [After Virtue. A study of Moral Theory. Trans. from Engl. V. V. Celishchev]. Moscow, Akademicheskii Proekt, Yekaterinburg, Delovaya kniga, 2000. 384 p. (in Russian).
2. Baumeister A. *Buttya i blago* [Being and Goodness]. Vinnitsa, T. P. Baranovs'ka, 2014. 418 p. (in Ukrainian).
3. Cassen B., ed. *Evropeyskiy slovar' filosofij: Leksikon neperevodimostey* [European dictionary of Philosophies: Lexicon of untranslatables. Trans. from French]. Kyiv, Dukh i Litera, 2015. 450 p. (in Russian).
4. Bibihin V. V. It's Time (Time-being). (From a course of lectures). *Mezhdunarodnyy antropologicheskij zhurnal "Fonar' Diogena. Chelovek v mnogoobrazii praktik"* [International Anthropological Journal "Diogenes' Lantern. The Human Being in Diversity of Practice"], 2015, no. 1, pp. 333–354 (in Russian).
5. *Metamodernizm. Istorichnost', Affekt i Glubina posle postmodernizma*. Vann den Akker R., sost.; per. s angl. V. M. Lipki; vstupit. st. A. V. Pavlova [Vann den Akker R., comp. Metamodernism. Historicity, Affect and Depth after Postmodernism. Trans. from Engl. V. M. Lipki, introductory article A. V. Pavlov]. Moscow, RIPOL klassik, 2020. 496 p. (in Russian).
6. Eagleton T. *Ideya kul'tury* [The Idea of Culture. Trans. from Engl. I. Kushnareva. Ed. by A. Smirnova]. Moscow, HSE Publishing House, 2021. 192 p. (in Russian).
7. Vermeulen T., van den Akker R. *Zametki o metamodernizme* (Notes on Metamodernism). Available at: <http://metamodernism.ru/notes-on-metamodernism/> (accessed November 25, 2024) (in Russian).
8. O'Sullivan S. The Aesthetics of Affect: Thinking Art Beyond Representation. *Angelaki Journal of Theoretical Humanities*, 2001, vol. 6, no. 3 (December), pp. 126–140.
9. Taylor Ch. *Istochniki sebya* [Sources of Self]. Kyiv, Dukh i Litera, 2005. 696 p. (in Ukrainian).

Поступила в редакцию 28.01.2025; одобрена после рецензирования 08.02.2025;
принята к публикации 22.04.2025; опубликована 30.06.2025
The article was submitted 28.01.2025; approved after reviewing 08.02.2025;
accepted for publication 22.04.2025; published 30.06.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 89–94
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 89–94
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-2-89-94>, EDN: BWSIJU

Научная статья
УДК 1:316

Концепция социоматериального дизайна: теоретические и прагматические аспекты. Часть I

М. А. Шаткин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Шаткин Максим Александрович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и методологии науки, maximshatkin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8138-6819>

Аннотация. Введение. Рост рефлексивности современного общества обусловил распространение возникших в сфере дизайна подходов на проектирование и анализ социальных феноменов. Несмотря на влияние дизайна на социальные процессы и социальную рефлексию, в социальной философии сегодня отсутствует аргументированная теория, предлагающая комплексный взгляд на данное явление. **Теоретический анализ.** Наиболее известной попыткой систематического осмысления феномена дизайна является концепция четырех порядков дизайна Р. Бьюкенена, выделяющая дизайн знаков и символов, дизайн материальных объектов, дизайн действий (сервисов) и дизайн организаций. Недостатками данной концепции является неоправданное разделение уровней знаков и материальных объектов, пропуск дизайна взаимодействия человека с объектами, а также отсутствие анализа взаимосвязей различных уровней дизайна. Предлагается оригинальная концепция социоматериального дизайна как аналитического конструкта, выделяющего в социальных феноменах четыре взаимосвязанных уровня дизайна: материальных объектов и знаков; взаимодействия между человеком и неодушевленным предметом; межличностных и групповых взаимодействий; социальных институтов. К принципам социоматериального дизайна относятся проектность, трансформативность, деонтологичность, эвдемоничность, устойчивость. **Заключение.** Дальнейшее исследование социоматериального дизайна требует анализа взаимных смысловых связей дизайна и нарратива в оформлении социальных феноменов.

Ключевые слова: дизайн, социоматериальность, социальная рефлексия, институты, нарратив

Для цитирования: Шаткин М. А. Концепция социоматериального дизайна: теоретические и прагматические аспекты. Часть I // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 89–94. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-2-89-94>, EDN: BWSIJU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The concept of sociomaterial design: Theoretical and pragmatic aspects. Part I

M. A. Shatkin

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Max A. Shatkin, maximshatkin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8138-6819>

Abstract. Introduction. The growing reflexivity of contemporary society has led to the spread of ideas and principles that have emerged in the practice of design and “design thinking” related to the design and analysis of social processes. Despite the influence of the design sphere on social governance and social reflection, social philosophy today lacks a well-reasoned theory that offers a comprehensive view of this phenomenon. **Theoretical analysis.** The most famous attempt to systematically understand the phenomenon of design is the concept of four orders of design by R. Buchanan, which distinguishes the design of signs and symbols, the design of material objects, the design of actions (services) and the design of organizations. The disadvantages of this concept are the unjustified separation of the levels of signs and material objects, the omission of the design of human interaction with objects, as well as the lack of analysis of the interrelationships of different levels of design. The original concept of sociomaterial design as an analytical construct is proposed, identifying four interrelated levels of design in social phenomena: material objects and signs, interaction between a person and an inanimate object, interpersonal and group interactions, social institutions. The interrelation of these levels is illustrated by a concrete material example. The key features of sociomaterial design include a conscious effort to transform the status quo in order to shape positive experiences, maintain well-being and prosperity, and preserve stability. **Conclusion.** Further research of sociomaterial design requires analyzing the mutual conceptual relations of design and narrative in the design of social phenomena.

Keywords: design, sociomateriality, social reflection, institutions, narrative

For citation: Shatkin M. A. The concept of sociomaterial design: Theoretical and pragmatic aspects (Part I). *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 89–94 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-2-89-94>, EDN: BWSIJU
This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Одним из проявлений роста рефлексивности современного общества является широкое распространение методов промышленного и графического дизайна на оформление социальных взаимодействий. Классическим примером этой практики являются работы R. Buchanan, который применил методы дизайна к решению управленческих проблем [1, 2]. Дизайн может быть описан как процесс и результат создания инновационного (от трансформации внешнего вида до принципиально новых качеств материального субстрата) продукта, как правило, основанного на сознательном творческом замысле и служащего цели повышения качества опыта пользования данным продуктом, либо создания принципиально нового или «лучшего» опыта. Ключевым элементом дизайна является «проект» (в английском языке также называемый «design») продукта, который отражает запланированное «должное» состояние материи в противоположность существующему и часто охватывает также процесс перехода от последнего к первому.

Стимулом развития дизайна и, соответственно, дальнейшего роста рефлексивности общества стала цифровая трансформация общества, которая на уровне повседневного опыта выразилась в непрерывном появлении и обновлении визуальных интерфейсов – оболочек программных продуктов различных устройств, обеспечивающих удовлетворение потребностей, большую часть из которых эти же устройства, как известно, и создают. Закономерным следствием нормализации практики создания инновационных продуктов, призванных расширить границы человеческого опыта, в том числе опыта intersubjective взаимодействий, стал перенос логики и лексики дизайна в саму социальную рефлексию в форме «дизайн-мышления», т.е. особой перспективы на взаимодействие с материальным и социальным мирами, опирающейся на многоуровневое переплетение эстетических и этических принципов сознательной и запланированной трансформации реальности.

Несмотря на амбициозные претензии дизайна стать актуальной формой мышления и оформления социальной целенаправленной деятельности, в силу исторических и культурных условий так и не получил целостного осмысления в рамках социально-философско-

го дискурса. Обзор современной литературы показывает, что основная часть гуманитарных исследований этого феномена связана с «экологическим переходом» и «экологически устойчивым развитием», процессами проектирования трансформаций, а также решением этических и управленческих проблем. Не отрицая экзистенциальной важности данных тем, тем не менее отметим, что подобный акцент на прикладные проблемы ведет к торможению теоретического развития дизайна и дизайн-мышления, вследствие чего, например, предложенные более тридцати лет назад концепции так и остаются на уровне абстрактных схем. Следствием этого становится размытие данного понятия, которое начинает употребляться как синоним терминов «подход», «замысел», «структура», а также «принципы», «воображение» и «внешний вид». Другой проблемой является нарастающая идеологизация западного академического дискурса, вследствие чего научный поиск и анализ подменяются ценностными и идеологическими декларациями, которые не столько исследуют дизайн, сколько пытаются создать новый дизайн научного и социального мышления.

В связи с этим является актуальной задача формирования целостной концепции дизайна, рассматриваемого в качестве одной из форм социальной рефлексии, неразрывно связанной с творческой трансформацией социального и материального мира на основе представлений о «должном», лежащем в основе данной практики. Для этого в статье предлагается критический анализ одной из актуальных концепций дизайна, претендующей на комплексное раскрытие внутренней структуры данного феномена, и формирование на этой основе оригинального понимания дизайна в концептуальном пространстве социальной философии.

Теоретический анализ

1. Концепция «четырёх порядков дизайна» R. Buchanan. К теориям, которые за более чем тридцать лет не получили должного развития, относится предложенная R. Buchanan концепция четырёх порядков дизайна. Впервые эта концепция была обнародована в статье 1992 г., где были выделены четыре сферы (areas) дизайна: 1) графический дизайн символов (слов и образов); 2) дизайн физических объектов; 3) дизайн действий (услуг, процес-

сов); 4) дизайн организаций и социальных систем [1]. С учетом общего контекста работ R. Buchanan можно сделать вывод, что первоначальным мотивом выделения этих сфер было обоснование тезиса, согласно которому дизайн и дизайн-мышление могут выйти за пределы графических искусств и проектирования продуктов и применяться к организационному планированию и решению сложных проблем. Соответственно, выделение разных сфер дизайна играло вспомогательную роль, а детальный анализ взаимоотношений этих сфер не входил в фокус исследовательских интересов данного автора. Тем не менее, предложенная классификация сфер дизайна внесла вклад в повышение интереса к дизайнерскому осмыслению организационного планирования и культуры, а также проектированию экологически устойчивых сообществ. В середине 2010-х гг. эта концепция получила второе дыхание через связь «порядков дизайна» с «проблемами коммуникации», «проблемами конструкции», «проблемами действий» и «проблемами интеграции» соответственно [2, 3]. При этом дополнительного анализа порядков дизайна так дано и не было: автор подчеркивал, что это скорее «места интуиции», предназначенные «...для исследования разнообразных возможностей влияния, которое дизайн-мышление может иметь на нашу жизнь». Это влияние направлено на раскрытие «перекрестных опылений и инноваций», которые точные и четкие категории «имеют тенденцию скрывать» [3, p. 11].

Несмотря на очевидный концептуальный потенциал данной идеи, она получила незаслуженно малое внимание со стороны исследователей в сфере дизайна, которые в массе сосредоточили внимание на проблемах ценностей, экологической устойчивости, деколонизации, эмпатии, разнообразия и инклюзии, цифровых технологий, а также решения «коварных», т.е. неоднозначных и не имеющих единственного решения, устраивающего всех, проблем современности. Тем не менее, можно отметить две попытки развития указанной концепции. Первая представлена в работе M. F. Braga, где на базе «твердой приверженности» идеям деколонизации, «воссоединения людей, мест и планеты», а также изучению «способов бытия и мышления... из других жизненных опытов и культур, игнорируемых в дизайне» вводится «пятый порядок» дизайна, отражающий

трансдисциплинарные потребности в биомимикрии, социальном предпринимательстве и совместном проектировании будущего [4]. Этот дополнительный порядок дизайна назван «этическим» и включает в себя «(пере)открытие ценностей (и) связей между людьми» [4, p. 110]. К сожалению, M. F. Braga заменила развернутую аргументацию жесткими заявлениями «о должном», поэтому мысль автора остается не вполне ясной. Тем не менее, легко заметить методологическую уязвимость предложенной идеи. Во-первых, если первые четыре порядка отражают объективно существующие практики и системы, то пятый имеет характер этической и идеологической декларации, т.е. имеет иную онтологическую природу. Во-вторых, провозглашаемые цели и ценности уже присутствуют в социальном пространстве в дискурсивной или иной символической форме и с этой точки зрения должны рассматриваться как элементы первого порядка.

Вторая попытка развития рассматриваемой концепции связана с конкретизацией содержания четвертого порядка дизайна через погружение его в институциональный контекст. K. Lee [5], опираясь на широкий материал философских и социальных исследований, фокусирует внимание на специфике социальных институтов, которые, будучи изначально спроектированы людьми, имеют тенденцию жить далее собственной жизнью, обратно влияя на человека. Возражая автору, можно отметить, что подобную тенденцию проявляют и другие порядки дизайна – язык, материальные объекты и нормы социальных взаимодействий. В то же время можно решительно согласиться с акцентируемым K. Lee обстоятельством, что всякое проектирование социальных институтов является ре-дизайном существующих институтов, а не созданием с нуля новых. В целом в статье K. Lee концепция четырех порядков дизайна также является скорее вспомогательным инструментом для обоснования того, почему институты могут рассматриваться в качестве объектов дизайна.

Подводя итоги этому краткому обзору концепции четырех порядков дизайна, можно констатировать, что, несмотря на амбициозность замысла, эта концепция не получила должной конкретизации и раскрытия внутренних структурных взаимосвязей, а попытки ее развития иронически могут быть названы скорее «дизайнерскими экспериментами», чем

результативным исследованиями. Тем не менее, даже зачаточная форма данной концепции дает основания для её критики с социально-философских и одновременно имманентных дизайнерских позиций. В первую очередь, вызывает сомнение распределение по разным порядкам дизайна знаковых систем и материальных вещей. Если в первоначальной версии теории, где речь шла о сферах дизайнерской практики, такая демаркация была оправдана, то при концептуализации этих практик в качестве «порядков», отражающих уровни социальной реальности, знаковые системы и материальные объекты могут рассматриваться, по крайней мере, с точки зрения их социальной функции выражения идентичности и различий, как явления одного «порядка». Материалы и формы находящихся в собственности субъекта вещей играют не меньшую символическую роль в определении его статуса, чем слова и образы. Кроме того, вызывает вопросы статус пользовательского опыта. С одной стороны, R. Buchanan подчеркивает значение опыта взаимодействия с продуктами и вообще окружающей средой: «опыт – это не то, что происходит внутри человека. Скорее, опыт находится в единстве человека с его или ее средой. Опыт находится в отношениях взаимодействия со средой, а не во внутреннем процессе» [2, р. 19]). С другой стороны, оформление этого опыта не нашло своего места в порядках дизайна. Наконец, недостаточное внимание уделено взаимосвязям между различными порядками, что, возможно, стало одной из причин попыток доработки концепции через введение сквозного «пятого порядка» в работе M. F. Braga [4].

Опираясь на представленную критику, мы предлагаем переосмысление концепции четырех порядков дизайна в рамках оригинальной концепции социоматериального дизайна.

2. Понятие и уровни социоматериального дизайна. Включение многообразного и расплывчатого феномена и понятия дизайна в концептуальное поле социальной философии требует в качестве первого шага терминологического уточнения. Нами предлагается термин «социоматериальный дизайн», который в современной российской науке не имеет избыточных коннотаций, в отличие, например, от термина «социальный дизайн», который может относиться как к дизайну социальных систем, так и к социально ориентированному и экологичному дизайну материальных объектов и ландшаф-

тов. Прилагательное «социоматериальный» отражает целостный гетерогенный характер явления, которое не может быть сведено к изолированным социальному или материальному измерениям. Дистанцируясь от понимания «дизайна» как части маркетинговой и в целом рыночной деятельности, мы рассматриваем это понятие в качестве аналитического конструкта, выполняющего одновременно функции метода выделения в социальной реальности целостных комплексов социальных и материальных практик, а также обозначения структуры и характеристик этих комплексов. К принципам социоматериального дизайна следует отнести: проектность, трансформативность, деонтологичность, эвдемоничность и устойчивость, т.е. возникновение в соответствии с сознательным замыслом, направленным на трансформацию существующего положения дел для соответствия должному, с целью формирования положительного опыта субъектов и поддержания их благополучия и процветания при сохранении стабильности собственного существования.

Перечисленные принципы (которые также в смысловом пространстве дизайна могут быть названы ожидаемыми свойствами) могут отражаться в социоматериальном дизайне как эксплицитно, так и имплицитно, требуя дополнительных аналитических усилий для их описания. Кроме того, соответствие указанным принципам может с разной степенью равномерности распределяться между следующими уровнями социоматериального дизайна.

1. *Дизайн материальных объектов*, включая знаки, символы, изображения, в том числе выражающие идеи, нормы, ценности и т.д. Дизайн объектов может иметь форму словесно зафиксированного догмата, либо поддерживающего культурную идентичность визуального шаблона, а также проявляемого в соблюдении дистанции священного. В качестве сквозного примера можно привести стетоскоп, материальный дизайн которого должен соответствовать критериям компактности, мобильности, соответствия человеческой анатомии, а также должен решать задачу аускультации и получения первичной информации о состоянии некоторых органов пациента, способствуя трансформации наличного знания о состоянии здоровья последнего.

2. *Дизайн взаимодействия человека и предмета*. Здесь мы имеем дело с широким спектром форм присутствия неодушевленных объектов в

социальном мире, изучаемых в акторно-сетевой теории. В то же время диапазон взаимодействия человека и предмета может включать такие формы, как долг, трепет, эмоциональное переживание предмета или мира в целом, а также углубление ощущения себя на фоне данного предмета. На более повседневном уровне стетоскопа мы имеем дела с такими требованиями к дизайну, как удобство ношения на шее, удобство использования при сохранении эмоционального комфорта как врача, так и пациента.

3. *Дизайн социальных отношений*, включающих в себя межличностные, групповые, внутриличностные, а также религиозные диалоги, монологи и сопровождающие их индивидуальные и групповые ритуалы. На этом уровне материальные объекты вступают во взаимодействия не только с человеком, но и друг с другом, формируя те комплексы, которые получили у ряда философов (Делез, Латур) название «сборка» («ассамбляж»). Стетоскоп вступает во взаимоподтверждающие отношения с белым халатом и участвует в дизайне социального взаимодействия людей, играющих соответственно роли врача и пациента, так что в этом взаимодействии становятся нормальными действия, невозможные во многих других контекстах. Например, врач имеет право и моральную обязанность попросить пациента снять одежду с верхней части тела для того, чтобы прослушать легкие, и наличие белого халата и стетоскопа предполагает, что выполнение этой просьбы соответствует задаче благополучия пациента.

4. *Институциональный дизайн*, включающий в себя распределение материальных объектов и социальных взаимодействий в ограниченном контексте, обеспечивающим циркуляцию социального знания, ролей и гарантий благополучия участников. Так, контекст медицинского учреждения, распределяющий роли врачей и пациентов и сопутствующие материальные объекты – халаты, стетоскопы, койки, шприцы и т.д., служит решению «коварных проблем», связанных с невозможностью предоставления пациентами полностью осознанного согласия на предлагаемое лечение в силу отсутствия специальных медицинских знаний. Это «радикальное невежество» пациента, как отмечает Е. Steinberg [6], компенсируется принадлежностью врачей медицинской организации, которая берет на себя проверку компетентности врача и гаран-

тирует, что согласие на его предложение будет способствовать благополучию пациента. Соответственно, если в современном западном культурном контексте в палату к пациенту зайдет кот в белом халате и со стетоскопом, то у пациента не будет оснований сомневаться в собственном рассудке или компетентности вошедшего, так как данный факт будет означать только инклюзивную политику администрации в отношении сотрудников-квadroберов, которые даже в таком виде служат выздоровлению пациентов. В то же время препятствием к подобной трансформации биокультурного дизайна может стать материальный дизайн стетоскопа, не приспособленного к анатомическим особенностям наружных слуховых проходов представителей семейства кошачьих и, соответственно, их имитантов, если они все-таки реализуют дизайн своего взаимодействия с выбранной идентичностью.

Приведенный пример показывает тесную взаимосвязь всех уровней дизайна через призму материального объекта, оформленного институциональным дизайном и обратно влияющим на оформление последнего. В то же время необходимо отметить, что различные уровни социоматериального дизайна также могут быть интегрированы посредством нарративов, устанавливающих дополнительные смысловые связи между ними.

Заключение

Сегодня концепция дизайна стала не только инструментом организации творческого процесса в промышленности и управленческой деятельности, но и аналитическим инструментом, позволяющим более точно выявлять структуру социальных ситуаций и контекстов. Социоматериальный подход к дизайну фокусирует внимание на ролях, которые материальные артефакты играют в создании и поддержании социальных практик и взаимодействий, тем самым способствует выявлению многоуровневой структуры данных практик. В то же время раскрытие потенциала социоматериального дизайна как метода анализа социальных феноменов требует дополнительных исследований в направлении взаимосвязи дизайна и нарратива в социальной рефлексии относительно сложных социокультурных феноменов.

Продолжение следует

Список литературы

1. Buchanan R. Wicked problems in design thinking // *Design Issues*. 1992. Vol. 8, № 2. P. 5–21.
2. Buchanan R. Worlds in the Making: Design, management, and the reform of organizational culture // *She Ji: The Journal of Design, Economics, and Innovation*. 2015. Vol. 1, № 1. P. 5–21. <https://doi.org/10.1016/j.sheji.2015.09.003>
3. Buchanan R. Surroundings and environments in fourth order design // *Design Issues*. 2019. Vol. 35, № 1. P. 4–22. https://doi.org/10.1162/desi_a_00517
4. Braga M. F. The fifth order of design // *Cubic Journal*. 2023. Vol. 6, № 6. P. 98–115. <https://doi.org/10.31182/cubic.2023.6.63>
5. Lee K. Institutions as objects in fourth Order design // *She Ji: The Journal of Design, Economics, and Innovation*. 2024. Vol. 10, № 2. P. 169–191. <https://doi.org/10.1016/j.sheji.2024.08.001>
6. Steinberg E. AI, radical ignorance, and the institutional approach to consent // *Philosophy & Technology*. 2024. Vol. 37, № 3. P. 1–26. <https://doi.org/10.1007/s13347-024-00787-z>

References

1. Buchanan R. Wicked problems in design thinking. *Design Issues*, 1992, vol. 8, no. 2, pp. 5–21.
2. Buchanan R. Worlds in the Making: Design, management, and the reform of organizational culture. *She Ji: The Journal of Design, Economics, and Innovation*, 2015, vol. 1, no. 1, pp. 5–21. <https://doi.org/10.1016/j.sheji.2015.09.003>
3. Buchanan R. Surroundings and environments in fourth order design. *Design Issues*, 2019, vol. 35, no. 1, pp. 4–22. https://doi.org/10.1162/desi_a_00517
4. Braga M. F. The fifth order of design. *Cubic Journal*, 2023, vol. 6, no. 6, pp. 98–115. <https://doi.org/10.31182/cubic.2023.6.63>
5. Lee K. Institutions as objects in fourth Order design. *She Ji: The Journal of Design, Economics, and Innovation*, 2024, vol. 10, no. 2, pp. 169–191. <https://doi.org/10.1016/j.sheji.2024.08.001>
6. Steinberg E. AI, radical ignorance, and the institutional approach to consent. *Philosophy & Technology*, 2024, vol. 37, no. 3, pp. 1–26. <https://doi.org/10.1007/s13347-024-00787-z>

Поступила в редакцию 08.01.2025; одобрена после рецензирования 26.01.2025; принята к публикации 22.04.2025; опубликована 30.06.2025

The article was submitted 08.01.2025; approved after reviewing 26.01.2025; accepted for publication 22.04.2025; published 30.06.2025

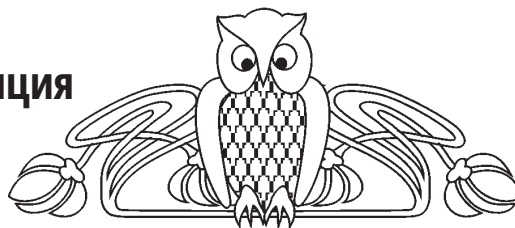

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 95–99
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 95–99
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-2-95-99>, EDN: EHBQFK

Научная статья
УДК 17.036.11

Этика трансгуманизма как квинтэссенция гедонистических представлений

А. Л. Крайнов

Саратовский государственный университет генетики, биотехнологии и инженерии имени Н. И. Вавилова, Россия, 410012, проспект им. Петра Столыпина, зд. 4, стр. 3

Крайнов Андрей Леонидович, кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, krainoval@sgau.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2129-0065>

Аннотация. Введение. Статья посвящена этике трансгуманизма как философскому направлению, возводящему гедонистические ценности в главный принцип существования человека. Желание жить без боли и без страданий здесь и сейчас не требует объяснений, в то время как увещания к страданиям в земной жизни ради призрачной нирваны вызывают немало вопросов. Сложность в оценке трансгуманистических идей связана с жесткой детерминированностью человеческой жизни техносферой. **Теоретический анализ.** Представления древних греков как основоположников гедонизма о достижении счастья во многом совпадают с основными идеями этики гедонистического трансгуманизма. В технике априори заключена гедонистическая сущность. Древние греки руководствовались в достижении счастья техникой как деятельностью, а представители трансгуманизма понимают под ней средства деятельности. **Заключение.** Идеи трансгуманизма представляют собой естественное желание человека избавиться от страданий, продолжая идеи античного гедонизма. Разница только в более совершенной технике, развитие которой может привести человечество к эре технологической сингулярности. В силу невозможности для человека отказаться от использования техники, он должен следовать в ее развитии и использовании принципам меры во всем и срединного пути.

Ключевые слова: трансгуманизм, гедонизм, утилитаризм, философия техники, аболиционизм, гедонистический трансгуманизм, этика трансгуманизма

Для цитирования: Крайнов А. Л. Этика трансгуманизма как квинтэссенция гедонистических представлений // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 95–99. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-2-95-99>, EDN: EHBQFK

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The ethics of transhumanism as the quintessence of hedonistic ideas

A. L. Kraynov

Saratov State University of Genetics, Biotechnology and Engineering named after N. I. Vavilov, building 4, block 3 Peter Stolypin Avenue, Saratov 410012, Russia

Andrey L. Kraynov, krainoval@sgau.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2129-0065>

Abstract. Introduction. The article is devoted to the ethics of transhumanism as a philosophical trend that elevates hedonistic values to the main principle of human existence. The desire to live without pain and without suffering here and now does not require explanation, while exhortations to suffering in earthly life for the sake of an illusory nirvana raise many questions. The difficulty in assessing transhumanist ideas is associated with the rigid determinism of human life by the technosphere. **Theoretical analysis.** The ideas of the ancient Greeks as the founders of hedonism about achieving happiness largely coincide with the main ideas of the ethics of hedonistic transhumanism. A priori, technology contains a hedonistic essence. The ancient Greeks were guided in achieving happiness by technology as an activity, and representatives of transhumanism understand it as a means of activity. **Conclusion.** The ideas of transhumanism represent the natural desire of a man to get rid of suffering, thus they continue the ideas of ancient hedonism. The only difference lies in a more advanced technology, the development of which can lead humanity to the era of technological singularity. Due to the impossibility for a man to refuse to use the technology, he must follow the principles of measure in everything and the middle way in its development and use.

Keywords: transhumanism, hedonism, utilitarianism, philosophy of technology, abolitionism, hedonistic transhumanism, ethics of transhumanism

For citation: Kraynov A. L. The ethics of transhumanism as the quintessence of hedonistic ideas. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 95–99 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-2-95-99>, EDN: EHBQFK

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Актуальность исследования обусловлена естественным стремлением человека минимизировать или вовсе прекратить страдания с помощью достижений науки и техники. Это стремление пытается воплотить в реальность международное движение трансгуманизма, обладающее не только мощной сетью социально-политических институтов для реализации своих идей, но и достаточно стройной философской концепцией, вызывающей неподдельный интерес далеко за пределами целевой аудитории. В основе этики трансгуманизма лежит идея максимального продления человеческой жизни посредством НБИК-технологий. Сегодня модно ругать данное философское направление, апеллируя к недопустимости вторжения в человеческое тело с целью его модификации. Представители различных религиозных конфессий видят в трансгуманизме разновидность сатанизма, и в некотором роде их точка зрения имеет достаточное основание. Тем не менее, появление трансгуманизма как философского мировоззрения произошло не столько под влиянием череды промышленных и научно-технических революций, сколько из-за присущего человеку стремления к наслаждению. Корни трансгуманизма покоятся в самой природе человека и в такой особенности, характеризующей исключительно человека, как его имманентная зависимость от техники.

Значимость исследуемой проблемы связана с последними тенденциями в сфере науки и техники, направленными на расширение когнитивных способностей человека с помощью искусственного интеллекта, облегчение человеческого существования за счет роботизации всех сфер человеческой жизнедеятельности.

Цель исследования – выявить взаимосвязь между этикой трансгуманизма и античного гедонизма на основе понимания техники представителями данных направлений как деятельности, ведущей к наслаждению.

Новизна исследования обусловлена сравнительно малым количеством научных публикаций, обращающих внимание на трансгуманизм как на совершенно естественное явление, такое же как стремление человека к наслаждению, а также современными процессами в области НБИК-технологий, облегчающими человеческую деятельность и приближающих человека к технологическому бессмертию.

Материалы исследования могут быть использованы при подготовке курсов по философии техники, этике и социальной философии.

Теоретический анализ

Исходным тезисом данного исследования будет утверждение, что *техника есть способ существования человека*. Русский философ техники Петр Климентьевич Энгельмейер склонялся к определению человека как технического животного [1]. Не секрет, что человек является единственным живым существом на планете Земля, которое не может обойтись без техники. Без одежды он погибнет от переохлаждения или зноя, без оружия не обеспечит себя пропитанием и не защитится от хищников, без орудий труда не выкопает землянку и не построит хижину. Начиная от примитивных орудий труда, заканчивая современными НБИК-технологиями, человек находится в постоянной зависимости от технических средств, так как техника облегчает его существование, следовательно, способствует его выживанию как биологического вида, с одной стороны, выполняя утилитаристские функции, а с другой стороны, доставляет ему наслаждение, проявляя свою гедонистическую сущность.

В философских подходах к феномену техники практически не анализируется ее прямая взаимосвязь с получением наслаждения. Техника приносит пользу, является мастерством и умением, помогает человеку победить природу, но вместе с этим она делает человеческую жизнь удобной и комфортной, следовательно, является и источником наслаждения. Игнорирование гедонистической сущности техники научным сообществом во многом связано с анализом конечных целей гедонизма, в то время как причины, приведшие к их осуществлению, остаются забытыми. Согласно определению основоположника киренской школы Аристиппа (он же является родоначальником гедонизма) под гедонизмом следует понимать достижение человеком наибольшего счастья и минимизацию боли (цит. по: [2]). Это итоговые цели всех гедонистических учений, начиная с Античности, заканчивая современной этикой трансгуманизма. Важно отметить, что древние греки, равно как и представители трансгуманизма, одинаково осознают исключительную роль техники в достижении счастья.

По мнению А. Б. Глозмана, в философии доминирующими являются два подхода к определению сущности техники, один из которых под техникой понимает средство деятельности, а второй – саму деятельность [3]. Трансгуманисты в большей степени являются представителями первого подхода, а древние греки – второго. Для Платона высшим благом являются чистые удовольствия, которыми мы можем обладать, будучи вовлеченными в некоторые виды деятельности. В Диалоге «Филеб» Платон подчеркивает, что становление (оно же деятельность) есть источник наслаждения для утоляющих голод и жажду, что алчущие и жаждущие не захотели бы жить ради конечной цели, не томясь голодом и жаждой, не испытывая процесса становления, т. е. определенной деятельности, направленной на постепенное приближение страждущих к наслаждению или благу [4]. По мнению А. В. Прокофьева и некоторых зарубежных исследователей Античности, для получения самых лучших удовольствий нам следует сфокусироваться не на удовольствии, но на деятельности [5]. Аристотель также полагает деятельность в качестве причины удовольствия, подчеркивая, что без нее никакого удовольствия достичь нельзя [6]. Таким образом, деятельность неразрывно связана с получением удовольствия – «человек делает то, что он любит делать» [5, с. 688].

Киренаики и эпикурейцы полагали, что наслаждение является высшим благом, так как оно избавляет нас от страданий и боли. Представители киренской школы считали телесную боль хуже душевной, апеллируя к телесным наказаниям преступников, в то время как последователи Эпикура считали, что душевная боль доставляет нам больше страданий, так как душу мучают невзгоды прошлого, настоящего и будущего одновременно, в отличие от тела [2]. Эпикур призывал не бояться богов и смерти как источников страдания, так как «первые живут в пространстве между мирами и никоим образом на нас не влияют, а второй нет, пока мы живы, когда же она приходит, то нас уже нет» (цит. по: [2]). Именно смерть есть атрибут страдания во все эпохи, так как она всегда сопровождается муками. Не даром во многих христианских молитвах есть прошения у Бога мирной и непостыдной смерти. Смерть всегда ужасна. Достаточно почитать Жития святых мучеников и страстотерпцев,

чтобы этот ужас доподлинно предстал перед глазами. Даже после смерти, согласно многим религиозным представлениям, человека ожидает суд, после которого для некоторых могут наступить муки вечные.

Естественное желание человека преодолеть смерть как источник мучения и боли, отложить ее приход на максимально возможный срок и продлить наслаждение жизнью нашло свое отражение в этике трансгуманизма, особенно в таком его направлении, как гедонистический трансгуманизм или аболиционизм (не путать с движением за права и свободы афроамериканцев XVIII–XIX вв.). Как отмечает Ю. В. Хвастунова, основоположник данного направления британский философ-утилитарист Дэвид Пирс, разработал гедонистический императив (2007 г.) как систему этических принципов, призванных сконструировать рай на Земле с помощью применения нанотехнологий, генной инженерии, фармакологии и нейрохирургии [7]. Основная цель современного аболиционизма точно такая же, как и гедонизма древних греков: минимизировать или полностью устранить страдания посредством техники. При этом аболиционисты делают акцент в элиминации страданий в большей степени на технике как средстве деятельности, т. е. на различных технологиях, применяемых, главным образом, в медицине, для того чтобы максимально продлить человеческую жизнь и устранить источник болезни.

В работе «Аболиционистский проект» Д. Пирс описывает технические методы ликвидации страданий, к которым относятся наркотики, токовая стимуляция и генная инженерия [8]. Методы, прямо скажем, фашистские, насильственно навязывающие состояние счастья и эйфории. Они противоречат представлениям о достижении счастья не только в авраамических религиях, где путь к счастью лежит через страдания, но и в дхармических, одним из приверженцев которых Д. Пирс являлся. Его желание – опустить нирвану извнеземного потустороннего бытия в мир господства колеса сансары, устранив последнее вместе с кармой навсегда из земной жизни человека. Но в данной работе мы не пытаемся дать моральную оценку этике Д. Пирса, а показываем, что техника в человеческой жизни выступает проводником счастья, подчеркивая тем самым её гедонистическую сущность.

Заключение

Проведенный анализ позволяет заключить, что современные трансгуманистические идеи технического совершенства человека не являются чем-то новым и противоречащим человеческой сущности. Новым в них является все время совершенствующаяся техника, а базовый принцип остается неизменным: техническая сущность человека постоянно использует технику для достижения высшего блага, т. е. гедонистической идеи преодоления боли и страдания, а в исключительном случае и самой смерти (технологическое бессмертие в виртуальной реальности, клонирование, перенос сознания в новое тело, крионика и т.п.). Какой слабовидящий откажется от ношения очков, а человек с выраженной брадикардией от кардиостимулятора? Но это технологии XIII и XX столетий. Сегодня техника сделала очередной прорыв, который может привести к технологической сингулярности, – моменту в развитии техники, когда человек полностью утратит над ней контроль [9]. Речь идет о становлении эры постчеловечества, где суперинтеллектуальный интеллект будет управлять всей человеческой деятельностью и создавать новую технику с такой быстротой ее совершенствования, что человек будет не способен ни контролировать, ни осмыслить это.

Такие трансгуманистические перспективы развития человечества подвергаются критике различными антисциентистами-технопессимистами, представителями духовных конфессий, конспирологами. В развитии техники, особенно цифровой, они видят абсолютное зло, но сами при этом не спешат последовать Диогену Синопскому, Льву Толстому или Жаку Эллию, основная идея которых заключалась в максимальном опрощении жизни, в этике отказа от техники. Объяснение этому заключается в технической сущности человека, в одинаковом получении удовольствия от использования кружки при утолении жажды и компьютера при работе с документами. Даже монахи сегодня пользуются различными гаджетами и благами информационного общества (хотя не должны), так как это приносит им удовольствие в работе, существенно облегчает выполнение послушаний, связанных с осуществлением процесса коммуникации. А. Ф. Лосев, тайно принявший монашество под именем Андроник, в работе

«Диалектика мифа» писал: *«Зажигать перед иконами электрический свет так же нелепо и есть такой же нигилизм для православного, как летать на аэропланах или наливать в лампаду не древесное масло, а керосин»* [10, с. 79].

Таким образом, этика трансгуманизма не ставит своей задачей уничтожить или поработить человечество. Она стремится доставить человеку блаженство с помощью техники как средства деятельности, она является квинтэссенцией гедонистических представлений, выражая идеи трансформации человеческого тела для получения наслаждения. Уничтожить себя способен только сам человек, забыв про принцип меры во всем древних греков и срединный путь духовных учителей. Любое наслаждение уравнивается страданием: больше наслаждений, следовательно, больше страданий. Стремясь полностью избавиться от страданий, человек допускает роковую ошибку, рискуя полностью утратить и наслаждения.

Список литературы

1. Энгельмейер П. К. Философия техники. М. : Товарищество скоропечатни А. А. Левенсон, 1912. Вып. 1. 96 с.
2. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М. : Мысль, 1986. 571 с.
3. Глозман А. Б. Техника как деятельность и предмет философского анализа // Философия и общество. 2010. № 1 (57). С. 110–123. EDN: MBCWVB
4. Платон. Филеб // Платон. Собр. соч. : в 4 т. М. : Мысль, 1994. Т. 3. С. 7–78.
5. Прокофьев А. В. Парадокс гедонизма как средство обоснования морали // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2020. Т. 45, № 4. С. 685–695. <https://doi.org/10.18413/2712-746X-2020-45-4-685-695>, EDN: BQHNUN
6. Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Собр. соч. : в 4 т. М. : Мысль, 1984. Т. 4. С. 53–294.
7. Хвастунова Ю. В. Гедонистический императив и райская инженерия Дэвида Пирса как нравственно-религиозная основа современного трансгуманизма // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 56. С. 146–156. <https://doi.org/10.17223/1998863X/56/15>
8. Пирс Д. Аболиционистский проект. 2007. URL: <https://www.abolitionist.com/russian/> (дата обращения: 02.02.2025).
9. Илон Маск абсолютно уверен, что технологическая сингулярность будет достигнута к 2030 году. URL: <https://rusnor.org/news/current/19598.htm> (дата обращения: 02.02.2025).
10. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М. : Мысль, 2001. 558 с.

References

1. Engelmeyer R. K. *Filosofiya tekhniki. Vyp. 1* [Philosophy of technology. Iss. 1]. Moscow, Tovariščestvo skoro-pechatni A. A. Levenson, 1912. 96 p. (in Russian).
2. Diogen Laertsikiy. *O zhizni, ucheniyakh i izrecheniyakh znamenitikh filosofov* [About life, teachings and sayings of famous philosophers]. Moscow, Mysl', 1986. 571 p. (in Russian).
3. Glozman A. B. Technique as an activity and the subject of philosophical analysis. *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and Society], 2010, no. 1 (57), pp. 110–123 (in Russian). EDN: MBCWVB
4. Platon. *Fileb*. In: Platon. *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Collected works: in 4 vols.]. Moscow, Mysl', 1994, vol. 3, pp. 7–78 (in Russian).
5. Prokofev A. V. The paradox of hedonism as a means of justification of morality. *Nomothetika: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo* [Nomothetika: Philosophy. Sociology. Law], 2020, vol. 45, no. 4, pp. 685–695 (in Russian). <https://doi.org/10.18413/2712-746X-2020-45-4-685-695>, EDN: BQHHUN
6. Aristotel. *Nicomachean Ethics*. In: Aristotel. *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Collected works: in 4 vols.]. Moscow, Mysl', 1984, vol. 4, pp. 53–294 (in Russian).
7. Khvastunova Yu. V. David Pearce's hedonistic imperative and paradise engineering as a moral and religious basis of modern transhumanism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science], 2020, no. 56, pp. 146–156 (in Russian). <https://doi.org/10.17223/1998863X/56/15>
8. Pearce D. *The Abolitionist project*. 2007. Available at: <https://www.abolitionist.com> (accessed February 2, 2025).
9. *Ilon Mask absolutno uveren, chto tekhnologicheskaya singulyarnost' budet dostignuta k 2030 godu* (Elon Musk is absolutely confident that the technological singularity will be reached by 2030). Available at: <https://rusnor.org/news/current/19598.htm> (accessed February 2, 2025) (in Russian).
10. Losev A. F. *Dialektika mifa* [Dialectics of myth]. Moscow, Mysl', 2001. 558 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 02.02.2025; одобрена после рецензирования 16.02.2025;
принята к публикации 22.04.2025; опубликована 30.06.2025
The article was submitted 02.02.2025; approved after reviewing 16.02.2025;
accepted for publication 22.04.2025; published 30.06.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 100–104

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 100–104

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-2-100-104>, EDN: GQWTEK

Научная статья

УДК [1:316](470+571)+1(410)+929Лакатос

Потенциал методологии И. Лакатоса в исследовании социально-политических дискурсов

А. А. Долматов

Ульяновский государственный технический университет, Россия, 432027, г. Ульяновск, ул. Северный Венец, д. 32

Долматов Антон Алексеевич, аспирант кафедры философии, antdolmatow@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0004-5465-6395>

Аннотация. Введение. В статье обозначены исследовательские позиции в рамках изучения социально-политического дискурса. **Теоретический анализ.** Отмечается, что социально-политический дискурс следует эксплицировать как модус (порядок) коммуникации власти и общества с целью выработки консенсуса. Исследование социально-политических дискурсов как различных модусов (порядков) властно-общественной коммуникации в статье представлено на основе методологии исследовательских программ И. Лакатоса. Понятие исследовательской программы из концепции Лакатоса полагается когерентным понятию социально-политического дискурса. В этой связи концептуальная лакатосовская терминология рассматривается как метафора для объяснения социально-политической динамики. В дескрипции и анализе социально-политических дискурсов, наряду с исследовательской программой, выделяются такие центральные метафоры как метафизическое ядро («жёсткое ядро») и защитный пояс, согласно используемой терминологии Лакатоса. Обозначено соперничество социально-политического дискурса либеральных ценностей и социально-политического дискурса традиционных ценностей как основная тенденция современного периода. Указано, что особенностью дискурса либеральных ценностей является симулякр метафизического ядра. **Заключение.** Социально-политический дискурс традиционных ценностей послужил основой консенсуса большинства при принятии поправок к Конституции Российской Федерации 2020 г. и стал стержневым в динамике современной социально-политической системы России.

Ключевые слова: социально-политический дискурс, коммуникация, власть, общество, консенсус

Для цитирования: Долматов А. А. Потенциал методологии И. Лакатоса в исследовании социально-политических дискурсов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 100–104. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-2-100-104>, EDN: GQWTEK

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The potential of I. Lakatos' methodology in the study of socio-political discourses

A. A. Dolmatov

Ulyanovsk State Technical University, 32 Severny Venets St., Ulyanovsk 432027, Russia

Anton A. Dolmatov, antdolmatow@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0004-5465-6395>

Abstract. Introduction. The article outlines research positions within the framework of the study of socio-political discourse. **Theoretical analysis.** It is noted that socio-political discourse should be explicated as a mode (order) of communication between government and society for the purpose of developing a consensus. The study of socio-political discourses as different modes (orders) of communication between authorities and society is presented in the article based on the methodology of I. Lakatos' research programs. The notion of a research program from Lakatos' conception is considered coherent with the notion of socio-political discourse. In this regard, the conceptual Lakatos' terminology is considered as a metaphor for explaining socio-political dynamics. In the description and analysis of socio-political discourses, along with the research program, such central metaphors as the metaphysical core («hard core») and the protective belt are highlighted, according to the terminology used by Lakatos. The rivalry between the socio-political discourse of liberal values and the socio-political discourse of traditional values is outlined as the main trend of the modern period. It is stated that a special feature of the discourse of liberal values is the simulacrum of the metaphysical core. **Conclusion.** The socio-political discourse of traditional values served as the basis for the majority consensus when adopting amendments to the Constitution of the Russian Federation in 2020 and, thus, became pivotal in the dynamics of the modern socio-political system of Russia.

Keywords: socio-political discourse, communication, power, society, consensus

For citation: Dolmatov A. A. The potential of I. Lakatos' methodology in the study of socio-political discourses. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 100–104 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-2-100-104>, EDN: GQWTEK

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Коммуникация власти и общества в знаково-символическом опосредовании исследуется как проблематика социально-политического дискурса. Политолог О. А. Воронкова отмечала, что социально-политический дискурс служит в качестве «баланса (консенсуса) между политической системой и современным обществом» [1, с. 10]. С целью нахождения консенсуса социально-политическим дискурсом тематизируется институциональный диалог государства и гражданского общества, что подчёркивалось философом А. В. Зайцевым [2]. Для лингвиста А. Н. Тарасовой социально-политический дискурс интегрирует разные подтипы дискурсов власти и общества [3].

С понятием «социально-политический дискурс» корреспондируется термин «общественно-политический дискурс». Лингвист К. М. Шилихина указывала, что благодаря сети Интернет в общественно-политическом дискурсе появилась возможность публичного оценочного суждения появилась у «рядовых членов общества» [4, с. 122]. Однако, по мнению политолога Д. С. Чекменева, общественно-политический дискурс целенаправленно конструируется «ведущими политическими субъектами» [5, с. 69]. В то же время политолог К. А. Феофанов отметил, что в большинстве стран мира с развитием информационных технологий и социальных сетей произошла деградация социально-политического дискурса в результате обесценивания суждений профессиональных экспертов по сравнению с ростом влияния непрофессионалов и сетевых сообществ [6].

Согласно немецкому философу Ю. Хабермасу необходимо обеспечить интегрирующую силу коммуникаций, ориентированных на общегосударственные задачи. В этой связи важна поднятая им проблематика дискурсивно разрабатываемого консенсуса. Философ указывал: «В плюралистическом государстве конституция выражает формальный консенсус» [7, с. 216].

Теоретический анализ

Консенсус большинства легитимируется правовой демократической процедурой голосования. Обеспечивает консенсус большинства социально-политический дискурс, обладающий преимущественной эвристической и объясни-

тельной силой. Социально-политический дискурс мы эксплицируем как модус или порядок коммуникации власти и общества. Такими модусами (порядками) властно-общественной коммуникации можно назвать социально-политические дискурсы традиционных ценностей, либеральный, коммунистический и др. В конкуренции социально-политических дискурсов следует выделять уровень рационального соперничества, включающий состязание политических аргументов, экономических стратегий, философско-исторических интерпретаций. Однако основу социально-политических дискурсов составляют базисные метафизические суждения, которые могут быть истолкованы как иррациональные.

Представляется перспективным использование методологии исследовательских программ венгерского философа науки И. Лакатоса (1922–1974) для анализа и дескрипции социально-политических дискурсов. Преимущество подхода Лакатоса заключается в том, что «методология исследовательских программ говорит о длительном теоретическом и эмпирическом соперничестве главных исследовательских программ, прогрессивных и регрессивных сдвигах проблем и о постепенно выявляющейся победе одной программы над другой» [8, с. 483].

Идея конкуренции основных исследовательских программ как главного фактора роста научного знания аналогична по значению соперничеству дискурсов в социально-политической сфере. Понятие исследовательской программы мы полагаем возможным считать когерентным понятию социально-политического дискурса. В этой связи терминология Лакатоса будет рассматриваться как метафора для объяснения социально-политической динамики. Эвристическую роль метафоры, перенесённой из естественных наук в социальные науки, а затем в идеологию, отметил советский и российский учёный С. Г. Кара-Мурза на примере метафоры мира как равновесной машины из механики И. Ньютона, воспринятой политэкономией А. Смита и повлиявшей на идеологию буржуазного общества. С. Г. Кара-Мурза писал: «Метафора мира как равновесной машины (часы), приложенная к экономике, не была ни научным, ни логическим выводом. Это была метафизическая установка религиозного происхождения (см. о деизме Адама Смита).

Равновесие в экономике не было законом, открытым в политэкономии, напротив – все поиски экономических законов были основаны на вере в это равновесие» [9, с. 124].

Понятие исследовательской программы следует считать одной из центральных метафор в нашем способе исследования социально-политических дискурсов. В исследовательской программе Лакатос выделял метафизический базис – «конвенционально принятое (и поэтому “неопровержимое”, согласно заранее избранному решению) “жесткое ядро”» [8, с. 471], которое может быть образовано «самыми абстрактными утверждениями» [10, с. 322]. Метафизическое основоположение программы, таким образом, постулируется как акт веры, несмотря на то, что сам Лакатос не прибегал к такой терминологии. Понятие метафизического ядра – вторая центральная метафора, согласно нашей позиции.

Иллюстрацией метафизических основ социально-политических дискурсов могут послужить исторические примеры: метафизическим ядром коммунистического дискурса являлась вера в бесклассовое общество; у либерального дискурса – вера в свободу; у национал-социализма – в расу. Однако следует выделить репрезентативный для Новейшего времени феномен симулякра метафизического ядра. Внедрение симулякра в метафизическое ядро связано с тем, что знаково-символическая коммуникация политической власти и общества подменяет собой общение, понимаемое Н. А. Бердяевым (1874–1948), как «духовный феномен, выходящий за пределы органической природы» [11, с. 307] в экзистенциальный мир, где преодолевается условность знаковой коммуникации.

Согласно нашей точке зрения, специфичность современного социально-политического дискурса либеральных ценностей заключается в симулякре метафизического ядра. Метафизическое ядро дискурса либеральных ценностей исторически в XVII–XVIII вв. было связано с идеями христианского гуманизма, как это представлено у английского философа Дж. Локка (1632–1704). Однако гуманистический контент современного дискурса либеральных ценностей не корреспондируется с христианским семантическим содержанием и противоречит ему. Стремление дискурса либеральных ценностей к постметафизическому обоснованию общественных норм, обнаруживаемое в XX в., при-

вело к усилению роли знаково-символической коммуникации, в которой, согласно Ж. Деррида (1930–2004), «происходит бесконечная игра знаковых замещений» [12, с. 447–448], что для нас является признаком внедрения симулякра метафизического ядра дискурса.

В современном российском социально-политическом дискурсе за последние годы обозначился процесс возникновения метафизического ядра. Решающее значение в этом отношении имели принятые в 2020 г. на общероссийском голосовании поправки к Конституции Российской Федерации: поправка с упоминанием веры в Бога – статья 67.1, часть 2; о придании русскому языку статуса языка государствообразующего народа – статья 68, часть 1; о защите института брака как союза мужчины и женщины – статья 72, часть 1, пункт «ж.1»; о сохранении традиционных семейных ценностей – статья 114, часть 1, пункт «в» [13].

Современный российский социально-политический дискурс следует оценивать как дискурс традиционных ценностей, обеспечивший консенсус большинства в коммуникации власти и общества при подготовке и принятии поправок к Конституции Российской Федерации 2020 г. С принятием конституционных поправок в 2020 г. дискурс традиционных ценностей вышел на доминирующее положение в современной российской социально-политической системе.

Становление дискурса традиционных ценностей сопряжено с соперничеством с дискурсом либеральных ценностей, имевшим значительный авторитет с начала 1990-х гг. после кризиса коммунистического дискурса и распада СССР. В настоящее время коммунистический дискурс можно сравнить с регрессирующей программой по терминологии Лакатоса. Произошедший за первые десятилетия XXI в. упадок дискурса либеральных ценностей в России объясняется в рамках методологии Лакатоса ослаблением его защитного пояса. Защитный пояс – третья центральная метафора. Лакатос отмечал, что защитный пояс, формирующийся из дополнительных гипотез, должен выдерживать удар проверок и, в случае необходимости, «должен приспосабливаться, переделываться или даже полностью заменяться, если того требуют интересы обороны» [10, с. 323]. Однако защитный пояс дискурса либеральных ценностей в России не приспособился под ударом

проверок; не устоял принцип *laissez-faire* – невмешательство государства в экономику на фоне экономических, социальных и политических проблем в России рубежа XX–XXI вв. Как отмечал С. Г. Кара-Мурза, «одной из причин кризиса идеологий является очень медленное освоение тех новых моделей, метафор и способов описания, которые предоставляет наука с системным видением природы, человека и общества» [9, с. 108].

Заключение

Согласно методологии Лакатоса регрессирующую программу вытесняет эвристически более сильная программа. Однако Лакатос считал, что не обязательно должна произойти элиминация проигравшей программы. В рамках конкуренции социально-политических дискурсов полная элиминация одного из дискурсов маловероятна. С точки зрения Лакатоса, если исследовательская программа временно потерпела поражение, но была способна нарастить эвристическую силу и произвести прогрессивный сдвиг проблем, то приверженность такой программе является рациональной. В качестве исторического примера можно привести социально-политический дискурс Российской империи, метафизическую основу которого составляли православные ценности. Несмотря на подавление после революции 1917 г., традиционный дискурс восстановил в настоящее время в модифицированном виде свою силу, на что указывают отмеченные выше поправки к Конституции Российской Федерации 2020 г., где чётко задаётся социально-политический дискурс традиционных ценностей, фундированный традиционными конфессиями, среди которых православие – наиболее представительная конфессия в России.

Список литературы

1. Воронкова О. А. Кризис идеологии и развитие социально-политического дискурса в России (1985–2010 гг.): автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2011. 25 с.
2. Зайцев А. В. Институционализация диалога государства и гражданского общества в социально-политическом дискурсе современной России // Многоликий дискурс: монография / под общ. ред. В. Е. Хвощева, М. А. Малышева. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ; Изд-во НОЦ «КЛОН», 2012. С. 359–370.

3. Тарасова А. Н. О некоторых спорных вопросах теории дискурса и речевых жанров // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 11 (804). С. 325–336.
4. Шилихина К. М. Ироническое выражение деонтической оценки в общественно-политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2013. № 1 (43). С. 121–127.
5. Чекменев Д. С. Конструирование общественно-политического дискурса в современной российской публичной политике: дис. ... д-ра полит. наук. Пятигорск, 2020. 400 с.
6. Феофанов К. А. Постправда – фактор деградации социально-политического дискурса // Обозреватель. 2023. № 2 (397). С. 36–51. https://doi.org/10.48137/2074-2975_2023_2_36
7. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность: Московские лекции и интервью. М.: КАМІ, 1995. 245 с.
8. Лакатос И. История науки и её рациональные реконструкции // Кун Т. Структура научных революций / сост. В. Ю. Кузнецов. М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. С. 455–524.
9. Кара-Мурза С. Г. Идеология и мать её наука. М.: Эксмо, 2002. 256 с.
10. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ // Кун Т. Структура научных революций / сост. В. Ю. Кузнецов. М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. С. 269–453.
11. Бердяев Н. А. Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения // Бердяев Н. А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. С. 229–316.
12. Деррида Ж. Письмо и различие. М.: Академический Проект, 2000. 495 с.
13. Конституция Российской Федерации (с гимном России). М.: Проспект, 2025. 64 с.

References

1. Voronkova O. A. *The crisis of ideology and the development of socio-political discourse in Russia (1985–2010)*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Polit.). Moscow, 2011. 25 p. (in Russian).
2. Zaitsev A. V. Institutionalization of the dialogue between the state and civil society in the socio-political discourse of modern Russia. In: *Mnogolikiy diskurs* [Khvoshchev V. E., Malyshev M. A., total eds. A multifaceted discourse]. Chelyabinsk, YUUrGU Publ., Izd-vo NOTS “KLON”, 2012, pp. 359–370 (in Russian).
3. Tarasova A. N. On some discussion points of the discourse theory and discourse genres. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities], 2018, no. 11 (804), pp. 325–336 (in Russian).

4. Shilikhina K. M. Ironie expression of deontic evaluation in public political discourse. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2013, no. 1 (43), pp. 121–127.
5. Chekmenov D. S. *The construction of socio-political discourse in modern Russian public policy*. Diss. Dr. Sci. (Polit.). Pyatigorsk, 2020. 400 p. (in Russian).
6. Feofanov K. A. Post-truth – a factor of the degradation of socio-political discourse. *Obozrevatel'* [Observer], 2023, no. 2 (397), pp. 36–51 (in Russian). https://doi.org/10.48137/2074-2975_2023_2_36
7. Habermas J. *Demokratiya. Razum. Nравstvennost': Moskovskie lektzii i interv'yuy* [Democracy. Reason. Morality: Moscow lectures and interviews]. Moscow, KAMI, 1995. 245 p. (in Russian).
8. Lakatos I. History of Science and Its Rational Reconstructions. In: *PSA: Proceedings of the Biennial Meeting of the Philosophy of Science Association*, 1970, vol. 1970, pp. 91–136 (Russ. ed.: Lakatos I. *Istoriya nauki i ee ratsional'nye rekonstruktsii*. In: Kun T. *Struktura nauchnykh revolyutsiy*. Sost. V. Yu. Kuznetsov. Moscow, OOO "Izdatel'stvo AST", 2001, pp. 455–524).
9. Kara-Murza S. G. *Ideologiya i mat' ee nauka* [Ideology and its mother science]. Moscow, Eksmo, 2002. 256 p. (in Russian).
10. Lakatos I. Falsification and the Methodology of Scientific Research Programmes. In: Lakatos I., Musgrave A., eds. *Criticism and the Growth of Knowledge*. Cambridge, 1970, pp. 91–195. (Russ. ed.: Lakatos I. *Fal'sifikatsiya i metodologiya nauchno-issledovatel'skikh programm*. In: Kun T. *Struktura nauchnykh revolyutsiy*. Sost. V. Yu. Kuznetsov. Moscow, OOO "Izdatel'stvo AST", 2001, pp. 269–453).
11. Berdyaev N. A. I and the world of objects. The experience of the philosophy of loneliness and communication. In: Berdyaev N. A. *Filosofiya svobodnogo dukha* [Philosophy of the free spirit]. Moscow, Respublika, 1994, pp. 229–316 (in Russian).
12. Derrida J. *L'écriture et la difference*. Paris, Editions du Seuil, 1967. 435 p. (Russ. ed.: Derrida J. *Pis'mo i razlichie*. Moscow, Akademicheskii Proekt, 2000. 495 p.).
13. *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii (s gimnom Rossii)* [The Constitution of the Russian Federation (with the Russian National anthem)]. Moscow, Prospekt, 2025. 64 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 17.07.2024; одобрена после рецензирования 23.01.2025;
принята к публикации 22.04.2025; опубликована 30.06.2025
The article was submitted 17.07.2024; approved after reviewing 23.01.2025;
accepted for publication 22.04.2025; published 30.06.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 105–109

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 105–109

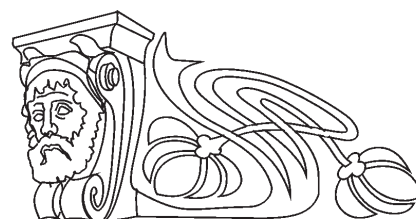
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-2-105-109>, EDN: HVWWHQ

Научная статья

УДК [73/.76:004.032.26](510)

Методология применения нейросетевых технологий в изобразительном искусстве современных художников Китая

М. А. Андреева

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1

Андреева Мария Алексеевна, аспирант кафедры философии и методологии науки, aleksing938@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-3011-4444>

Аннотация. Введение. Современные художники все чаще прибегают к новым способам создания произведений искусства – происходит постоянное внедрение нейросетевых программ и новых методик, что приводит к качественно новым результатам и новому художественному мышлению. В данном случае особо интересен опыт Китая, где на законодательном уровне внедряются разработки искусственного интеллекта в создание художественных работ. **Теоретический анализ.** Существуют несколько концепций, рассматривающих творчество и авторство в эпоху искусственного интеллекта. Исследователи сходятся на мнении, что сейчас мы находимся в эпохе соавторства с нейросетями, так как они могут привносить новые элементы в изначальный замысел художника. Китайские авторы активно используют ChatGPT, Midjourney и другие нейросети для разработки и усовершенствования своих идей. **Заключение.** Методология применения нейросетей обогащает творчество современных художников, но одновременно может стать угрозой для когнитивных способностей будущих авторов.

Ключевые слова: нейронные сети, креативность, генеративное искусство, искусственный интеллект, алгоритмическое искусство, Китай

Для цитирования: Андреева М. А. Методология применения нейросетевых технологий в изобразительном искусстве современных художников Китая // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 105–109. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-2-105-109>, EDN: HVWWHQ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The methodology of using neural networks in the fine arts of contemporary Chinese artists

M. A. Andreeva

Lomonosov Moscow State University, GSP-1, 1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia

Mariia A. Andreeva, aleksing938@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-3011-4444>

Abstract. Introduction. Contemporary artists increasingly resort to new ways of creating works of art – there is a constant introduction of neural network programs and new methods, which leads to qualitatively new results and new artistic thinking. In this case, the experience of China is especially interesting, where artificial intelligence developments are being introduced at the legislative level into the creation of works of art. **Theoretical analysis.** There are several concepts that consider creativity and authorship in the era of artificial intelligence. Researchers agree that we are now in the era of co-authorship with neural networks, as they can bring new elements to the original idea of the artist. Chinese authors actively use ChatGPT, Midjourney and other neural networks to develop and improve their ideas. **Conclusion.** The methodology of using neural networks enriches the creativity of contemporary artists, but at the same time, it can become a threat to the cognitive abilities of future authors.

Keywords: neural networks, creativity, generative art, artificial intelligence, algorithmic art, China

For citation: Andreeva M. A. The methodology of using neural networks in the fine arts of contemporary Chinese artists. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 105–109 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-2-105-109>, EDN: HVWWHQ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Использование нейросетей становится важным инструментом для современных худож-

ников, поскольку они способны быстро и точно обрабатывать большие массивы данных. Это позволяет им создавать новые формы искусства, исследовать границы человеческого восприятия

и взаимодействовать со зрителем. Современные художники активно используют нейросетевые технологии в своей практике, что является глобальной, охватывающей весь мир тенденцией. В этом ключе особо интересен опыт Китая, где технологии начали активно внедрять в сферу культуры за счет государственной политики – национальных планов цифрового развития и стратегий оцифровки, впервые введенных в 2016 г. В 2023 г. была намечена национальная стратегия оцифровки до 2025 г., включая сектор современного искусства, с «интеграцией искусства и технологий» [1]. Теперь можно с уверенностью подтвердить тот факт, что нейросети влияют на эстетику и техническое исполнение произведений искусства на государственном уровне.

Теоретический анализ

С точки зрения технологии, нейросетевые программы способны облегчить создание произведения искусства, реализовывая заданный человеком план действий. В настоящий момент достаточно сложно классифицировать все многообразие форм современного цифрового искусства, так как происходит постоянное смешение форматов, объединение существовавших медиа.

Цифровые технологии стали неотъемлемой частью творчества. Благодаря этому можно проследить и выделить концепцию, разделяющую представление о нейросети в цифровом искусстве на три этапа: технологический, период соавторства и дополнения, автономность. Некоторые исследователи, включая исследователя когнитивных наук профессора университета Суссекса М. Боден, считают возможным появление творческих способностей у нейросетей, что делает третий этап концепции осуществимым. Она создала типологию творчества, созвучную с концепцией выше и подходящую для оценивания возможностей искусственного интеллекта (ИИ), разделив понятие «творчество» на три вида: исследовательское, комбинирование и преобразующее [2].

Исследовательское творчество основывается на анализе уже существующих примеров, изучении границ и правил создания чего-либо. М. Боден утверждает, что 97% человеческого творчества состоит из подобного поиска. Этот вид творчества соответствует функциональным

характеристикам нейросети, так как напрямую связан с обработкой большого массива данных, что дается ИИ гораздо проще и быстрее, чем человеку.

Комбинированное творчество тоже подходит нейросетям, так как позволяет компоновать уже существующие работы, для чего достаточно большой базы данных и машинного обучения.

Преобразующее творчество подразумевает качественные скачки, переломные моменты в творчестве, например появление супрематизма. Считается, что подобный вид творчества пока не доступен нейронным сетям. Однако все может измениться, если «запрограммировать машину на иррациональное поведение, что является трудной, но выполнимой задачей» [2, с. 24].

Создатель кибернетики Н. Винер утверждал, что можно создать кибернетическую машину, которая проживает, если пользоваться понятиями французского философа Анри Бергсона, биологическое, творческое и необратимое время [3]. Согласно Хайдеггеру в кибернетике противостояние машин-автоматов и одушевленных существ утрачивается, так как оно оказывается в «кругу регулирования» и через универсальную исчислимость всего уравнивается [4]. Соответственно, граница между машиной и человеком зачастую становится достаточно незначительной – благодаря автоматизированным процессам, наши когнитивные возможности изменяются за счет технологий. Французский философ Э. Саден уверен, что происходит рационалистический скачок, из-за которого автоматизация отчасти заменит наши когнитивные способности за счет того, что устройства картографируют наши действия и передвижения, тем самым «предсказывая» наши планы и предлагая более подходящий вариант. Этот тип принятия решений будет постоянно развиваться, предлагая все более точные прогнозы и оценки действий человека [5].

Мы живем уже в эпоху не повторяющейся механической воспроизводимости, а скорее в эпоху рекурсивной цифровой воспроизводимости. Она принимает совершенно иную форму, которая все больше напоминает органический способ воспроизводства у растений и животных, но с гораздо большей способностью к мутациям и большей скоростью протекания

этих мутации [6]. Согласно китайскому философу Юку Хуэю, «триумф кибернетического метода, по-видимому, уничтожил бинарное мышление, противопоставляющее витализм механизму, но вместе с тем, ввиду своего механоорганизма, кибернетический метод бросил вызов дуалистическому философскому мышлению в целом» [6, с. 269]. Это означает, что далеко не всегда у художников есть возможность проконтролировать весь процесс, который был запущен ими при создании работы. Единственный способ контролировать нейросети, чтобы избежать появления нового контекста (изначально не заложенного художником), – быть соавтором и редактировать весь результат для доведения до изначальной задумки во избежание лишения своей субъектности [7].

Методология применения нейросетевых технологий в художественной практике включает несколько общемировых тенденций, однако китайские художники всегда отличаются особым желанием объединить традиционную культуру и современные технологии. Художник и программист Линдун Хуан использовал машинное обучение на основе традиционных китайских пейзажных техник и запрограммировал процесс генерации, обозначив его «{Шань, Шуй}*», при помощи которого создается бесконечный свиток китайской пейзажной живописи [6]. Применяя методы процедурной генерации, компьютер «выдумывает» живописные изображения гор, деревьев и рек, используя код в качестве единственного источника «вдохновения» – что соответствует исследовательскому творчеству, согласно концепции М. Боден.

Одноканальная инсталляция китайской художницы Ван Синь (Wang Xin) «Я проснулся, и мое тело наполнено солнцем, землей и звездами, я сейчас проснулся, и я – нечто огромное» (“I am Awake and My Body is Full of the Sun and the Earth and the Stars, I am Now Awake and I am an Immense Thing”) представляет собой сгенерированную видеопроекцию снов художницы, изображающую огромную человеческую голову, выполненную с одной стороны из камня и с другой – из кристалла, дрейфующую в розовом море. Инсталляция взаимодействует со зрителем с помощью записанного голоса Ван Синь – она предлагает пройти от работы по «линии медитации», нарисованной на полу, к розовому кругу и заполнить его рисунками мелом для освобождения от лишних мыслей.

Добавляя медитативную предпосылку перед творческим актом, произведение искусства пытается раскрыть естественную креативность человека посредством традиционной восточной техники – медитации [8]. При создании работ Ван Синь активно использует ChatGPT, но по большей части для реализации соавторства. Оно заключается в новых идеях, которые может сгенерировать ChatGPT: «Моей целью было черпать вдохновение из способности ИИ генерировать контент» [9].

Китайский художник с никнеймом CHILLCHILL2 предпочитает комбинированный тип творчества. Он работает сразу с несколькими нейросетями, такими как ChatGPT и Midjourney, для получения абсолютного нового аудиовизуального результата. Автор признается: такой подход дает ему больше свободы: «Больше возможностей, чем просто неподвижное изображение. Творческая часть с ИИ и программным обеспечением для меня более увлекательна, потому что я могу комбинировать изображение, видео, музыку, и тогда это похоже на целое представление» [9].

CHILLCHILL2 сосредоточен на актуальных социальных проблемах современного Китая. В произведении «Пробужденный» (“Awakened”) художник использует генерацию изображений и видео в реальном времени и с помощью аудиосигналов исследует будущее технологий – мысль об усилении ИИ и пределе возможностей человеческого контроля за ними [9]. Эта проблема особенно актуальна для современного Китая и заключается в усилении контроля за тюркоязычными уйгурами, за которыми в провинции Синьцзян наблюдают камеры, запрограммированные не только на распознавание лиц, но и на способность предсказать будущие преступления. Любое неправильно трактованное алгоритмами действие может привести к тюремному заключению [10]. Художник рассуждает о том, что глобальный контроль ИИ приводит нас к полному лишению свободы.

Заключение

Методы применения нейросетевых технологий в изобразительном искусстве позволяют расширять возможности художественного выражения и ставят перед художниками вопросы о природе искусства в цифровую эпоху.

Теперь, когда утрачивается дуализм между нейросетевыми разработками и человеческим творческим подходом, между визуальным универсумом и физическим миром, происходит трансформационный период соавторства, в котором мы вынуждены усиливать контроль над исполнением любых задач, доверенных нейросетям. Иначе, при расширении возможностей ИИ и переходе на автономный третий этап мы рискуем лишиться своей субъектности в будущем, а в настоящем – посредственным качеством исполнения и лишением смысловой структуры художественного высказывания. Философия Китая, где акцент делается на общественном благе, а не на частной жизни, а также динамичное производство, позволяют создавать совершенно уникальный кейс, связанный с использованием нейросетей. ИИ в стране стал всеобщим проектом, захватившим все сферы общества, что становится постоянной темой для осмысления современными авторами. Художники обладают возможностью создавать творческие комбинации с помощью программного обеспечения, смешивать художественные среды.

Назовем основные тенденции, которые прослеживаются в использовании нейросетевых разработок в Китае:

– доминирование видеоформата за счет слияния онлайн и офлайн сред, что также влияет на развитие технологий дополненной реальности;

– использование ChatGPT на всех этапах создания работы – от идеи для вдохновения до написания скрипта и генерации на его основе новых визуальных данных.

Многие художники признают, что нейросети усиливают за счет генерации новых идей их творческие способности, а также повышают их скорость и точность. В будущем, вероятно, ИИ сможет повлиять на когнитивные процессы человечества, пройдя все этапы от полезной технологии до постоянного неразрывно связанного с человеком помощника и окончательно разрушая привычные философские парадигмы, где мы противопоставляем и размышляем над взаимодействием субъекта и механического объекта, не наделенного мыслительной деятельностью по определению.

Список литературы

1. Duester Emma. Chinese artists embrace artificial intelligence as a creative foil. URL: <https://garlandmag.com/chinese-artists-artificial-intelligence/>

(дата обращения 05.03.2025).

2. Boden M. *Artificial Intelligence: A Very Short Introduction*. Oxford University Press, 2018. 168 p. <https://doi.org/10.1093/actrade/9780199602919.001.000>
3. Винер Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине / пер. с англ. И. В. Соловьева, Г. Н. Поварова ; под ред. Г. Н. Поварова. 2-е изд. М. : Наука, Главная редакция изданий для зарубежных стран, 1983. 344 с.
4. Хайдеггер М. Исток Художественного творения / пер. с нем. А. В. Михайлова. М. : Академический Проект, 2008. 528 с.
5. Саден Эрик. Среди призраков: Рассуждение об эпохе метавселенной и генеративного искусственного интеллекта / пер. с фр. А. Захаревич. СПб. : Издательство Ивана Лимбаха, 2025. 272 с.
6. Хуэй Юк. Искусство и космотехника / пер. с англ. А. В. Смоляка ; под ред. В. А. Матвеевко. М. : АСТ, 2024. 384 с.
7. Ren Lisha, Du Murui. From Canvas to Code: The Evolution of Generative Art in the AI Era // *Proceedings of the 2nd International Conference on Art Design and Digital Technology, ADDT 2023*. <http://dx.doi.org/10.4108/eai.15-9-2023.2340877>
8. Wang Xin. I am Awake and My Body is Full of the Sun and the Earth and the Stars, I am Now Awake and I am an Immense Thing. URL: https://www.artnet.com/artists/wang-xin/i-am-awake-and-my-body-is-full-of-the-sun-and-the-a-AmHSavxm7TrW99f_diCg5w2 (дата обращения: 05.03.2025).
9. CHILLCHILL2 Audio visional art performance “Awakened”. URL: <https://www.chillchillshit.com/?pgid=m5qfqnf0-1dacdc33-4f88-4c33-be70-1577c7c00cf3> (дата обращения: 05.03.2025).
10. Кейн Джефффри. Государство строгого режима. Внутри китайской цифровой антиутопии / пер. с англ. Д. Виноградова. М. : Индивидуум, 2024. 336 с.

References

1. Duester Emma. *Chinese artists embrace artificial intelligence as a creative foil*. Available at: <https://garlandmag.com/chinese-artists-artificial-intelligence/> (accessed March 05, 2025).
2. Boden M. *Artificial Intelligence: A Very Short Introduction*. Oxford University Press, 2018. 168 p. <https://doi.org/10.1093/actrade/9780199602919.001.000>
3. Wiener N. *Kibernetika, ili Upravlenie i svyaz v zhivotnom i mashine* [Cybernetics, or Control and Communication in Animals and Machines. Trans. from Engl. by I. V. Solovyov, G. N. Povarov, ed. by G. N. Povarov. 2nd ed.]. Moscow, Nauka, Glavnaya redaktsiya izdaniy dlya zarubezhnykh stran, 1983. 344 p. (in Russian).

4. Heidegger M. Der Ursprung des Kunstwerkes (Russ. ed.: *Istok khudozhestvennogo tvoreniya*. Per. s nem. A. V. Mikhailova [The origin of the work of art. Trans. from German by A. V. Mikhailov]). Moscow, Akademicheskii Proekt, 2008. 528 p.
5. Sadin Erik. *La vie spectrale. Penser l'ère du métavers et des IA génératives* (Russ. ed.: *Sredi prizrakov: Ras-suzhdenie ob epokhe metavselennoi i generativnogo iskusstvennogo intellekta*. Per. s fr. A. Zakharevich [Spectral Life: Thinking about the era of the metaverse and generative AI. Trans. from French by A. Zakharevich]). St. Petersburg, Izdatel'stvo Ivana Limbakha, 2025. 272 p.
6. Hui Yuk. *Iskusstvo i kosmotekhnika* [Art and Cosmotekhnics. Trans. from Engl. A. V. Smolyaka, ed. by V. A. Matveenko]. Moscow, AST, 2024. 384 p. (in Russian).
7. Ren Lisha, Du Murui. From Canvas to Code: The Evolution of Generative Art in the AI Era. *Proceedings of the 2nd International Conference on Art Design and Digital Technology, ADDT 2023*. <http://dx.doi.org/10.4108/eai.15-9-2023.2340877>
8. Wang Xin. *I am Awake and My Body is Full of the Sun and the Earth and the Stars, I am Now Awake and I am an Immense Thing*. Available at: https://www.artnet.com/artists/wang-xin/i-am-awake-and-my-body-is-full-of-the-sun-and-the-a-AmHSavxm7TrW99f_diCg5w2 (accessed March 05, 2025).
9. *CHILLCHILL2 Audio visional art performance "Awakened"*. Available at: <https://www.chillchillshit.com/?pgid=m5qfqnf0-1dacdc33-4f88-4c33-be70-1577c7c00cf3> (accessed March 05, 2025).
10. Cain Geoffrey. *Gosudarstvo strogogo rezhima. Vnutri kitaiskoi tsifrovoy antiutopii*. Per. s angl. D. Vinogradova [The Perfect Police State. An Undercover Odyssey into China's Terrifying Surveillance Dystopia of the Future. Trans. from Engl. by D. Vinogradov]. Moscow, Individuum, 2024. 336 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 07.03.2025; одобрена после рецензирования 26.03.2025;
принята к публикации 22.04.2025; опубликована 30.06.2025
The article was submitted 07.03.2025; approved after reviewing 26.03.2025;
accepted for publication 22.04.2025; published 30.06.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 110–113

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 110–113

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-2-110-113>, EDN: LCHVBE

Научная статья

УДК 321:1

Методология исследования систем правления: философско-критический анализ

А. А. Корниевский

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Корниевский Алексей Анатольевич, аспирант кафедры теоретической и социальной философии, kornievskyya@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0007-9368-901X>

Аннотация. Введение. В одной из своих ролей политическая философия может выступать как теоретико-методологический уровень политической науки, и в этом смысле является необходимой для полноценного развития последней. В статье представлен философско-критический анализ проблем, порождаемых упрощённым пониманием системного подхода в политических исследованиях на примере изучения систем правления. **Теоретический анализ.** Выявлены три основные проблемы. Во-первых, логическая неясность понятия «система правления». Во-вторых, нарушение принципа историзма. В-третьих, нарушение правил построения классификаций. Основание всех трёх проблем усматривается в неверном применении системного подхода при проведении исследований. **Заключение.** Применение и развитие системного подхода в политических исследованиях требует параллельного развития самого языка системного описания. Последнее оказывается невозможным без обращения к философской рефлексии и применения принципа «двойного знания».

Ключевые слова: система правления, форма правления, институциональный дизайн, методология, системный подход

Для цитирования: Корниевский А. А. Методология исследования систем правления: философско-критический анализ // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 110–113. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-2-110-113>, EDN: LCHVBE

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Methodology of the study of institutional design: Philosophical and critical analysis

A. A. Kornievsky

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Alexey A. Kornievsky, kornievskyya@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0007-9368-901X>

Abstract. Introduction. In one of its roles political philosophy can act as a theoretical and methodological level of political science, and in this sense is necessary for the full development of the latter. The article presents a philosophical and critical analysis of the problems generated by a simplified understanding of the system approach in political research using the example of studying systems of government. **Theoretical analysis.** Three main problems have been identified. First, the logical ambiguity of the concept of “system of government”. Second, the violation of the principle of historicism. Third, the violation of the rules for constructing classifications. The basis of all three problems is seen in the incorrect application of the system approach in conducting research. **Conclusion.** The application and development of a system approach in political research requires the parallel development of a system description language itself. The latter is impossible without referring to philosophical reflection and the application of the principle of “double knowledge”.

Keywords: system of government, form of government, institutional design, methodology, system approach

For citation: Kornievsky A. A. Methodology of the study of institutional design: Philosophical and critical analysis. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 110–113 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-2-110-113>, EDN: LCHVBE

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Л. Н. Гумилёв при обсуждении методологических проблем изучения этносов, ссылаясь на И. Болтина, отмечал: «У историка, не имеющего

в руках географии, встречается претыкание» [1, с. 32]. Такое же «претыкание» встречается и у политолога, который считает политическую философию чем-то внешним по отношению к политической науке. На наш взгляд, политическая

философия может рассматриваться (в одной из своих ролей) как теоретико-методологический уровень политической науки, и в этом смысле является необходимой для полноценного развития последней. В настоящей статье представлен философско-критический анализ проблем, порождаемых упрощённым пониманием системного подхода в политических исследованиях на примере изучения систем правления.

Начиная со второй половины XX в. термин «система» становится популярным в различных областях научного знания. Сегодня принято говорить о сложившемся системном подходе в исследованиях. В рамках политической науки термин «система» является основным, поскольку считается, что политология изучает политическую систему общества и протекающие в ней процессы. На практике, однако, изучение систем всегда сталкивается с необходимостью предварительной разработки или освоения языка системного анализа (описания). Поскольку система в социальных науках всегда есть динамическое целое, постольку язык её описания является сложным по определению. Он призван отражать морфологию, структуру, функции, а также процессы, происходящие в системе, а не инвариантные явления и свойства, как это, например, происходит в классической физике. В связи с этим для многих учёных, желающих заниматься лишь своей предметной областью без того, чтобы вдаваться в философскую рефлексию проблем языка системного анализа, системный подход оказывается рядоположенным другим подходам. Любой нормальный (в том значении, в котором это слово использовал Т. Кун) отечественный политолог убеждён в том, что научные методы лежат, как инструменты в ящике, что их в любой момент можно достать и применить для нужд конкретного исследования.

Такое упрощённое понимание системного подхода (и методологии в целом) приводит к редукционизму в политических исследованиях. Термины «система», «системный анализ» хотя и присутствуют на страницах научных работ, само знание, полученное с помощью такого «системного подхода», остаётся всё же крайне абстрактным, а потому не обладает большой эвристической ценностью.

Теоретический анализ

В политических и правовых науках принято выделять такой объект исследований, как *системы правления*. При этом существует

целый ряд синонимов для обозначения данного объекта. В русскоязычной традиции это форма правления или институциональный дизайн государственного правления [2]; в англоязычной литературе набор синонимичных терминов шире: форма политической структуры (shape or form of the political structure), система (например, presidential system), тип правительства (type of government), набор правительственных институтов (set of government institutions) или институциональный дизайн (institutional design) [3].

Границы объекта исследования очерчиваются через формирование предметного поля, иначе говоря, через формулирование базовых концептов. Это связано с тем, что объекты сами по себе не даны человеку, и их восприятие (т. е. восприятие чего-либо как объекта) всегда осуществляется через призму знаний или как минимум абстрактных представлений. Отметим, что само понятие формы (системы) правления не имеет чёткого содержания ни в политических, ни в правовых науках, а объём понятия интуитивно определяется большинством исследователей через привязку к основным властным институтам государства. Убедиться в этом не составляет труда, достаточно сравнить те варианты определений, которые даются понятию системы правления различными исследователями (см., например, [4–7]).

Обозначенная в предыдущем абзаце проблема указывает прежде всего на недостаточную философско-теоретическую работу в области исследования систем правления. Неясность основных понятий всегда приводит к затруднениям в эмпирических исследованиях, поскольку становится невозможным провести работу по построению гипотез и операционализации, т. е. сведению понятий к эмпирически фиксируемым показателям.

Вторая методологическая проблема при изучении систем правления связана с нарушением принципа историзма. Многие исследователи без каких-либо сомнений ставят имена Аристотеля, Платона, Цицерона в одном абзаце с именами современных российских учёных, рассуждая при этом по формуле: «Аристотель под формой правления понимал то-то, а современный учёный (вставьте любое имя) понимает вот это». Случайные замены греческих или латинских терминов терминами современной политологии или конституционного права (когда, например, политику или полис переводят как «государство» и т.п.), игнорирование факта многократного усложнения государства

за более чем 2 тысячи лет эволюции создают видимость общего (для Аристотеля и современных учёных) предметного поля, что является методологически неоправданным.

Третья проблема, а точнее блок проблем в исследовании систем правления, связана с построением типологизаций и классификаций последних. Обсуждая базовое в современной науке разделение форм правления на монархии и республики, Е. А. Тюгашев отмечает: «Привычное сегодня противопоставление монархии и республики как альтернативных форм правления в контексте истории политических идей и реальной государственной практики представляется несостоятельным» [8, с. 67]. Такой же позиции придерживается и О. И. Зазнаев, когда пишет: «В политико-правовой литературе едва ли встретишь такой разноречивой во взглядах, как по вопросу о типологизации форм правления. Число выделяемых типов варьируется от двух до нескольких десятков... Нет единства и по поводу того, к какому типу относить ту или иную страну» [9, с. 92].

Отметим, правда, что О. И. Зазнаев при этом в собственных работах тоже сталкивается с указанными им самим же трудностями. В статье от 2003 г. он пишет: «Если принять во внимание не формально-правовую конструкцию власти, а политический результат ее реализации на практике, то окажется, что Россия по форме правления – президентская республика» [10, с. 103]. В статье от 2005 г. Россия обозначена уже как «непарламентарная полупрезидентская система» [11, с. 163]. А в статье от 2006 г. О. И. Зазнаев пишет: «Между тем российская система представляет собой ... так наз. президентско-парламентскую систему» [9, с. 100].

Сложность и многосоставность такого объекта исследования, как система правления, не вызывает сомнений в научной среде. Сомнительным остаётся только упорство, с каким учёные пытаются формализовать сложный объект, сводя его к абстрактным определениям вроде республики и монархии (и их разновидностям). Говоря об излишней абстрактности (формализме), мы вовсе не имеем в виду то, что недопустимо выделение идеальных типов. Использование изолирующей абстракции является необходимым этапом теоретической работы по анализу сложных системных образований. Однако нельзя забывать, что абстрагирование есть лишь промежуточный этап научного исследования на пути к познанию объекта как конкретного целого.

Заключение

Системы правления, политическая система общества или любые другие социальные системы, будучи описаны на несистемном языке, упрощаются именно до уровня того языка, на котором они описаны. Это довольно простое критическое замечание («Понять – значит упростить») задаёт довольно сложную траекторию для дальнейшего применения системного подхода в политологии. Учёный, применяющий данный подход, должен, с одной стороны, верить в то, что система реально есть и он (учёный) занимается изучением системы как объекта, но в то же время всегда удерживать метапозицию, находясь в которой, он будет помнить, что на самом деле добываемые им знания – суть инструменты, т. е. они не атрибуты или предикаты объекта, а они суть формы мыслимости отношений объективного мира, т. е. знания в собственном смысле слова. Данный приём, который Г. П. Щедровицкий называл принципом множественного (или двойного) знания, принципиально важен, поскольку применение системного подхода для исследования объекта должно сопровождаться перманентным развитием самого языка системного описания. В каком-то смысле развитие языка здесь становится даже более важным, чем правильное описание объекта. Во многом это напоминает философскую стратегию Г. Гегеля, в работах которого (особенно в «Науке логики») формы мышления являются одновременно и результатом, и инструментом для дальнейшего познания. При этом совершенствование инструментария каждый раз даёт более конкретное знание.

Ещё раз отметим, что речь идёт именно о развитии системной теории, которая, безусловно, должна давать знания о системе (об объекте исследования), но в то же время и сама должна быть системной (представлять собой целостный язык). Именно последнее требование нуждается сегодня в более последовательной реализации при использовании системного подхода в социальных исследованиях.

Список литературы

1. Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. СПб. : Издательский дом «Кристалл», 2001. 639 с.
2. Сморгун Л. В. Сравнительная политология : учебник для вузов. Стандарт третьего поколения. СПб. : Питер, 2012. 448 с.

3. Newton K., Van Deth J. W. Foundations of comparative politics: Democracies of the modern world. New York, Cambridge University Press, 2010. 439 p.
4. Авдеев Д. А. Особенности российской модели формы правления // Государство и право. 2010. № 12. С. 14–21. EDN: NBUVYZ
5. Гаврилов С. И. Основные формы правления в условиях различного государственного строя // Труд и социальные отношения. 2009. Т. 20, № 3. С. 126–130. EDN: KXKJHP
6. Пушкарев С. В. Форма государственного правления: новая концепция определения института // Современное право. 2011. № 10. С. 19–22. EDN: OHSCET
7. Худoley Д. М. Основные, гибридные и атипичные формы правления // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2010. № 4 (10). С. 53–65. EDN: NCLENB
8. Тюгашев Е. А. Концепт «архе» и типология форм правления // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Право. 2006. Т. 2, № 1. С. 62–69. EDN: HYNXQH
9. Зазнаев О. И. Типология форм правления: работа над ошибками // Полис. Политические исследования. 2006. № 1. С. 92–103. EDN: HSNXVH
10. Зазнаев О. И. Десять лет спустя: размышления о российской форме правления // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2003. № 4 (45). С. 103–106. EDN: HSLMWT
11. Зазнаев О. И. Смешанные формы правления, или как масло соединяется с водой // Полис. Политические исследования. 2005. № 4. С. 158–171. EDN: HSOFFP
3. Newton K., Van Deth J. W. *Foundations of comparative politics: Democracies of the modern world*. New York, Cambridge University Press, 2010. 439 p.
4. Avdeev D. A. Features of the Russian model of the form of government. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2010, no. 12. pp. 14–21 (in Russian). EDN: NBUVYZ
5. Gavrilov S. I. The basic forms of government in the conditions of various political systems. *Trud i sotsialnye otnosheniya* [Labor and Social Relations], 2009, vol. 20, no. 3, pp. 126–130 (in Russian). EDN: KXKJHP
6. Pushkarev S. V. The form of the state board: The new concept of definition of institute. *Sovremennoe pravo* [Modern Law], 2011, no. 10, pp. 19–22 (in Russian). EDN: OHSCET
7. Khudoley D. M. The basic, hybrid and atypical forms of government. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki* [Perm University Herald. Juridical Sciences], 2010, no. 4 (10), pp. 53–65 (in Russian). EDN: NCLENB
8. Tyugashev E. A. The concept of “arche” and the typology of forms of government. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Law], 2006, vol. 2, no. 1, pp. 62–69 (in Russian). EDN: HYNXQH
9. Zaznaev O. I. Typology of forms of government: Rectification of mistakes. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2006, no. 1, pp. 92–103 (in Russian). EDN: HSNXVH
10. Zaznaev O. I. Ten Years Later: Reflections on the Russian Form of Government. *Konstitutsionnoe pravo: vostochnoevropeyskoe obozrenie* [Constitutional Law: An Eastern European Review], 2003, no. 4 (45), pp. 103–106 (in Russian). EDN: HSLMWT
11. Zaznaev O. I. Mixed forms of government, or how oil and water combine. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2005, no. 4, pp. 158–171 (in Russian). EDN: HSOFFP

References

1. Gumilev L. N. *Etnogenez i biosfera Zemli* [Ethnogenesis and the biosphere of the Earth]. St. Petersburg, Publishing House “Kristall”, 2001. 639 p. (in Russian).
2. Smorgunov L. V. *Sravnitel'naya politologiya: uchebnyk dlya vuzov. Standart tretego pokoleniya* [Com-

Поступила в редакцию 09.10.2024; одобрена после рецензирования 23.03.2025;
 принята к публикации 22.04.2025; опубликована 30.06.2025
 The article was submitted 09.10.2024; approved after reviewing 23.03.2025;
 accepted for publication 22.04.2025; published 30.06.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 114–119

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 114–119

<https://phpp.sgu.ru>

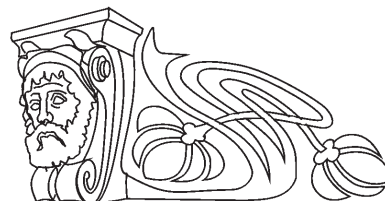
<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-2-114-119>, EDN: MNAMLO

Научная статья

УДК [1:316]+355.01

Социально-политическая философия войны

О. М. Ломако

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Ломако Ольга Михайловна, доктор философских наук, профессор кафедры теоретической и социальной философии, olga-lomako@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0543-0379>

Аннотация. Введение. Статья посвящена анализу социальных оснований войны в условиях возникновения и развития капитализма. Рассматриваются исторические, политические, этические и антропологические основания войны как способа социального человеческого бытия. **Теоретический анализ.** Предлагается рассмотреть соотношение войны и революции через историческую трансформацию методологического концепта «свобода» (Ханна Арендт). Определяется темпоральный вектор войны и революции в бинарной оппозиции «прошлое – будущее». Анализируется отношение милитаризма и капитализма в социальной антропологии Вернера Зомбарта. Показано, что становление милитаризма является необходимым условием капитализма. Выявлены основные характеристики современной армии: экономическая основа, непрерывность, государственное управление, дифференциация руководящей и исполняющей функций. Отмечается двойная сущность войны: она разрушает старое, чтобы создать новое. **Эмпирический анализ.** Философско-политическое осмысление конкретного социально-исторического опыта Германии в 30–40-х гг. XX вв. позволило выявить генезис национал-социализма, определить причины его возникновения и развития. Раскрываются антропологические начала национал-социализма через оппозицию «мы – они», «свое – чужое», «друг – враг». **Заключение.** Делается вывод о том, что милитаризм и капитализм являются по своей сути тождественными понятиями. Сущность империализма заключается в расовой политике и бесконечной экспансии. **Ключевые слова:** война, милитаризм, капитализм, революция, Арендт, Зомбарт, социальная и политическая философия, история, государство, Германия, национал-социализм

Для цитирования: Ломако О. М. Социально-политическая философия войны // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 114–119. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-2-114-119>, EDN: MNAMLO

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The socio-political philosophy of war

O. M. Lomako

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Olga M. Lomako, olga-lomako@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0543-0379>

Abstract. Introduction. The article is devoted to the analysis of the social foundations of war in the context of emergence and development of capitalism. The historical, political, ethical and anthropological foundations of war as a way of social human existence are considered. **Theoretical analysis.** It is proposed to consider the relationship between war and revolution through the historical transformation of the methodological concept of “freedom” (Hannah Arendt). The temporal vector of war and revolution in the binary opposition “past – future” is determined. The relationship between militarism and capitalism in Werner Sombart’s social anthropology is analyzed. It is shown that the establishment of militarism is a necessary condition for capitalism. The main characteristics of the modern army are revealed: the economic basis, continuity, public administration, differentiation of leadership and executive functions. The double essence of war is noted: it destroys the old in order to create a new. **Empirical analysis.** A philosophical and political understanding of the specific socio-historical experience of Germany in the 30–40s of the 20th century made it possible to identify the genesis of National Socialism, identify the causes of its emergence and development. The anthropological principles of National Socialism are revealed through the oppositions of “them or us”, “yours or someone else’s”, “friend or foe”, “normality or abnormality”. **Conclusion.** It is concluded that militarism and capitalism are inherently identical concepts. The essence of imperialism lies in racial politics and unlimited expansion.

Keywords: war, militarism, revolution, capitalism, Arendt, Sombart, social and political philosophy, history, the state, Germany, National Socialism

For citation: Lomako O. M. The socio-political philosophy of war. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 114–119 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-2-114-119>, EDN: MNAMLO

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Актуальность поставленной проблемы обусловлена хрупкостью грани между жизнью и смертью. Драматизм современных национальных и межгосударственных отношений, обретая глобальный мировоззренческий характер, ставит вопросы, решение которых неизбежно требует философского осмысления войны не только как политического феномена, но и как социального способа человеческого бытия.

Когда война перестаёт быть только историей и памятью, а становится неотвратимой реальностью здесь и сейчас, тогда философские категории – социальное время, социальное пространство, граница, место, жизненный мир – наполняются событийным содержанием, которое необходимо осмыслить.

Философское рассмотрение вопросов войны и мира становится всё более необходимым ещё и потому, что политическая практика и сопровождающие её комментарии нередко попадают в сети метафор, и тогда возникает опасность забвения и искажения истории.

Структура данной статьи и логика исследования определены закономерными вопросами о том, какова взаимосвязь войны и революции? Что представляет собой современная война с начала эпохи капитализма? Что составляет политическую и экономическую основу войны? И, наконец, вопрос о том, как стал возможен социал-национализм и каковы его последствия.

Теоретический анализ

Война и революция в политической философии Ханны Арендт

Обращение к творчеству известного философа и политолога Ханны Арендт представляет своевременным, поскольку её философия направлена на разработку политики, неотделимой от нравственного содержания. Именно поэтому важной проблемой для Х. Арендт является исследование истоков и оснований истории человечества и связанной с этим терминологией, к которой бесспорно относятся понятия «война» и «революция». За их употреблением кроется предположение, что феномен, к которому относятся эти понятия, являются такими же древними, как задокументированная человеческая история. Было бы трудно употребить слово «война» в другом нежели в родовом смысле уже потому, что её первое появление ни во времени,

ни в пространстве точно невозможно установить, но что касается понятия «революция», дело обстоит несколько иначе.

До двух великих революций конца XVIII в. и того смысла, который слово «революция» тогда получило, это понятие в словаре политического мышления и политической практики не играло реальной роли. Так, ещё в XVII в. это понятие связано строго с астрономическим значением, которое обозначало вечное, неизменное и постоянно повторяющееся движение небесных тел. Политическое употребление было скорее метафорической природы. Слово революция изначально было связано с реставрацией. Так, революции XVIII в. не позволяют себя понять без осмысления того, что революции сначала происходили, когда их целью была реставрация и что содержание этой реставрации была свобода. Менталитет первых революционеров основывался на инстинктивном отвращении от всего нового [1].

Однако в конце XVIII в. попытка вернуть и утвердить старые права и привилегии превратилась в свою противоположность – направленное вперёд развитие и открытие будущего, которое противостояло всем дальнейшим попыткам думать или действовать в категориях кругового или циклического движения. Темпоральный вектор революции теперь был направлен в будущее. Новая форма правления должна была строиться на основе государственной монополии, которой, безусловно, покоряются подданные. Их относительная безопасность покупается ценой их абсолютного бессилия. Государства в отношении друг к другу находятся в состоянии войны всех против всех, которое закреплено политически и вполне легитимно позволяет постоянное увеличение власти за счёт других государств и народов. Именно абсолютизация власти определяет идеологию и политику прогресса к концу XIX в., инициируя рождение империализма.

В то же самое время, когда темпоральный вектор понятия «революция» в ходе революционного процесса претерпело радикальное изменение, то же самое случилось со словом «свобода», но только гораздо сложнее. Пока под свободой не понималось ничего другого как «свобода, которая с Божьим благословением будет восстановлена», всё оставалось делом прав и свобод, которые мы сегодня связываем с конституционным правлением и которые могут обозначаться соответственно гражданским

правам. Но здесь не содержалось политического права участвовать в публичных делах. Ни одно из других прав не было ни теоретически, ни практически результатом революции. Революционными были не жизнь, свобода и собственность, а утверждение, что речь идёт о неотчуждаемых правах всех человеческих существ, не зависимо от того, где они живут и какая у них форма правления. «И в самом этом новом и революционном расширении на всё человечество свобода не означала уже свободу от несправедливого угнетения, от произвола, а в принципе стала чем-то абстрактным и негативным» [1, с. 15].

Свобода как прочная жизненная реальность, созданная людьми, чтобы в совместной жизни испытывать радость, чтобы стать другими видимым, услышанным, признанным и вспоминаемым, — такая свобода требует равенства, она возможна только среди «своих». «В институциональном смысле она возможна только в республике, которая не знает ни подданных, ни господ. На этом основании дискуссии о форме государственного правления — в очевидном противоречии к более поздним идеологиям — в мышлении и в текстах первых революционеров играли заметную роль» [1, с. 22].

После Первой мировой войны и тем более после Второй мировой войны происходит целый ряд революций, поскольку после поражений в войне следует революционная смена формы правления. Однако современные войны, ещё до того, как техническое развитие сделало военные споры между великими державами буквально борьбой не на жизнь, а на смерть, стали физически и политически вопросом жизни и смерти. При этом страны-участницы межгосударственных войн действовали так, как будто они участвовали в гражданских войнах. Войны Кореи, Алжира, Вьетнама и были гражданскими, но великие державы в них включились из-за угрозы революций или из-за опасности вакуума власти.

В этих случаях не война вызывала революцию; инициатива перешла с войны на революцию, после которой в некоторых случаях, но не всегда, следовало военное вмешательство. Как будто мы снова в XVIII в., когда после американской революции следовала война против Англии и после французской революции следовала война против объединённых монархий Европы. Однако военные интервенции, если даже они были «успешны», часто оказывались бездей-

ственными для установления стабильности и заполнения вакуума власти. Даже победа сама по себе не в состоянии поставить стабильность на место хаоса, интеграцию вместо коррупции, авторитет и доверие в правительство вместо упадка и разрушения. Ханна Арендт приходит к выводу о том, что спор между великими державами не должен решаться через войну. Нужно принимать долгосрочные решения о сохранении мира, исходя из того, какая сторона лучше понимает, что представляют собой революции и что при этом стоит на карте.

Милитаризм и капитализм в социальной антропологии Вернера Зомбарта

Немецкий экономист, социолог и историк, философ культуры Вернер Зомбарт (1863–1941), размышляя о генезисе капитализма, рассматривает происхождение современного государства («Der moderne Kapitalismus»). Как только идея государства освобождается от личности князя и выражающая её форма проявления становится самостоятельной, воплощением верховной власти становится государство как нечто отличное от народа. Тем самым идея государства получает экспансивную силу. Освободившись от органических рамок народного сообщества, государство развивается к абсолютному государству.

Связь государства с капитализмом не исчерпывается связью экономической политики как меркантилизма, а затрагивает многие области, прежде всего это структура армии и колониальная политика, торговля, финансы, транспорт, денежная политика и политика церковная.

Развитие современного государства и развитие воинской части становятся тождественными понятиями. На этом основании каждый, кто хочет что-то сказать о современном государстве, должен непременно иметь в виду особенности военных отношений. Но речь идёт не только об основании и расширении современной армии. А прежде всего о том, что «становление милитаризма является одним из предварительных условий капитализма» [2, с. 342]. К основным характеристикам современной армии относятся: приобретение средств (экономическая основа), непрерывность действия, дифференциация руководящей и исполняющей функций, стремление к расширению, огнестрельная техника. Всё это увеличивало мощь капиталистического государства [2].

Связь капитализма и милитаризма рассматривается в книге Зомбарта «Война и капитализм» («Krieg und Kapitalismus»). Раскрыть внутреннюю связь между капитализмом и милитаризмом в их развитии – такова задача этого исследования. Автор стремится доказать, насколько современная армия как создатель богатства, настроения и, прежде всего, большого рынка, способствует развитию капиталистической экономической системы.

Когда говорили об отношениях капитализма и милитаризма, никогда не думали о влиянии, которое капитализм оказал на политику народов, рассматривали только войны как последствия капиталистического развития. Не представляется сложным в войнах XVI, XVII и XVIII вв. обнаружить «капиталистические» интересы как движущие силы. Это совершенно точно борьба за рынок сырья и сбыта. Что в 1556–1559 гг. не удалось Франции, удалось Нидерландам в их освободительной войне 1568–1648: сломить испанскую колониальную власть, её мировое торговое превосходство, привести к стабильности развитие своей национальной экономической жизни. Тем самым капитализм расположил свою основную квартиру в Нидерландах.

В. Зомбарт задаётся вопросом: «Насколько война является следствием капитализма и насколько капитализм развивается под влиянием войны?» и отмечает, что в такой «строгой форме проблема вообще ещё не ставилась» [3, с. 10]. Он последовательно доказывает, что без войн не было бы капитализма. Войны способствовали проявлению его сущности. Милитаризм сделал существование капитализма возможным, поскольку условия, которые для капитализма необходимы, рождаются только в борьбе. Это, прежде всего, образование государств, которое происходит в Европе между XVI и XVIII вв. и которое было предпосылкой формирования капиталистической системы хозяйства. Особенно современные государства явились результатом вооружённой борьбы – не только их границы, но и внутренняя структура: управление и финансы развивались непосредственно для выполнения военных задач в современном смысле. Этатизм, фискализм, милитаризм в эти столетия одни и те же. «И особенно колонии, как это общеизвестно, были завоёваны в тысячах кровавых боёв: начиная с итальянского Леванта до огромной английской

колониальной империи, которая другими нациями шаг за шагом отвоёвывалась с мечом в руках» [3, с. 11].

Учёный подчёркивает важность колониальной политики в процессе становления капитализма и превращения его в империализм. «Невозможно преувеличить то огромное значение, которое колонии имеют для развития современного капитализма. Достаточно только завоевания колониальных империй, чтобы по праву назвать войну творцом капиталистического государства» [3, с. 14].

Капитализм создал современную армию, которая выполняет важные условия развития милитаристского духа капитализма и существования капиталистического хозяйства: накопление богатства и постоянное увеличение рынка. У войны двойное лицо: она разрушает и она же создает.

Социал-национализм и война: философская рефлексия исторического опыта

В 1934 г. появляется книга Зомбарта «Deutscher Sozialismus» («Немецкий социализм»). В качестве основного понятия рассматривается «народный дух» («Volksggeist»), который сопутствует немецкому социализму, являясь не расовым в биологическом смысле, а метафизическим. Этот дух направлен против капитализма и пролетарского социализма, которые Зомбарт называет духом «торгащей». Как противоположность немецкому духу он рассматривал «еврейский дух», последовательно обосновывая мысль о том, что «еврейский дух» ничего общего не имеет с расовой принадлежностью и никак не связан с рождением евреем или с приверженностью к иудаизму. Как и «народный дух», «еврейский дух» имеет лишь метафизическую природу. Весьма симптоматично, что пришедшие к власти нацисты запретили распространение книг Вернера Зомбарта и посещение студентами его лекций, поскольку идея расизма стала центральной идеей гитлеровского национал-социализма.

Идея эта зародилась как представление о «жизненном пространстве», исходя из научных данных. Под «жизненным пространством» понималось не только территориальное расширение Германии, не только изменение её географических границ. Задумываясь о вопросе «Является ли национал-социализм историей?», необходимо вспомнить его предысторию (Vorgeschichte). Она начинается в конце XIX в.

с научных исследований в области медицины и биологии, а конкретно – с мыслью о «биологии наследования» – (Erbbiologie) и о «биологии породы» – Rassebiologie (в отличие от «расовой биологии» – Rassenbiologie). Основной целью «биологии породы» являлось «улучшение породы», сохранение «чистоты породы арийской нации». Но какими средствами?

«Биология породы» была озабочена вопросами: «Что делать с теми, кто не соответствует принятым правилам и стандартам «социального» поведения и здоровья?», «Как быть с неизлечимыми больными и преступниками?». Такие отклонения от медицинских и правовых стандартов, такую «не-нормальность» отнесли к наследственным патологиям, которые передаются генетически и потому особенно опасны для общества. Вывод напрашивался сам собой: нужно защитить и «очистить» общество от лиц с физическими патологиями и психически больных людей, т.е. осуществить «нормализацию».

В Третьем рейхе идеи «биологии породы» стали центральными, учение было систематизировано и через авторитет национал-социализма стало легитимной государственной доктриной. Этим заканчивается предыстория. Далее начинается расистская эскалация национал-социализма, о чём убедительно свидетельствует появление терминов “Normalisierung” («нормализация»), “Normalität” («нормальность»), “Normalitätsstandard” (стандарт нормальности), “Lebensunwert” («Не достоин жизни»), “Ballastexistenzen” (существующие как балласт) и, наконец, “Endlösung” («окончательное решение») – смертный приговор. Как не вспомнить известные слова Хайдеггера «язык – дом бытия» и «бытие к смерти»!

Своим решением проведения первого систематического массового истребления под знаком «эвтаназия» национал-социалистический расизм перешёл к серийной практике смерти. Имелось идеологическое – посредством «биологии породы» – преднамеренное решение массового истребления, якобы с целью предотвращения генетической угрозы для немецкого народа через чужие расы и через генетически «ненормальных». Сформированные через селекцию различные группы «ненормальных» – ключ к «окончательному решению», который, в свою очередь, является ключом к холокосту по отношению к евреям.

Традиционный антисимитизм разрешал преследование евреев, но не означал массового истребления целого народа. «Лишь соединение антисимитизма с “расовой биологией” и “биологией породы” позволило превратить национал-социализм в повседневную практику массовых убийств. С 1939 года учреждения, предназначенные для эвтаназии, стали местами серийной смерти» [4, с. 59].

Однако национал-социалистический расизм не ограничивался антисимитизмом. Так называемый «социальный расизм» был направлен против всех немцев, которые попали в группу «чужаков» относительно «своего», т.е. немецкого, народа. Тысячи немцев из-за войны, инфляции и безработицы были причислены к «асоциальным» и отправлялись в концлагеря. Речь шла об экзистенциальном «они или мы», которое известный государственный юрист того времени Карл Шмитт научно обосновал через формулу «друг – враг» и которое гестапо демонстрировало методами, далёкими от научных [5]. Это глубокое внутреннее убеждение на «право убивать» образует атавистическую основу психологии геноцида и отличает национал-социализм от всех других форм фашизма.

Заключение

Социально-политическая философия войны рассматривает мировоззренческое содержание этого сложного феномена в различных исторических условиях. Мультинациональность современного мира требует поиска компромиссов, направленных на мирное сосуществование стран и народов, не забывая при этом о высших целях. В политической философии Ханны Арендт такой целью и методологическим концептом является свобода. Анализ связи войны и революции показывает трансформацию свободы как реальной человеческой ценности в формальный принцип в капиталистическом государстве.

Основная идея философско-политической рефлексии соотношения милитаризма и капитализма в социальной антропологии Вернера Зомбарта заключается в доказательстве того, что милитаризм является одним из основных условий становления капитализма. Милитаризм и капитализм представляют по своей сути тождественные понятия. Сущность империализма заключается в расовой политике и бесконечной экспансии. И тогда происходит деформация со-

циального, подготовка и формирование военизированного типа и образца общения, который постоянно инициирует и воспроизводит конфликтную ситуацию: межчеловеческое должно выражаться в семантике, которая разрушает себя и безвыходным образом представляется направленной на борьбу.

В конкретно-историческом смысле война представляет собой единство социальных действий и практик. Эмпирический анализ исторического опыта выявляет «начало» возникновения национал-социализма. Таковым является соединение расизма с идеологией и практикой «биологии породы» («Rassebiologie»). Методологическим концептом становится «право убивать» (Endlösung). Любой поворот от мирной жизни к немирной всегда сопровождается одним и тем же: «Никакой альтернативы нет», а есть непримиримые оппозиции: «мы или они», «свое или чужое», «друг или враг», «нормальность или ненормальность», что неизбежно уводит от понимания и признания Другого к преследованию и уничтожению Другого. Историзация национал-социализма оказывается чрезвычайно сложной проблемой, поскольку прошлое является ядром политической символики для манипуляции социальной и индивидуальной памятью и поскольку война с национал-социализмом продолжается.

Поступила в редакцию 17.03.2025; одобрена после рецензирования 21.04.2025;
принята к публикации 22.04.2025; опубликована 30.06.2025
The article was submitted 17.03.2025; approved after reviewing 21.04.2025;
accepted for publication 22.04.2025; published 30.06.2025

Список литературы

1. Arendt H. Die Freiheit, frei zu sein. München : dtv Verlagsgesellschaft mbH & Co, 2018. 61 S.
2. Sombart W. Der moderne Kapitalismus. Bd. 1. München ; Leipzig : Verlag Duncker & Humblot, 2018. 475 S.
3. Sombart W. Krieg und Kapitalismus. München ; Leipzig : Verlag Duncker & Humblot, 2018. 244 S.
4. Ist der Nazionalsozialismus Geschichte? Zu Historisierung und Historikerstreit / ed. D. Diner. Frankfurt am Main : Fischer Taschenbuch Verlag, 1987. 309 S.
5. Das dritte Reich. Ein Lesebuch zur deutschen Geschichte 1933–1945 / Hrsg.: Ch. Städt. München : Verlag C. H. Beck, 1998. 348 S.

References

1. Arendt H. *Die Freiheit, frei zu sein*. München, dtv Verlagsgesellschaft mbH & Co, 2018. 61 S. (in German).
2. Sombart W. *Der moderne Kapitalismus*. Bd. 1. München, Leipzig, Verlag Duncker & Humblot, 2018. 475 S. (in German).
3. Sombart W. *Krieg und Kapitalismus*. München, Leipzig, Verlag Duncker & Humblot, 2018. 244 S. (in German).
4. Diner D., ed. *Ist der Nazionalsozialismus Geschichte? Zu Historisierung und Historikerstreit*. Frankfurt am Main, Fischer Taschenbuch Verlag, 1987. 309 S. (in German).
5. *Das dritte Reich. Ein Lesebuch zur deutschen Geschichte 1933–1945* / Hrsg.: Ch. Städt. München: Verlag C. H. Beck, 1998. 348 S. (in German).

ПСИХОЛОГИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 120–125

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 120–125
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-2-120-125>

EDN: PNKYL

Научная статья
УДК [327.8:001.102](470+571+100)

Социально-психологические технологии информационной войны и средства противодействия им

Д. С. Безносков

Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы, Россия, 199178, г. Санкт-Петербург, 12-я линия В.О., д. 13, лит. А

Безносков Дмитрий Сергеевич, кандидат психологических наук, доцент кафедры прикладной социальной психологии, don_bizon@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6436-479X>

Аннотация: *Введение.* Обосновывается актуальность проблемы обеспечения информационной безопасности. Цель статьи – проанализировать социально-психологические способы ведения информационной войны и средства противодействия. Задачи статьи: доказать, что информационное влияние становится специфическим современным оружием; проанализировать способы противодействия информационной войне; описать влияние информационной войны на правовые отношения и правовое сознание. *Теоретический анализ.* Проанализированы три типа войны: информационная, когнитивная и психосенсорная. Информационная война направлена на разрушение правопорядка, правовых отношений и государственного строя противника. Подобная война может принести правовому сознанию значительный урон, формируя недоверие к органам власти. Информационная война не имеет границ и распространяется на коммуникативные каналы всех государств. Заключение перемирия или капитуляция не означает прекращения информационной войны. Цель когнитивной войны состоит в получении контроля над сознанием противника, перекодировании его менталитета. В задачи психосенсорной войны входит угнетение эмоционального состояния членов общества, создания атмосферы страха, ужаса, безысходности. В процессе проведения такой войны совершаются террористические акты. *Заключение.* Российский народ успешно противостоит информационной войне, и именно он является основным гарантом информационной безопасности России. **Ключевые слова:** информационная, когнитивная, психосенсорная война, правовые отношения, дезинформация, способы противодействия

Для цитирования: Безносков Д. С. Социально-психологические технологии информационной войны и средства противодействия им // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 120–125. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-2-120-125>, EDN: PNKYL

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

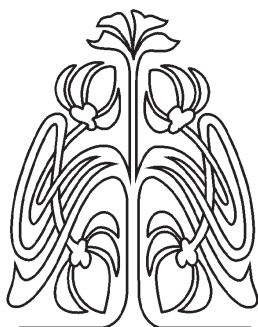
Social and psychological technologies of information warfare and countermeasures

D. S. Beznosov

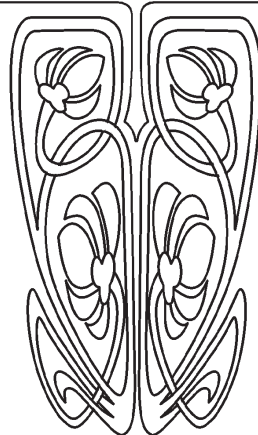
St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work, 13 lit. A 12th line of Vasilievsky Island, St. Petersburg 199178, Russia

Dmitriy S. Beznosov, don_bizon@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6436-479X>

© Безносков Д. С., 2025

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Abstract. Introduction. The relevance of the problem of ensuring information security is substantiated. The purpose of the article is to analyze the socio-psychological ways of waging information warfare and the means of counteraction. Information warfare is a confrontation between the parties to a conflict with the help of disinformation. Objectives of the article are to prove that information influence is becoming a specific modern weapon; analyze ways to counter information warfare; describe the impact of information warfare on legal relations and legal consciousness. **Theoretical analysis.** Three types of war are analyzed: informational, cognitive and psychosensory. Information warfare is aimed at destroying the rule of law, legal relations and the state system of the enemy. Such a war can cause significant damage to the legal consciousness, forming distrust in the authorities. Information warfare has no borders and extends to the communication channels of all states. The conclusion of a truce or capitulation does not mean the end of the information war. The goal of cognitive warfare is to gain control over the opponent's mind, to recode his mentality. The tasks of psychosensory warfare include the suppression of the emotional state of members of society, the creation of an atmosphere of fear, horror, and hopelessness. In the course of such a war, terrorist acts are committed. **Conclusion.** The main method of counteraction is the consolidation of society, the preservation of one's mentality and culture.

Keywords: informational, cognitive, psychosensory warfare, legal relations, disinformation, methods of counteraction

For citation: Beznosov D. S. Social and psychological technologies of information warfare and countermeasures. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 120–125 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-2-120-125>, EDN: PNKYL

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В истории человечества произошло несколько информационных революций, связанных с совершенствованием технологий передачи и получения информации. В результате таких инновационных изменений повысились возможности влияния информации на общественное и правовое сознание. Люди получили возможность усваивать и осмысливать новую информацию, которая может изменить их представления о событиях в стране и других странах мира.

Актуальность теоретического исследования определяется тем, что в настоящее время возросла потребность в обеспечении информационной безопасности. Термин «информационная война» означает противоборство сторон конфликта с помощью дезинформации, которая специально распространяется в СМИ. Государственные органы противоборствующих сторон стараются оказать противодействие информационному воздействию на свое гражданское население. Высший командный состав вооруженных сил США часто употребляет термин «информационно-психологическая война» («information and psychological warfare»). Такая война включает не только дезинформацию, но и психологическое воздействие на общественное и правовое сознание военнослужащих противника с целью подавления их морального духа, воли к сопротивлению, деформации правовых отношений. Процесс информационно-психологической войны включает действия, направленные на достижение информационного превосходства. Средствами войны являются: искажение информации, нанесение ущерба ин-

формационным источникам и системам противника. Одновременно тщательно и продуманно разрабатываются средства и способы защиты собственных информационных систем. В настоящее время проблема противодействия способам ведения информационно-психологической войны приобретает особую актуальность.

Цель статьи состоит в анализе социально-психологических способов ведения информационной войны и средств противодействия им. Задачи статьи: 1) показать, что информационное воздействие становится специфическим оружием агрессивной политики западных стран; 2) проанализировать социально-психологические способы противодействия информационной войне; 3) рассмотреть влияние информационной войны на общественное и правовое сознание.

Теоретический анализ

Словосочетание «информационная война» стало использоваться в политическом лексиконе в конце 1980-х гг. в связи с операцией США против Ирака. В 2020 г. была принята концепция НАТО, в которой утверждается, что войны включают не только военные действия, направленные на разрушение государственного строя противника, но и действия, содержащие дезинформацию, сокрытие актуальной информации, ложные сведения о причинах и субъектах тех или иных информационных или террористических действий [1].

В настоящее время против Российской Федерации ведется открытая агрессивная информационная война. Проанализировав понятие «информационная война», Г. Г. Почепцов считает, что она включает информационный,

политический и экономический компоненты. Информационный компонент означает контроль за протеканием информационных потоков, политический – контроль информационной политики, а экономический – контроль экономической политики [2].

Ю. Н. Кузьмин с соавторами выделяют два направления информационной войны: 1) разведывательные операции для получения информации о действиях и планах противника; 2) информационное воздействие на сознание военнослужащих противника [3]. Информационная война осуществляется в целях разрушения правопорядка и государственного строя противника. Акторы информационной войны стараются переориентировать сознание человека, изменить его представления о мире, направить на необходимое им поведение.

Е. Б. Макаров подчеркивает, что информационная война распространяется на все сферы жизнедеятельности общества. Это действенный способ борьбы за экономические и политические преимущества, например захват стратегических ресурсов противника. Автор выделяет три типа подобной войны: информационная, психологическая и когнитивная, или ментальная. Когнитивная (ментальная) война направлена на перекодирование сознания, изменение целей и ценностей противника, подавление его воли. Она включает действия, направленные на достижение «паралича» воли противника к сопротивлению, «оккупацию», т. е. полное подчинение его сознания. Когнитивная война необходима для уничтожения духовно-нравственных ценностей, традиций, культурной идентичности народа, деморализации военнослужащих и граждан страны. Это война за социально-культурное пространство, формирование чувств страха, ужаса, гнева, мщения и т.д. [1].

Когнитивная война предназначена для воздействия на процессы восприятия и познания. В ходе когнитивной войны осуществляется подавление познавательных процессов противника, провоцируется возникновение предубеждений и предрассудков. Ментальная война, как считает Е. Б. Макаров, – «это борьба за то, о чем думать, а когнитивная война – как думать» [1, с. 3].

Технологии ментальной войны:

- подтасовка фактов и внедрение в сознание людей искаженных знаний об истории и современных событиях;

- манипуляции сознанием и настроением, внушение эмоций, мнений, оценок, необходимых противникам; создание атмосферы тревоги и страха;

- влияние на установки, мотивацию, убеждения и социальные представления;

- создание мифов о могуществе и благоденствии западных стран.

Когнитивная война не имеет границ. Информация в современных средствах массовой коммуникации свободно циркулирует по миру. С помощью информационной и когнитивной войны врага можно победить без боя, внедрить в его сознание свои моральные нормы, систему правосудия и образования, ценности. У людей изменяется общественное и правовое сознание, утрачивается душевное равновесие, уверенность в будущем, чувство психологического благополучия, способность самостоятельно регулировать свою жизнедеятельность.

Когнитивная война рассматривается как самостоятельное направление гибридной войны. С. И. Алексеев с соавторами считают целью когнитивной войны получение контроля над сознанием и поведением правящей элиты страны, против которой ведется война [4]. Это дестабилизирует работу государственного аппарата. Когнитивная война означает воздействие на мышление человека, его ценности и поведение. Перечислим черты когнитивной войны:

- долговременность и не сводимость только к информационным атакам;

- подмена знаний и ценностей человека;

- модель «управляемого хаоса» составляет основу когнитивной войны;

- отказ от международного права, замена его норм на «правила»;

- когнитивная война не прекращается при заключении мирного договора между воюющими странами или капитуляции;

- многогранность когнитивной войны, которая ведется в политической, экономической, социальной, образовательной областях;

- не только население противоборствующего государства, но и собственное население рассматриваются как объекты когнитивной войны;

- в когнитивной войне используются достижения современной нейротехнологии, разрабатываемого искусственного интеллекта, цифровые технологии.

Победа в когнитивной войне достигается той стороной, которая смогла изменить систему ценностных ориентаций правящей элиты противника [4].

К способам ведения когнитивной войны относятся: манипуляция взглядами и убеждениями, пропаганда экстремистских идеологий, введение санкций против экономической деятельности противника, регулирование деятельности правительств, влияние на выборы и их делегитимизация, вербовка людей для совершения террористических актов.

К тактикам проведения ментальных войн можно отнести:

- историческое прошлое страны пересматривается, создаются исторические мифы;
- понимание значимости своей страны на международной арене разрушается;
- международный статус страны снижается и делегитимизируется;
- создается иная этническая и политическая идентичность народа;
- ведется активная пропагандистская работа с прозападно и сепаратистски настроенными элитами и маргинализированными элементами;
- поощряется принятие нового этнического, религиозного и политического менталитета;
- образовательные программы строятся по примеру западноевропейских программ, обучение ведется на иностранных языках, преимущественно на английском;
- разжигаются националистические и экстремистские настроения населения;
- провоцируется недовольство этнических меньшинств [1].

Термин «психологическая война», с нашей точки зрения, является неудачным, поскольку включает и когнитивные и информационные аспекты. Мы считаем, что более точно с психологической точки зрения обозначить этот вид войны как «психосенсорная война», направленная на угнетение эмоционального состояния членов общества, создания атмосферы страха, ужаса, безысходности. Основным способом ведения такой войны является совершение террористических актов.

Деструктивные технологии воздействия средств массовых коммуникаций на правовое сознание и правовые отношения

В современном обществе происходят кардинальные изменения информационных

технологий. Человек получает большую часть информации из средств массовой коммуникации и сетей интернета. Эта информация оказывает влияние на формирование его сознания, особенно правового. Информационные войны наносят общественному и правовому сознанию существенный урон, направлены на формирование недоверия к окружающим людям, органам власти, вооруженным силам и правоохранительным органам.

Интенсивные информационные атаки направлены на правовое сознание членов нашего общества, внедряя негативную, непроверенную информацию. Результатом агрессивного информационного воздействия может быть деформация правового сознания, искаженное представление о субъектах и нормах права, о реальной ситуации, об истинных правовых отношениях.

Эффективность информационной войны оценивается изменением у членов общества социальных и правовых установок, представлений о справедливости и равноправии. Наиболее распространенным и действенным способом современной информационной войны является передача недостоверной информации через интернет-сети. В настоящее время информационные технологии все более совершенствуются. В связи с проведением специальной военной операции по денацификации и демилитаризации различных регионов Украины информационная война против РФ особенно усилилась, используются деструктивные средства и способы, оказывающие деформирующее влияние на правовое сознание и правовые отношения не только в нашей стране, но и в других странах, особенно европейских. Подобное деструктивное воздействие можно определить как информационный терроризм, направленный на формирование измененных состояний сознания (ИСС), чувств страха, ненависти, предрассудков и интолерантности.

К современным технологиям информационной войны можно отнести: 1) распространение дезинформации в виде слухов и фейков, предлагающих аудитории явно недостоверную, не подтвержденную фактами информацию о происходящих событиях; 2) технология, получившая название «окно Овертона», которая была описана журналистом Гл. Беком на основе разработок Дж. Овертона. Технология заключается в поэтапной манипуляции обществен-

ным и правовым сознанием, может привести к изменению социальных, морально-этических и правовых норм. Журналисты и ученые ведут дискуссию об этичности применения этой технологии и о том, насколько она способна повлиять на общественное сознание; 3) деструктивное воздействие на общественное и правовое сознание может оказать также технология дискредитации личности политического лидера, руководителя государства. Технология включает необоснованные, бездоказательные обвинения лидера страны, принижение его личности и приписывание ему негативных качеств личности, приклеивание уничижительных ярлыков.

Таким образом, средства массовой коммуникации, особенно интернет-сети, могут оказывать деструктивное воздействие на правовое сознание граждан, искажая и деформируя правовые отношения.

Социально-психологические способы противодействия информационной войне

В настоящее время особое значение приобретает проблема противодействия информационному воздействию как со стороны правительственных и правоохранительных органов, так и со стороны рядовых граждан. В целях противодействия информационной войне в 2016 г. была принята Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (Указ Президента РФ «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» от 05.12.2016 г. № 646).

К способам противодействия информационным атакам можно отнести:

- создание государственной идеологии и закрепление ее в нормативно-правовой базе [4];
- совершенствование работы в технологической сфере, обучение цифровым кибертехнологиям, разработка программ, обеспечивающих необходимый уровень знаний в этой области;
- обеспечение высокого уровня информированности населения о происходящих событиях, формирование готовности населения адекватно реагировать на информационные «вбросы» противника [1];
- поэтапное предоставление информации аудитории СМК: 1) повестка дня: о чем говорить; 2) прайминг: как говорить; 3) фрейминг: как думать [5];

- постоянное совершенствование программ противодействия информационной войне;

- разработка стратегии национальной безопасности, закрепление суверенитета страны, сохранение моральных и правовых основ общества, его традиций и религии.

Заключение

В теоретическом анализе проанализированы социально-психологические технологии ведения информационной войны. Предлагаем следующую классификацию информационных войн:

информационная война – дезинформация противника и своего населения;

когнитивная война – воздействие на сознание, изменение социальных представлений и ментальности противника;

психосенсорная война – интенсивное воздействие на чувства населения, создание атмосферы страха.

Описаны способы проведения информационной войны и стратегии противодействия. Целью такой войны является дезинформация и дезориентация противника, нагнетание страха, подавление воли к сопротивлению, изменение идеологии и сознания народа.

Проанализированы способы противодействия западному информационному воздействию. События последних лет показывают, что российский народ демонстрирует устойчивость к информационным атакам, усиливается его сплоченность и взаимопомощь в трудных обстоятельствах. Народ понимает сложившуюся ситуацию, и именно он является основным гарантом информационной безопасности России.

Список литературы

1. Макаров Е. Б. Ментальная и когнитивная войны: вопросы, определения, цели и средства // Информационные войны. 2023. № 2 (66). С. 2–7. EDN: RTGEFL
2. Почепцов Г. Г. Информационные войны. Новый инструмент политики (Манипуляция сознанием), М. : Алгоритм, 2015. 256 с.
3. Кузьмин Ю. Н., Любичев В. А., Раскин А. В., Тарасов И. В. Особенности вооруженной борьбы в информационной сфере на современном этапе и в перспективе // Информационные войны. 2021. № 1 (57). С. 2–5. EDN: PHMTVF

4. Алексеев С. И., Краснолободцев В. П., Раскин А. В., Спренгель А. В., Тарасов И. В. Когнитивная война как один из основных элементов гибридной войны // Информационные войны. 2023. № 1 (65). С. 2–5. EDN: ETPMYE
5. Кастельс М. Власть коммуникации. М. : ИД ВШЭ, 2020. 73 с.

References

1. Makarov E. B. Mental and cognitive warfare: Questions of definition, goals and means. *Informatsionnye voyny* [Information Warfare], 2023, no. 2 (66), pp. 2–7 (in Russian). EDN: RTGEFL
2. Pocheptsov G. G. *Informatsionnye voyny. Novyi instrument politiki (Manipulyatsiya soznaniem)* [Information Warfare. A New Policy Tool (Mind Manipulation)]. Moscow, Algoritm, 2015. 256 p. (in Russian).
3. Kuzmin Yu. N., Lyubichev V. A., Raskin A. V., Tarasov I. V. Features of armed struggle in the information sphere at the present stage and in the future. *Informatsionnye voyny* [Information Warfare], 2021, no. 1 (57), pp. 2–5 (in Russian). EDN: PHMTVF
4. Alekseev S. I., Krasnolobodtsev V. P., Raskin A. V., Sprengel A. V., Tarasov I. V. Cognitive warfare as one of the main elements of hybrid warfare. *Informatsionnye voyny* [Information Warfare], 2023, no. 1 (65), pp. 2–5 (in Russian). EDN: ETPMYE
5. Kastel's M. *Vlast' kommunikatsii* [The power of communication]. Moscow, HSE Publishing House, 2020. 73 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 26.03.2024; одобрена после рецензирования 20.01.2025;
принята к публикации 22.04.2025; опубликована 30.06.2025
The article was submitted 26.03.2024; approved after reviewing 20.01.2025;
accepted for publication 22.04.2025; published 30.06.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 126–135

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 126–135

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-2-126-135>, EDN: RDYGUW

Научная статья

УДК 159.923+316.6-121.131

Теоретико-методологические основания исследования дезадаптивной подчиняемости личности в условиях виртуального взаимодействия

Т. В. Белых¹✉, Е. Б. Князев²

¹Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

²Саратовский государственный медицинский университет имени В. И. Разумовского Министерства здравоохранения Российской Федерации, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Большая Казачья, д. 112

Белых Татьяна Викторовна, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной психологии образования и развития, tvbelih@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8760-9297>

Князев Евгений Борисович, кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики, образовательных технологий и профессиональной коммуникации, eknyaze@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6646-6247>

Аннотация. Введение. Проблема изучения дезадаптивной подчиняемости личности в виртуальной среде является новой для современной психологии и требует анализа теоретических и методологических основ ее исследования. **Теоретический анализ.** Методология исследования данной проблемы может опираться на междисциплинарный, интегративный, системно-процессуальный, субъектно-деятельностный, когнитивистский и ситуационный подходы с целью изучения как устойчивых психологических детерминант в их интегративном и системном измерении, так и динамических, ситуационных, отражающих механизм возникновения и функционирования дезадаптивной подчиняемости в быстро меняющихся условиях виртуального общения. **Заключение.** Междисциплинарный подход вносит вклад в изучение разнообразия детерминант проявления дезадаптивной подчиняемости. Интегративный подход позволяет изучить характер интеграции разноуровневых свойств в зависимости от выраженности дезадаптивной подчиняемости. Системно-процессуальный подход открывает возможности для изучения динамики связей между разноуровневыми свойствами индивидуальности, обеспечивающими наличие/отсутствие склонности к дезадаптивному подчинению. Субъектно-деятельностный подход позволяет раскрыть связь между выраженностью субъектности личности, ее видами, выполняемой деятельностью и проявлением дезадаптивной подчиняемости. Когнитивистский подход раскрывает механизм переработки личностью информации, причин существования рациональных/иррациональных установок, степени критичности к ее восприятию и проявления рефлексивности в условиях виртуального взаимодействия. Ситуационный подход акцентирует внимание на изучении условий осуществления интернет-взаимодействия как одной из детерминант дезадаптивной подчиняемости.

Ключевые слова: дезадаптивная подчиняемость, виртуальное взаимодействие, междисциплинарный подход, интегративный подход, системно-процессуальный подход, субъектно-деятельностный подход, когнитивистский подход, ситуационный подход

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00368 «Дезадаптивная подчиняемость молодежи в виртуальной среде: предикторы, уровни, типы, психологические условия профилактики», <https://grant.rscf.ru/site/user/forms?rid=00000000000010437779-1>

Для цитирования: Белых Т. В., Князев Е. Б. Теоретико-методологические основания исследования дезадаптивной подчиняемости личности в условиях виртуального взаимодействия // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 126–135. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-2-126-135>, EDN: RDYGUW

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Theoretical and methodological bases for the study of maladaptive subordination in conditions of virtual interaction

T. V. Belykh¹✉, E. B. Knyazev²

¹Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

²Saratov State Medical University named after V. I. Razumovsky, 112 Bolshaya Kazachiya St., Saratov 410012, Russia

Tatiana V. Belykh, tvbelih@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8760-9297>

Evgeny B. Knyazev, eknyaze@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6646-6247>

© Белых Т. В., Князев Е. Б., 2025

Abstract. Introduction. The examination of maladaptive subordination within the context of digitalisation in interpersonal interaction constitutes a novel area for research in modern psychology. This field necessitates a thorough analysis of the theoretical and methodological foundations of research in this domain. **Theoretical analysis.** The research methodology of this study can be based on interdisciplinary, integrative, system-process, subject-activity, cognitive and situational approaches in order to examine both stable psychological determinants in their integrative and systemic dimension, and dynamic, situational, reflecting the mechanism of emergence and functioning of maladaptive subordination in rapidly changing conditions of virtual communication. **Conclusion.** The interdisciplinary approach contributes to the study of the diversity of determinants of maladaptive subordination. The integrative approach makes it possible to study the nature of integration of different-level properties depending on the severity of maladaptive subordination. The system-process approach provides opportunities for studying the dynamics of connections between different-level properties of individuality, which ensure the presence/absence of a propensity to maladaptive subordination. The subject-activity approach reveals the connection between the expression of personality subjectivity, its types, performed activities and the manifestation of maladaptive subordination. The cognitivist approach reveals the mechanism of information processing by the personality, the reasons for the existence of rational/irrational attitudes, the degree of criticality to its perception and the manifestation of reflexivity in the conditions of virtual interaction. The situational approach focuses on the study of the conditions of Internet interaction as one of the determinants of maladaptive subordination.

Keywords: maladaptive subordination, virtual interaction, interdisciplinary approach, integrative approach, system-process approach, subject-activity approach, cognitive approach, situational approach

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, grant No. 25-28-00368 "Maladaptive subordination of youth in virtual environment: predictors, levels, types, psychological conditions of prevention", <https://grant.rscf.ru/site/user/forms?rid=00000000000010437779-1>

For citation: Belykh T. V., Knyazev E. B. Theoretical and methodological bases for the study of maladaptive subordination in conditions of virtual interaction. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 126–135 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-2-126-135>, EDN: RDYGUW

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Проблема изучения дезадаптивной подчиняемости личности в виртуальной среде межличностного взаимодействия является новой для современной социальной психологии. Эта проблема является составной частью более широкой научной проблемы – подчиняемости личности, но имеет свои специфические особенности, так как направлена на исследование процесса виртуального общения, как условия ее проявления.

Как известно, подчинение рассматривается как одно из необходимых условий функционирования общества [1] наряду с проявлением личностью лидерских качеств и способности к доминированию [2]. На сегодняшний день установлено, что индикаторами проявления адаптивного подчинения являются «низкий и умеренный уровень подчиняемости, способность к рефлексии собственных действий при оказании влияния авторитета, способность к самоконтролю эмоций. Индикаторами дезадаптивного подчинения – высокий или экстремальный уровень подчиняемости, неспособность к саморегуляции своих эмоций при оказании влияния авторитета и безусловное доверие к нему» [3, с. 13]. Процесс цифровизации различных сторон общественной жизни привел к возникновению нового запроса практики – поиску причин низкой сопротивляемо-

сти личности манипулятивному воздействию, распространенному в виртуальной среде, которое способно приводить к актуализации дезадаптивной подчиняемости, проявляющейся в деперсонализации личности, некритической оценке поведения людей в виртуальном пространстве, преследующих корыстные, противоправные или экстремистские цели, снижению способности к рефлексии значения и смысла информации, получаемой с помощью мессенджеров и гаджетов, в высоком уровне доверия к ним и повышенной внушаемости. У молодого поколения, которое осваивает новейшие средства для реализации виртуального общения, должны быть сформированы навыки противодействия информационно-психологическим угрозам, приводящим к формированию и развитию дезадаптивной подчиняемости в виртуальной среде как одному из видов цифровой девиации, что является новой и актуальной научной проблемой. Поэтому поиск теоретико-методологических оснований для изучения этого феномена является важной и значимой целью, как в теоретическом, так и прикладном аспекте.

Начало изучению проблеме подчинения личности было положено в экспериментальных исследованиях, проведенных S. Milgram (1963) [1]. Он рассматривал подчинение как одну из форм социального влияния, понимая под подчинением такое поведение человека, которое

детерминировано не его собственными мотивами, а мотивами легитимного авторитета [4]. При этом подчинение может актуализироваться как способность к подчинению [5], а также как личностная характеристика, проявляясь как подчиняемость, и отражать устойчивую тенденцию в поведении [1]. В настоящее время подчеркивается наличие неоднозначных трактовок этого понятия [6] и выявлены разные основания для классификации видов подчинения [7], но имеющиеся определения [8–10] сходны в отнесении этого понятия к одной из форм социального влияния. Социальное влияние связано с процессом социального познания и является его неотъемлемой частью. Социальное познание сопровождает любую деятельность человека, включенного в социальное взаимодействие, и представляет собой постоянный процесс формирования и актуализации у него представлений о себе, других людях, социальных явлениях и событиях в ходе приема и когнитивной переработки поступающей к нему социальной информации [11–13]. Особенности переработки личностью социальной информации базируются на разных основаниях детерминации, начиная от биологически-детерминированных – свойства нервной системы, темперамент, до социально-детерминированных – рефлексивных, метакогнитивных способностей, характеристик личностных и субъектных свойств. Перечисленные основания детерминации процесса социального познания имеют многоуровневую организацию, находятся в постоянном взаимодействии и взаимовлиянии, что порождает необходимость изучения методологических оснований изучения подчиняемости личности как формы социального влияния, ее адаптивных и дезадаптивных форм проявления, прежде всего, в современных условиях осуществления цифрового межличностного взаимодействия, которое предъявляет беспрецедентно высокие требования к уровню проявления личностью критического мышления и рефлексии в условиях восприятия и оценки социальной информации. Как показывает анализ научной литературы, в социальной психологии существуют работы, посвященные изучению проблемы подчинения личности: А. Миллер [14], Д. Пакер [15], Ж. Буржер с соавторами [16], С. Гибсон [17], Н. Хаслам с соавторами [18], Н. К. Радина, А. В. Поршнева [19], А. Л. Щурова, И. В. Калинин [20], М. Е. Бирней с соавторами [21]. В этих работах акцентируется внимание на преобладании в исследованиях подчиняе-

мости методологии ситуационного подхода. Представлены работы, в которых затрагивается изучение методологии и методов исследования личностного интернет-пространства [22] и киберустойчивости личности [23] с применением психодинамического подхода. Изучены методологические основания исследования роли интернет-коммуникаций в политике, где проанализированы возможности постмодернистского подхода [24]. Осуществлен анализ используемых подходов к изучению «стиля подчинения» в отечественной психологии, а именно: индивидуально-психологического подхода, поведенческого, ситуационного [25]. Проанализированы методологические аспекты изучения подчинения как социально-психологического феномена [26, 27]. Обнаружена ценность использования положений теории поля К. Левина для рассмотрения взаимосвязи влияния личностных и ситуативных условий при актуализации «квазипотребности в подчинении» [28]. Однако исследований, направленных на анализ методологических аспектов изучения подчиняемости личности в виртуальной среде, на сегодняшний день, нет. При этом исследования самореализации цифровой личности в интернет-коммуникации, как правило, осуществляются с использованием аддитивной стратегии исследования не позволяющей учитывать многоаспектность и многоуровневую организацию оснований детерминации ее эффектов.

Теоретический анализ

Целью данного исследования является анализ методологических подходов и теоретических оснований для исследования дезадаптивной подчиняемости личности в условиях виртуального взаимодействия. Анализируемые методологические подходы – междисциплинарный, интегративный, системно-процессуальный, субъектно-деятельностный, когнитивистский и ситуационный позволяют осуществлять исследование данного феномена, исходя из понимания индивидуальности человека как системы, во взаимосвязи разноуровневых ее характеристик и темпоральной их интеграции в процессе социального познания и адаптации/деадаптации к условиям виртуального взаимодействия. Это открывает новые перспективы в изучении причин и механизма актуализации личностью дезадаптивной подчиняемости как формы цифровой девиации.

Междисциплинарный подход, который может быть использован для изучения подверженности личности деструктивному социальному влиянию средствами интернет-коммуникации расширяет наши представления о диапазоне оснований детерминации проявления личностью дезадаптивной подчиняемости. В современной зарубежной психологии имеются данные о наличии сложной связи между мозговыми механизмами, которые генерируют субъективный опыт добровольных действий и таким социально-детерминированным конструктом как ответственность [29]. Также обнаружена специфика мозговой активности при актуализации дилеммы С. Милгрэма в эксперименте, использующем виртуальное моделирование ситуации подчинения [30]. При этом существуют работы, делающие акцент на поиске социально обусловленных причин проявления подчиняемости личности; выявлено, например, влияние таких личностных характеристик, как политическая ориентация и социальная активность, а также добросовестность и покладистость на проявление подчинения власти в моделируемых экспериментальных условиях [31, 32]. Из этого следует необходимость применения междисциплинарной стратегии исследования данного феномена.

Интегративный подход в изучении дезадаптивной подчиняемости личности в виртуальной среде ориентирован на использование положений теории интегральной индивидуальности В. С. Мерлина [33] и открывает возможности для изучения взаимовлияния разноуровневых показателей в структуре целостной индивидуальности человека с учетом половых, возрастных и индивидуально-психологических особенностей личности. Данный подход позволяет обнаружить типологию дезадаптивной подчиняемости личности в виртуальной среде на основе анализа особенностей интеграции одно- и разноуровневых характеристик в структуре интегральной индивидуальности у человека с разным уровнем подчиняемости. На основе интегративной методологии в современной психологии изучена структура интегральной индивидуальности субъекта контактного взаимодействия в контексте проявления разного уровня подчиняемости [3]; выявлены основания, определяющие деструктивный или созидательный вектор субъектной самореализации личности в условиях инфокоммуникации [34, 35]. Остается неизученной проблема специфики структуры интеграль-

ной индивидуальности субъекта виртуального взаимодействия с выраженной дезадаптивной подчиняемостью, которая может быть исследована с опорой на интегративную стратегию познания данного феномена в отличие от аддитивной, позволяющей изучать данную проблему в «горизонтальной» одноуровневой плоскости, неизбежно приводящей к редукционизму биологического или социального толка при анализе детерминации подчиняемости.

Положения субъектно-деятельностного подхода [36–38] позволяют рассматривать опосредованное компьютером межличностное взаимодействие как такой вид деятельности, степень включенности в который может существенным образом трансформировать систему ценностей и смыслов личности, а также оказывать влияние на структуру индивидуальности как субъекта деятельности и общения, раскрывая особенности ее самореализации в условиях интернет-общения. Преобладание объектности над субъектностью, не способность осуществлять рефлекссию и критический анализ собственной активности в физическом и виртуальном пространстве, брать ответственность за нее, не способность оказывать противодействие манипулятивному влиянию, определяет большую вероятность динамики личности к проявлению деструктивной субъектности [39], определяют формирование разных форм аддикции и девиаций, в том числе – цифровых. Поэтому изучение субъектной организации личности, уровня сформированности субъектных свойств является той основой, которая позволяет выявить причины высокой и экстремальной выраженности подчиняемости личности, отражающей дефицит проявления субъектности в условиях как реального, так и виртуального взаимодействия.

Системно-процессуальный подход, основанный нами в предыдущих исследованиях [39], акцентирует внимание исследователей на необходимость учета вероятностной субъектной изменчивости в системе сложной, многоуровневой организации индивидуальности человека, детерминированной взаимодействием и взаимозависимостью внутренних психотипологических и внешних факторов, что открывает новые возможности для прогнозирования развития индивидуальности, включенной в виртуальное общение. Развитие индивидуальности с позиций системно-процессуального подхода представляется как процесс становления способности быть субъектом созидательного

саморазвития, соответствующего в конституционально-континуальном пространстве диапазону психологической нормы-акцентуации в противоположность деструктивному типу саморазвития, который проявляется в тотальной зависимости личности от внешней стимуляции, соответствует диапазону аномальной личностной и поведенческой изменчивости и может выступать в качестве одного из механизмов формирования дезадаптивной подчиняемости как разновидности цифровой девиации [40].

Когнитивистский подход позволяет изучить дезадаптивную подчиняемость личности в виртуальной среде, анализируя процесс социального познания и социального влияния в терминах когнитивной психологии, что расширяет возможности для понимания причин формирования социальных установок, лежащих в основании конструирования личностью смыслов, системы оценок и представлений об окружающем мире и самом себе. Когнитивная переработка информации включает функционирование различных процессов, таких как: внимание, кодирование, хранение и воспроизведение [11]. Социальное познание, будучи результатом познавательной деятельности, осуществляется поэтапно и связано с процессом категоризации. Существуют три стадии социального познания, связанные с процессом категоризации, которые выделяют S. Fiske, S. Neuberg: стадия первичной категоризации, подтверждения и рекатегоризации [41]. Уже на стадии восприятия стимула, фокусировка внимания во многом определяется системой ожиданий и установок личности [11, 42]. Первичная категоризация приводит в действие определенную когнитивную схему и формирует ожидания человека, которые влияют на обработку информации. О чем свидетельствует описанная R. L. Gregory [43] модель анализа механизма возникновения когнитивных иллюзий – создание непротиворечивого образа, вне зависимости от соответствия реальному воздействию, на основе прошлого опыта. При этом человек склонен использовать набор эвристик, позволяющих конструировать собственную непротиворечивую картину мира, например такие, как: «подчиняйся авторитетам», когда человек выполняет требования лица, имеющего власть или влияние, не задумываясь о правильности своих действий; «не могут все ошибаться», как оправдание склонности принимать мнение большинства; «услуга за услугу» и «чувство долга», актуализация которых связана с подвер-

женностью влияния мошенников и подчинению им [10]; аттитюдная эвристика, существующая на основе имеющейся установки [44], «эвристика приспособления», когда оценивание осуществляется не объекта, а его образа [45] и др. Выявленные в рамках когнитивистского подхода данные о функционировании процесса социального познания позволяют исследовать дезадаптивную подчиняемость в виртуальной среде как результат специфической когнитивной обработки информации, а значит, расширяют возможности для разработки и апробации программ ее психологической профилактики и развития социально-когнитивных компетенций, направленных на усиление способности личности к критическому восприятию информации и ее рефлексии.

Ситуационный подход, позволяет выявить ситуативные факторы возникновения дезадаптивной подчиняемости личности в условиях манипулятивного влияния в виртуальной среде, к которым могут быть отнесены особенности самого процесса виртуального взаимодействия, в отличие от контактного, характер эмоциональных состояний и реактивного сопротивления в ситуациях воздействия власти и общения со значимым другим (реальным или виртуальным), характеристики межличностного ситуативного взаимодействия и стилевые его особенности, характер межличностного виртуального взаимодействия (групповое или индивидуальное общение). Ситуационный подход акцентирует внимание на изучении условий осуществления интернет-взаимодействия как одной из детерминант дезадаптивной подчиняемости.

К теоретическим основаниям исследования дезадаптивной подчиняемости личности в виртуальной среде могут быть отнесены положения культурно-исторической концепции Л. С. Выготского, постулирующих процесс опосредования как базовый механизм развития сознания субъекта и произвольного характера деятельности, что делает возможным рассмотрение виртуальной среды не только в качестве пространства адаптации/деадаптации личности, но и средства созидательного саморазвития через формирование способности к противодействию манипулятивному виртуальному влиянию контента или личности.

Теоретические взгляды, высказанные в трудах Г. В. Грачева [46] и Г. В. Грачева, И. К. Мельника [47], сформулированные в рамках концепции информационно-психоло-

гического влияния, позволяют обнаружить условия, необходимые для овладения личностью навыками противодействия манипулятивному информационно-психологическому воздействию, в том числе при использовании средств интернет-технологий.

Заключение

Анализ теоретико-методологических оснований исследования дезадаптивной подчиняемости личности в виртуальном взаимодействии позволяет сделать вывод о наличии специфического значения каждого из рассмотренных методологических подходов для решения указанной проблемы. Междисциплинарный подход позволяет выявлять различные детерминанты проявления личностью дезадаптивной подчиняемости, опираясь на современные достижения как естественных, так и гуманитарных наук: нейрофизиологии, психофизиологии, психологии личности, социальной психологии и других смежных отраслей знания. Интегративный подход позволяет осуществить изучение взаимовлияния разноуровневых показателей в структуре целостной индивидуальности человека в зависимости от половых, возрастных и социальных детерминант, обнаружить типологию дезадаптивной подчиняемости личности в виртуальной среде на основе анализа характера интеграции межуровневых связей в структуре целостной индивидуальности. Субъектно-деятельностный подход определяет возможность выявления роли уровня субъектности личности в сопротивляемости деструктивному манипулятивному влиянию на разных возрастных этапах формирования индивидуальности и анализа трансформации субъектных свойств в структуре индивидуальности.

Системно-процессуальный подход открывает перспективы для изучения динамики субъектности и ее видов в конституционально-континуальном пространстве личности в диапазоне от психологической нормы-акцентуации до аномальной личностной и поведенческой изменчивости, что открывает новые возможности для осуществления прогноза развития личности, имеющей цифровые девиации, к которым может быть отнесена дезадаптивная подчиняемость личности в виртуальной среде. Когнитивистский подход позволяет изучать причины сформированных установок и используемых эвристик при осуществлении

опосредованной интернетом деятельности и общении, наметить способы психологической профилактики дезадаптивной подчиняемости за счет развития метакогнитивных и рефлексивных способностей.

Ситуационный подход позволяет учитывать не только устойчивые, личностные или биологически-детерминированные предпосылки к формированию дезадаптивной подчиняемости, но и ситуативные, возникающие стихийно, из непрогнозируемых личностью особенностей ситуации, в которых происходит межличностное виртуальное взаимодействие. Положения культурно-исторической концепции Л. С. Выготского, теоретические основания обеспечения информационно-психологической безопасности личности и сформированности соответствующих социально-психологических и субъектных свойств в структуре индивидуальности позволяют наметить средства и способы своевременной психологической профилактики дезадаптивной подчиняемости формирующейся личности в условиях виртуального взаимодействия.

Список литературы

1. *Milgram S.* Behavioral study of obedience // *The Journal of Abnormal and Social Psychology.* 1963. Vol. 67, № 4. P. 371–378. <https://doi.org/10.1037/h0040525>
2. *Свенцицкий А. Л.* Социальная психология : учебник. М. : Проспект, 2004. 336 с.
3. *Князев Е. Б.* Взаимосвязь социально-психологических характеристик личности и подчиняемости авторитету у субъектов межличностного взаимодействия: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Саратов, 2018. 25 с.
4. *Milgram S.* Obedience to authority: An experimental view. London : Tavistock Publications, 1974. 224 p.
5. *Милгрэм С.* Подчинение авторитету: Научный взгляд на власть и мораль / пер. с англ. Г. Ястребов. М. : Альпина нон-фикшн, 2016. 282 с.
6. *Ершова Р. В.* «Повинуемость» как социально-психологический феномен образовательной среды // *Человеческий капитал.* 2013. № 9 (57). С. 44–50. EDN: RTPTUT
7. *Куликович Т. О.* Психологические основания для классификации видов подчинения // *Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки : сб. науч. ст. : в 2 ч. Ч. 2, вып. 9 (14) / под ред. В. Ф. Беркова.* Минск : РИВШ, 2010. С. 173–178.
8. *Крысько В. Г.* Словарь-справочник по социальной психологии. СПб. : Питер, 2003. 416 с.
9. *Colman A.* A dictionary of psychology. Oxford : Oxford University Press, 2015. 896 p.

10. Зимбардо Ф., Ляйппе М. Социальное влияние / пер. с англ. Н. Мальгиной, А. Федорова ; под ред. А. Свенцицкого. СПб. : Питер, 2011. 448 с.
11. Андреева Г.М. Психология социального познания : учебное пособие. М. : Аспект-пресс, 2000. 288 с.
12. Бодалев А. А. Восприятие человека человеком. М. : Энциклопедист-максимум, 2015. 240 с.
13. Augoustinos M., Walker I. Social cognition: An Integrated Introduction. London : Sage Publications, 2014. 386 p.
14. Miller A. The obedience experiments: A case study of controversy in social science. New York : Praeger Publishers, 1986. 305 p.
15. Packer D. Identifying systematic disobedience in Milgram's obedience experiments: A meta-analytic review // Perspectives on Psychological Science. 2008. Vol. 3, № 4. P. 301–304. <https://doi.org/10.1111/j.1745-6924.2008.00080.x>
16. Burger J., Girgis Z., Manning C. In their own words: Explaining obedience to authority through an examination of participants' comments // Social Psychological and Personality Science. 2011. Vol. 2, № 5. P. 460–466.
17. Gibson S. Milgram's obedience experiments: A rhetorical analysis // British Journal of Social Psychology. 2013. Vol. 52, № 2. P. 290–309.
18. Haslam N., Loughnan S., Perry G. Meta-Milgram: An empirical synthesis of the obedience experiments // PloS ONE. 2014. Vol. 9, № 4, article e93927. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0093927>
19. Радина Н. К., Поршнев А. В. Стратегии (не)сопротивления в нарративах о трудностях: становление «подчиненного субъекта» // Социальная психология и общество. 2021. Т. 12, № 3. С. 151–169. <https://doi.org/10.17759/sps.2021120310>, EDN: MOTXZN
20. Щурова А. Л., Калинин И. В. Социально-психологический анализ подчинения и подчиняемости // Научное мнение. 2024. № 5. С. 68–73. https://doi.org/10.25807/22224378_2024_5_74, EDN: BRRDZZ
21. Birney M. E., Reicher S. D., Haslam S. A. Obedience as “Engaged Followership”: A Review and Research Agenda // Philosophia Scientiae. 2024. Vol. 28, № 2. P. 91–105. <https://doi.org/10.4000/11ptx>
22. Сочивко Д. В., Симакова Т. А. Методология и методика исследования личностного интернет-пространства курсантов образовательных организаций Федеральной службы исполнения наказаний // Прикладная юридическая психология. 2020. № 4 (53). С. 20–31. [https://doi.org/10.33463/2072-8336.2020.4\(53\).020-031](https://doi.org/10.33463/2072-8336.2020.4(53).020-031), EDN: WLFONZ
23. Сочивко Д. В., Гаврина Е. Е., Симакова Т. А. Методология и методика исследования интрапсихической структуры «интернет-личности» обучающегося высшей школы // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2020. № 5. С. 62–70. <https://www.doi.org/10.17805/trudy.2020.5.7>, EDN: VZTONA
24. Авзалова Э. И. Методологические особенности изучения роли интернет-коммуникации в политике // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2015. Т. 15, вып. 2. С. 113–117. EDN: TYWWLV
25. Калинин И. В., Калинина Н. В. К вопросу о развитии исследований «стиля подчинения» в отечественной психологии XXI века // Психология управления персоналом и социальное предпринимательство в условиях изменения технологического уклада. Всероссийская научно-практическая конференция (Нижний Новгород, 14–15 ноября 2019 г.) : сборник статей / под общ. ред. Л. Н. Захаровой, М. В. Прохоровой. Н. Новгород : ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2019. С. 627–632. EDN: QKWRJF
26. Щурова А. Л., Калинин И. В. Социально-психологический анализ подчинения и подчиняемости // Научное мнение. 2024. № 5. С. 68–73. https://www.doi.org/10.25807/22224378_2024_5_74, EDN: BRRDZZ
27. Карпов А. В., Раскумандрина М. Е. Подчинение как социально-психологический феномен // Социальная психология XXI столетия : в 2 т. / под ред. В. В. Козлова. Ярославль : Б.и, 2003. Т. 1. С. 306–309.
28. Куликович Т. О. Личностные и ситуативные детерминанты поведения в ответ на воздействие власти в служебных отношениях // Веснік БДУ. Сер. 3. 2012. № 1. С. 46–50. EDN: SEYZAX
29. Caspar E., Christensen J., Cleeremans A., Haggard P. Coercion Changes the Sense of Agency in the Human Brain // Current Biology. 2016. Vol. 26, № 5. P. 585–592. <https://www.doi.org/10.1016/j.cub.2015.12.067>
30. Cheetham M., Pedroni A., Antley A., Slater M., Jäncke L. Virtual milgram: Empathic concern or personal distress? Evidence from functional MRI and dispositional measures // Frontiers in Human Neuroscience. 2009. Vol. 3. P. 1–13. <https://doi.org/10.3389/neuro.09.029.2009>
31. Bègue L., Beauvois J., Courbet D., Oberlé D., Lepage J., Duke A. Personality predicts obedience in a Milgram paradigm // Journal of Personality. 2015. Vol. 83, № 3. P. 299–306. <https://doi.org/10.1111/jopy.12104>
32. Violato E., Witschen B., Violato E., King S. A behavioural study of obedience in health professional students // Advances in Health Sciences Education. 2022. Vol. 27, № 2. P. 293–321. <https://doi.org/10.1007/s10459-021-10085-4>
33. Мерлин В. С. Психология индивидуальности: Избранные психологические труды / под ред. Е. А. Климова. Воронеж : НПО «МОДЕК», 1996. 448 с.
34. Белых Т. В. Индивидуально-психологические показатели зависимости личности от социальных сетей: интегративный подход // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2023. Т. 12, вып. 3 (47). С. 227–235. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2023-12-3-227-235>, EDN: LBHSEO
35. Белых Т. В. Типы субъектной самореализации личности в условиях цифрового взаимодействия // Человеческий капитал. 2023. № 10 (178). С. 153–159. <https://www.doi.org/10.25629/HC.2023.10.14>, EDN: KPDWKL

36. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб. : Питер, 2015. 713 с.
37. Брушлинский А. В. Проблемы психологии субъекта. М. : ИП РАН, 1994. 109 с.
38. Абульханова К. А. Мировоззренческий смысл и научное значение категории субъекта // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики / под ред. К. А. Абульхановой. М. : ИП РАН, 1997. С. 56–75. EDN: TCZUFD
39. Белых Т. В. Психологические закономерности динамики субъектных свойств в структуре индивидуальности : дис. ... д-ра психол. наук. Ставрополь, 2004. 420 с.
40. Белых Т. В. Психологическая профилактика зависимости от социальных сетей как фактор формирования созидательной субъектности личности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2024. Т. 13, вып. 2 (50). С. 160–168. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2024-13-2-160-168>, EDN: BMFSXS
41. Fiske S., Neuberg S. A continuum of impression formation, from category-based to individuating processes: Influences of information and motivation on attention and interpretation // *Advances in Experimental Social Psychology*. 1990. Vol. 23. P. 1–74. [https://doi.org/10.1016/S0065-2601\(08\)60317-2](https://doi.org/10.1016/S0065-2601(08)60317-2)
42. Бодалев А. А. Восприятие человека человеком. М. : Энциклопедист-максимум, 2015. 240 с.
43. Gregory R. L. Knowledge in perception and illusion // *Philosophical Transactions of the Royal Society*. 1997. № 352 (1358). P. 1121–1127. <https://doi.org/10.1098/rstb.1997.0095>
44. Аронсон Э. Общественное животное. Введение в социальную психологию / пер. с англ. М. А. Ковальчука ; под ред. В. С. Маргуна. М. : Аспект Пресс, 1998. 517 с.
45. Tversky A., Kahneman D. Judgment under uncertainty: Heuristics and biases // *Utility, probability, and human decision making* / eds. D. Wendt, C. Vlek. Dordrecht : Springer Netherlands, 1975. P. 141–162. <https://doi.org/10.1126/science.185.4157.1124>
46. Грачев Г. В. Информационно-психологическая безопасность личности: Теория и технология психологической защиты : дис. ... д-ра психол. наук. М., 2000. 547 с.
47. Грачев Г. В., Мельник И. К. Манипулирование личностью. М. : Эксмо, 2003. 384 с.
3. Knyazev E. B. *Relationship between socio-psychological characteristics of personality and submission to authority in subjects of interpersonal interaction*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Psychol.). Saratov, 2018. 25 p. (in Russian).
4. Milgram S. *Obedience to authority: An experimental view*. London, Tavistock Publications, 1974. 224 p.
5. Milgram S. *Obedience to authority: An experimental view*. Reprint edition. New York, Harper Perennial Modern Classics, 2009. 256 p. (Russ. ed.: *Podchineniye avtoritetu: Nauchnyy vzglyad na vlast i moral*. Moscow, Alpina non-fikshn, 2016. 282 p.).
6. Ershova R. V. 'Obedience' as a socio-psychological phenomenon of the educational environment. *Che-lovecheskiy capital* [Human Capital], 2013, no. 9 (57), pp. 44–50 (in Russian). EDN: RTPTUT
7. Kulinkovich T. O. Psychological bases for the classification of types of subordination. In: *Nauchnyye trudy Respublikanskogo instituta vysshey shkoly. Istoricheskiye i psikhologo-pedagogicheskiye nauki: sb. nauch. st.: v 2 ch. Ch. 2* [Berkov V. F., ed. Scientific works of the Republic Institute of Higher School. Historical and psychological-pedagogical sciences: Collection of scientific articles: in 2 parts. Part 2]. Minsk, RIVSH Publ., 2010, pp. 173–178 (in Russian).
8. Krysko V. G. *Slovar-spravochnik po sotsialnoy psikhologii* [Dictionary of Social Psychology]. St. Petersburg, Piter, 2003. 416 p. (in Russian).
9. Colman A. *A dictionary of psychology*. Oxford, Oxford University Press, 2015. 896 p.
10. Zimbardo P. G., Leippe M. R. *The psychology of attitude change and social influence*. New York, Mcgraw-Hill Book Company, 1991. 256 p. (Russ. ed.: *Sotsialnoye vliyaniye*. St. Petersburg, Piter, 2011. 448 p.).
11. Andreyeva G. M. *Psikhologiya sotsialnogo poznaniya: uchebnoye posobiye* [Psychology of social cognition: A textbook]. Moscow, Aspekt-press, 2000. 288 p. (in Russian).
12. Bodalev A. A. *Vospriyatiye cheloveka chelovekom* [Human perception of a person]. Moscow, Entsiklopedist-maksimum, 2015. 240 p. (in Russian).
13. Augoustinos M., Walker I. *Social cognition: An integrated introduction*. London, Sage Publications, 2014. 386 p.
14. Miller A. *The obedience experiments: A case study of controversy in social science*. New York, Praeger Publishers, 1986. 305 p.
15. Packer D. Identifying systematic disobedience in Milgram's obedience experiments: A meta-analytic review. *Perspectives on Psychological Science*, 2008, vol. 3, no. 4, pp. 301–304. <https://doi.org/10.1111/j.1745-6924.2008.00080.x>
16. Burger J., Girgis Z., Manning C. In their own words: Explaining obedience to authority through an examination of participants' comments. *Social Psychological and Personality Science*, 2011, vol. 2, no. 5, pp. 460–466.

References

17. Gibson S. Milgram's obedience experiments: A rhetorical analysis. *British Journal of Social Psychology*, 2013, vol. 52, no. 2, pp. 290–309.
18. Haslam N., Loughnan S., Perry G. Meta-Milgram: An empirical synthesis of the obedience experiments. *PloS ONE*, 2014, vol. 9, no. 4, article e93927. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0093927>
19. Radina N. K., Porshnev A. V. Strategies for (non) Resistance in Narratives about Facing Problems: Formation of a “Subordinate Subject”. *Sotsialnaya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2021, vol. 12, no. 3, pp. 151–169 (in Russian). <https://doi.org/10.17759/sps.2021120310>, EDN: MOTXZN
20. Shchurova A. L., Kalinin I. V. Socio-psychological analysis of subordination and subordinateness. *Nauchnoye mneniye* [Scientific Opinion], 2024, no. 5, pp. 68–73 (in Russian). https://doi.org/10.25807/22224378_2024_5_74, EDN: BRRDZZ
21. Birney M. E., Reicher S. D., Haslam S. A. Obedience as “Engaged Followership”: A Review and Research Agenda. *Philosophia Scientiae*, 2024, vol. 28, no. 2, pp. 91–105. <https://doi.org/10.4000/11ptx>
22. Sochivko D. V., Simakova T. A. Methodology and method of personal internet space research among cadets of educational organizations of the federal penitentiary service. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya* [Applied Legal Psychology], 2020, no. 4 (53), pp. 20–31 (in Russian). [https://doi.org/10.33463/2072-8336.2020.4\(53\).020-031](https://doi.org/10.33463/2072-8336.2020.4(53).020-031), EDN: WLFONZ
23. Sochivko D. V., Gavrina E. E., Simakova T. A. Methodology and methods for the study of the intrapsychic structure of the “internet personality” of students of higher education. *Nauchnyye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta* [Scientific Works of the Moscow University of the Humanities], 2020, no. 5, pp. 62–70 (in Russian). <https://www.doi.org/10.17805/trudy.2020.5.7>, EDN: VZTONA
24. Avzalova E. I. Methodological peculiarities of study the role of internet communications in politics. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2015, vol. 15, iss. 2, pp. 113–117 (in Russian). EDN: TYWWLV
25. Kalinin I. V., Kalinina N. V. On the question of the “subordination style” research development in Russian psychology of the 21st century. In: Zakharova L. N., Prokhorova M. V., eds. *Psikhologiya upravleniya personalom i sotsialnoye predprinimatelstvo v usloviyakh izmeneniya tekhnologicheskogo uklada. Vserossiyskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya* [Psychology of Personnel Management and Social Entrepreneurship in the Conditions of Changing Technological Mode. All-Russian scientific and practical conference (Nizhniy Novgorod, November 14–15, 2019)]. Nizhniy Novgorod, NNGU im. N. I. Lobachevskogo Publ., 2019, pp. 627–632 (in Russian). EDN: QKWRJF
26. Shchurova A. L., Kalinin I. V. Socio-psychological analysis of submission and obedience. *Nauchnoye mneniye* [Scientific Opinion], 2024, no. 5, pp. 68–73 (in Russian). https://www.doi.org/10.25807/22224378_2024_5_74, EDN: BRRDZZ
27. Karpov A. V., Raskumandrina M. E. Subordination as a social and psychological phenomenon. In: *Sotsialnaya psikhologiya XXI stoletiya: v 2 t. T. 1* [Kozlov V. V., ed. Social psychology of the XXI century: in 2 vols.]. Yaroslavl, 2003, vol. 1, pp. 306–309 (in Russian).
28. Kulinkovich T. O. Personal and situational determinants of behaviour in response to authority in workplace relationships. *Vesnik BDU*, ser. 3 [Bulletin of the Belarusian State University, series 3], 2012, no. 1, pp. 46–50 (in Russian). EDN: SEYZAX
29. Caspar E., Christensen J., Cleeremans A., Haggard P. Coercion Changes the Sense of Agency in the Human Brain. *Current Biology*, 2016, vol. 26, no. 5, pp. 585–592. <https://doi.org/10.1016/j.cub.2015.12.067>
30. Cheetham M., Pedroni A., Antley A., Slater M., Jäncke L. Virtual milgram: empathic concern or personal distress? Evidence from functional MRI and dispositional measures. *Frontiers in Human Neuroscience*, 2009, vol. 3, pp. 1–13. <https://doi.org/10.3389/neuro.09.029.2009>
31. Bègue L., Beauvois J., Courbet D., Oberlé D., Lepage J., Duke A. Personality predicts obedience in a Milgram paradigm. *Journal of Personality*, 2015, vol. 83, no. 3, pp. 299–306. <https://doi.org/10.1111/jopy.12104>
32. Violato E., Witschen B., Violato E., King S. A behavioural study of obedience in health professional students. *Advances in Health Sciences Education*, 2022, vol. 27, no. 2, pp. 293–321. <https://doi.org/10.1007/s10459-021-10085-4>
33. Merlin V. S. *Psikhologiya individualnosti: Izbrannyye psikhologicheskiye trudy* [Klimov E. A., ed. Psychology of Individuality: Selected Psychological Writings]. Voronezh, MODEK, 1996. 448 p. (in Russian).
34. Belykh T. V. Individual psychological indicators of a person's addiction to social networks: An integrative approach. *Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2023, vol. 12, iss. 3 (47), pp. 227–235 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2023-12-3-227-235>, EDN: LBHSEO
35. Belykh T. V. Types of subjective self-realization of personality in conditions of digital interaction. *Che-lovecheskiy capital* [Human Capital], 2023, no. 10 (178), pp. 153–159 (in Russian). <https://doi.org/10.25629/HC.2023.10.14>, EDN: KPDWKL
36. Rubinshteyn S. L. *Osnovy obshchey psikhologii* [Fundamentals of general psychology]. St. Petersburg, Piter, 2015. 713 p. (in Russian).
37. Brushlinskiy A. V. *Problemy psikhologii subyekta* [Issues of subject psychology]. Moscow, IP RAN Publ., 1994. 109 p. (in Russian).
38. Abulkhanova K. A. Worldview meaning and scientific significance of the subject category. In: *Rossiyskiy mentalitet: voprosy psikhologicheskoy teorii i praktiki* [Abulkhanova K. A., ed. Russian mentality: Issues of psychological theory and practice]. Moscow, IP RAN Publ., 1997. pp. 56–75 (in Russian). EDN: TCZUFD

39. Belykh T. V. *Psychological regularities of dynamics of subjective properties in the structure of individuality*. Diss. Dr. Sci. (Psychol.). Stavropol, 2004. 420 p.
40. Belykh T. V. Psychological prevention of social media addiction as a factor in the development of agency. *Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2024, vol. 13, iss. 2 (50), pp. 160–168 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2024-13-2-160-168>, EDN: BMFSXS
41. Fiske S., Neuberg S. A continuum of impression formation, from category-based to individuating processes: Influences of information and motivation on attention and interpretation. *Advances in Experimental Social Psychology*, 1990, vol. 23, pp. 1–74. [https://doi.org/10.1016/S0065-2601\(08\)60317-2](https://doi.org/10.1016/S0065-2601(08)60317-2)
42. Bodalev A. A. *Vospriyatiye cheloveka chelovekom* [Raising a human being by a human being]. Moscow, Entsiklopedist-maksimum, 2015. 240 p. (in Russian).
43. Gregory R. L. Knowledge in perception and illusion. *Philosophical Transactions of the Royal Society*, 1997, no. 352 (1358), pp. 1121–1127. <https://doi.org/10.1098/rstb.1997.0095>
44. Aronson E. *Social Animal*. Basingstoke, Worth Publishers, 1998. 528 p. (Russ. ed.: *Obshchestvennoye zhivotnoye. Vvedeniye v sotsialnuyu psikhologiyu*. Moscow, Aspekt Press, 1998. 517 p.).
45. Tversky A., Kahneman D. Judgment under uncertainty: Heuristics and biases. In: Wendt D., Vlek C., eds. *Utility, probability, and human decision making*. Dordrecht, Springer Netherlands, 1975, pp. 141–162. <https://doi.org/10.1126/science.185.4157.1124>
46. Grachev G. V. *Information-psychological security of personality: Theory and technology of psychological defence*. Diss. Dr. Sci. (Psychol.). Moscow, 2000. 547 p. (in Russian).
47. Grachev G. V., Melnik I. K. *Manipulirovaniye lichnostyu* [Personality manipulation]. Moscow, Eksmo, 2003. 384 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 28.01.2025; одобрена после рецензирования 10.02.2025;
принята к публикации 22.04.2025; опубликована 30.06.2025
The article was submitted 28.01.2025; approved after reviewing 10.02.2025;
accepted for publication 22.04.2025; published 30.06.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 136–142

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 136–142

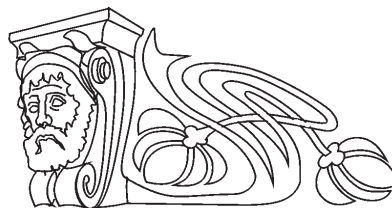
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-2-136-142>, EDN: SEUULC

Научная статья

УДК 316.46+316.354

Взаимосвязь духовного лидерства и состояния организационной культуры

Р. С. Бисенгалиев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Бисенгалиев Руслан Сапаргалиевич, ассистент кафедры общей и консультативной психологии, export064@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-2419-1131>

Аннотация. Введение. Исследуется взаимосвязь между социально-психологическими и духовными характеристиками лидера организации и состоянием ее организационной культуры. **Теоретическая часть** статьи анализирует теоретико-методологические основы проводимого эмпирического исследования. Рассматриваются ключевые положения ордерного подхода к социально-психологическому изучению феномена организационной культуры, включая модели и определения. Отмечается, что ордерное понимание организационной культуры фокусируется на ее этическом содержании, которое, в свою очередь, является неотъемлемой частью феномена духовности. **Эмпирическое исследование** носит пилотный характер и выполнено в качественной парадигме. Цель исследования – изучение взаимозависимости между духовными качествами руководителя и состоянием корпоративной культуры организации.

Методы исследования: оценка выраженности субордеров организационной культуры; сотериологическая оценка уровня развития лидерских качеств; анкетирование; интервьюирование; анализ кейсов; включенное наблюдение. **Заключение.** Полученные результаты показали, что сбалансированное развитие всех трёх субордеров («семья», «армия», «церковь») и внимание к сотериологическим характеристикам лидера значительно повышают эффективность работы организации. Сделан вывод о духовном лидерстве как ключевом факторе, способствующем гармонизации субордеров организационной культуры и созданию позитивной атмосферы в организации. Исследование подтверждает, что духовное является необходимым для стабильного и успешного функционирования компании.

Ключевые слова: духовное лидерство, организационная культура, социально-психологические духовные характеристики, субордер, ордерная модель, сотеринг

Для цитирования: Бисенгалиев Р. С. Взаимосвязь духовного лидерства и состояния организационной культуры // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 136–142. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-2-136-142>, EDN: SEUULC

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Spiritual leadership and the state of organizational culture

R. S. Bisengaliev

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Ruslan S. Bisengaliev, export064@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-2419-1131>

Abstract. Introduction. The article explores the relationship between the socio-psychological and spiritual characteristics of an organization's leader and the state of its organizational culture. **The theoretical part** of the article analyzes the theoretical and methodological foundations of the conducted empirical research. The author examines the key provisions of the order approach to the socio-psychological study of the phenomenon of organizational culture, including models and definitions. It is noted that the order understanding of organizational culture focuses on its ethical content, which, in turn, is an integral part of the phenomenon of spirituality. **The empirical study** is of a pilot nature and is carried out in a qualitative paradigm. The purpose of the research is to study the interdependence between the spiritual qualities of a leader and the state of the corporate culture of an organization. **Research methods:** assessment of the severity of organizational culture suborders; soteriological assessment of the level of leadership development; questionnaire; interviewing; case analysis; enabled monitoring. **Conclusion.** The results showed that the balanced development of all three suborders ("family", "army", "church") and attention to the soteriological characteristics of the leader significantly increase the effectiveness of the organization. The conclusion is made about spiritual leadership as a key factor contributing to the harmonization of organizational culture suborders and the creation of a positive atmosphere in the organization. The study confirms that spirituality is essential for the stable and successful functioning of a company.

Keywords: spiritual leadership, organizational culture, socio-psychological spiritual characteristics, suborder, order model, sotering

For citation: Bisengaliev R. S. Spiritual leadership and the state of organizational culture. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 136–142 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-2-136-142>, EDN: SEUULC

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

За последние годы наблюдается непреходящий интерес со стороны социологов и психологов, занимающихся изучением организационной культуры как центрального фактора, определяющего успешность любой компании и оказывающего значительное влияние на формирование поведения персонала, его мотивационный уровень и активность, а также обеспечивающего основу для достижения и реализации долгосрочных стратегических задач организации [1]. Современная организационная культура – динамичная система, требующая для своевременного выявления проблем и поиска эффективных решений постоянной диагностики и управления [2], активного участия руководителя и напрямую связанная с личностью лидера, играющего важную роль в формировании и развитии организационной культуры [3, 4].

Современный глобальный кризис, затрагивающий различные сферы социально-экономической жизни [5], требует от организаций переосмысления традиционных управленческих подходов. Ориентация исключительно на материальные цели и конкуренцию в условиях такого кризиса оказывается недостаточной. В этой связи возрастает значение новой парадигмы лидерства, основанной на духовных и моральных ценностях. Концепция ценностно-ориентированного лидерства ставит во главу угла социальные и этические аспекты, такие как доверие, устойчивость и ответственность перед обществом [6]. Ключевым фактором успеха в современных условиях становится понимание особенностей личности лидера, взаимосвязи его социально-психологических характеристик и трансформации организационной культуры [7].

Духовное лидерство представляет собой процесс непрерывного саморазвития и личностного роста, направленный на гармонизацию личных ценностей с профессиональной деятельностью [8], характеризуется гибкостью в изменяющихся условиях и способностью вдохновлять команду на достижение общих целей, охватывающих не только материальные показатели, но и социальные ценности [9, 10].

Духовный лидер формирует атмосферу доверия и взаимопонимания в коллективе, стимулируя активное участие членов команды в организационных процессах, в том числе в определении организационной культуры [11].

Цель статьи – представление результатов эмпирического исследования взаимосвязи духовного лидерства и состояния организационной культуры на материале анализа кейсов.

Теоретико-методологические основания исследования

Ордерный подход к социально-психологическому исследованию организационной культуры основывается на этических принципах и широко использует методы психологического анализа. Данная методология рассматривает организационную культуру как сложную систему взаимоотношений, складывающуюся на основе общих этических норм и ценностей, разделяемых всеми членами организации [12, 13]. В рамках ордерного подхода организационная культура интерпретируется как совокупность взаимосвязанных элементов, формирующихся под воздействием стиля руководства. В рамках этой концепции выделяются три основных типа организационной культуры: «семейный», «армейский» и «церковный» [14]. Каждый тип характеризуется специфическими ценностями и принципами взаимодействия. «Семейный» тип основан на доверии, взаимопомощи и эмоциональной близости. «Армейский» тип отличается дисциплиной, строгой иерархией, а также высокой степенью мотивации сотрудников, направленной на достижение общих целей. «Церковный» тип объединяет сотрудников на основе общих религиозных ценностей и смыслов. Формирование каждого типа культуры зависит от модели управленческого взаимодействия, которую использует лидер организации. Так, «родительская» модель руководства способствует формированию «семейной» культуры, «командирская» – «армейской», а «пастырская» – «церковной» [15], согласованность которых является важным индикатором здоровой организационной культуры [16]. Идеальным результатом считается сбалансированное проявление ордерных характеристик

у лидера, что позволяет ему создавать развитые культуры в своих компаниях, минимизировать влияние сотериологических проблем и укреплять нравственную устойчивость.

В рамках ордерной модели организационной культуры были разработаны шесть диагностических методик. Среди перечисленных методик особо выделяется сотериологический подход, предназначенный для оценки уровня сформированности лидерских качеств у руководителя. Л. Н. Аксеновская в своих работах акцентирует внимание на двух типах ордерных характеристик духовного лидерства, играющих ключевую роль в становлении организационной культуры: а) характеристики взаимодействия, к которым относятся «родительская», «командирская» и «пастырская» модели; б) сотериологические характеристики (чрезмерная потребность в признании, чрезмерная агрессивность и отсутствие собственной линии поведения или подверженность влияниям/конформность), позволяющие минимизировать риски и обеспечить здоровую атмосферу для работы коллектива [17, 18]. В соответствии с концепцией сотеринга позиция лидера на «Лао-шкале», отражающей уровень его лидерских качеств, не является статичной и подвержена изменениям под воздействием различных факторов. Лидер способен как повышать, так и понижать свое положение на этой шкале.

Актуальной исследовательской задачей, не подвергавшейся ранее научному рассмотрению в отечественной социальной психологии, является выявление взаимосвязи духовных социально-психологических характеристик лидера и состояния организационной культуры и, как следствие, пересмотр требований к руководителям организаций и разработка программ развития духовных характеристик лидеров.

Эмпирическое исследование взаимосвязи духовного лидерства и состояния организационной культуры

В настоящем исследовании, проведенном в двух крупных организациях, руководители прошли диагностику организационной культуры на индивидуальном уровне. Целью исследования являлась проверка гипотезы о том, что духовность лидера положительно влияет

на состояние организационной культуры посредством двух факторов: 1) гармоничного проявления субордерных характеристик в структуре лидерских качеств руководителя; 2) высокого уровня развития лидерских качеств у руководителя.

В силу отсутствия диагностических методик, позволяющих достоверно оценить у респондента наличие духовности, при выборе респондентов-руководителей с возможными духовными характеристиками мы исходили из предположения о существовании высокой вероятностной связи духовности с религиозностью лидера-руководителя (предположение подтвердилось частично).

Методологической основой исследования явился ордерный подход к социально-психологическому изучению феномена организационной культуры.

Методы исследования: 1) наблюдение, позволяющее получить непосредственные данные о поведении участников в естественных условиях; 2) анкетирование с использованием авторской анкеты Р. С. Бисенгалиева, предназначенной для сбора стандартизированной информации об изучаемых характеристиках; 3) анализ кейсов, предполагающий углубленное изучение отдельных случаев для выявления общих закономерностей; 4) сотериологический метод оценки уровня развития лидерских качеств (Л. Н. Аксеновская), направленный на определение степени сформированности лидерского потенциала; 5) ордерная методика оценки степени выраженности субордерных характеристик личности лидера (Л. Н. Аксеновская), позволяющая оценить подчиненность лидера групповым нормам и ценностям; 6) интервью, предполагающее получение информации путем непосредственного общения с участниками исследования.

Этапы исследования: 1-й этап – анкетирование 25 руководителей коммерческих организаций методом авторского анкетирования с целью выявления руководителей, отвечающих двум критериям – верующий человек и практикующий обрядовые формы своей религии с помощью яндекс-форм; 2-й этап – проведение очных диагностических сессий с руководителями и сотрудниками организаций, выбранными для участия в исследовании для оценки состояния организационной культуры; 3-й этап – анализ полученных результатов.

Результаты и их обсуждение

Руководитель А. *Результаты методики сотериологической оценки уровня развития лидерских качеств руководителя.* В разделе «Лучший» зафиксирован средний балл (79 из 90), демонстрирующий положительную динамику. Из трех потенциальных зон риска (чрезмерная потребность в признании, чрезмерная агрессивность, отсутствие собственной линии поведения) обнаружена одна – чрезмерная агрессивность (40 баллов из 90) с тенденцией к усилению. Несмотря на выявленные в процессе оценки руководителя определенные риски, общий результат демонстрирует высокий уровень развития у него лидерских качеств. Методика, направленная на оценку выраженности ордерных характеристик личности лидера, показала, что степень развития субордерных характеристик является достаточно сбалансированной: 26 баллов – «родительские» характеристики (забота о людях), 25 баллов – «командирские» характеристики (забота о результатах деятельности) и 28 баллов – «пастырские» характеристики (забота о смысловом единстве команды и сотрудников организации). Этико-смысловой культурный код лидера П-Р-К, что соответствует коду организационной культуры Ц («церковь») - С («семья») - А («армия»). Данный результат соответствует показателю «высокий, ближе к среднему» относительно уровня выраженности лидерских характеристик.

Результаты беседы с сотрудниками организации со стажем работы более 5 лет выявил в целом позитивную оценку ими организационной культуры. Отмечается наличие сплоченности коллектива, доброжелательной атмосферы и ясного понимания стратегических целей. Тем не менее, были зафиксированы случаи возникновения конфликтных ситуаций на рабочих совещаниях, приводивших к увольнению руководителей среднего звена.

Руководитель В. *Результаты методики сотериологической оценки уровня развития лидерских качеств руководителя.* Оценка по разделу «Лучший»: средний результат (62 из 90) с положительной динамикой к усилению. Из трех возможных зон риска (чрезмерная потребность в признании, чрезмерная агрессивность, отсутствие собственной линии поведения) все три имеют среднюю степень выраженности:

чрезмерная потребность в признании (30 баллов из 90 возможных), чрезмерная агрессивность (24 балла из 90 возможных) – отсутствие собственной линии поведения (28 баллов из 90 возможных) с разнонаправленными тенденциями к изменению. Данный результат свидетельствует о *низком* уровне развития лидерских качеств при наличии средней выраженности проблемных зон.

Уровень выраженности подчиненных характеристик личности лидера напрямую коррелирует с тремя основными категориями: «Родительские» характеристики (забота о людях): 23 балла; «командирские» характеристики (забота о результатах деятельности): 19 баллов; «пастырские» характеристики (забота о смысловом единстве команды и сотрудников организации): 20 баллов. Данный этико-смысловой культурный код лидера обозначается как Р-П-К, что соответствует коду организационной культуры С («семья») - Ц («церковь») - А («армия»). Важно отметить, что, несмотря на относительную равномерность выраженности субордерных характеристик личности лидера, количество набранных баллов является довольно низким и соответствует показателю «средний, ближе к низкому», что в совокупности характеризуют руководителя организации как субъекта управленческой деятельности, не обладающего в настоящее время потенциалом духовного лидерства.

Результаты беседы. В организации В мнения сотрудников о состоянии организационной культуры разделились. Сотрудники со стажем более 5 лет отмечали недостатки и подчеркивали проблемные аспекты компании. В то же время сотрудники со стажем от 1 до 3 лет настроены оптимистично и готовы сами выступать инициаторами улучшения климата в коллективе.

Анализ полученных данных свидетельствует о том, что первый руководитель соответствует принятым нами критериям духовного лидерства: он верующий, но не практикующий религиозные обряды, у него высокий уровень развития лидерских качеств и высокая степень выраженности субордерных лидерских характеристик, а также идеологически детерминированный этико-смысловой культурный код (П-Р-К); взаимосвязь духовных характеристик и состояние организационной культуры сотрудниками оценивается положительно.

Второй руководитель также соответствует принятым критериям духовного лидерства: он верующий и практикующий религиозные обряды, но имеет низкий уровень развития лидерских качеств и среднюю, ближе к низкой, степень выраженности субординерных лидерских характеристик. Его этико-смысловой культурный код (Р-П-К) не имеет идеологической доминанты; взаимосвязь духовных характеристик и состояние организационной культуры сотрудниками оценивается неоднозначно. Таким образом, предварительная гипотеза о связи религиозности руководителя с духовным лидерством подтвердилась частично. Исследование полностью подтвердило основную гипотезу о прямой взаимосвязи между порядковыми характеристиками духовного лидерства и состоянием организационной культуры.

Заключение

Проведённое эмпирическое исследование установило наличие корреляции между духовным лидерством и организационной культурой. Оно показывает, что духовное лидерство может быть ключевым фактором, способствующим гармонизации субординеров организационной культуры и созданию позитивной атмосферы в организации. Для повышения эффективности лидерства важно развивать как порядковые аспекты в моделях управленческого взаимодействия, так и сотериологические характеристики лидеров организаций, что способствует улучшению организационной культуры и, как следствие, общей результативности работы. Важным аспектом гармоничного и эффективного функционирования организационной культурой является развитие всех трёх её субординеров («семейного», «армейского», «церковного») и их сбалансированного развития. Изучение взаимосвязи состояния организационной культуры и духовных характеристик лидера является одновременно новаторской и актуальной проблемой, требующей дальнейшего исследования.

Список литературы

1. *Липатов С. А.* Организационная культура: концептуальные модели и методы диагностики // Организационная психология / сост. и общ. ред. Л. В. Винокурова, И. И. Скрипюка. СПб. : Питер, 2001. С. 432–443.
2. *Бисенгалиев Р. С.* Современные исследования феномена духовного лидерства // Организационная психология: люди и риски : сборник материалов XIV Всероссийской научно-практической конференции. Саратов : ИЦ «Наука», 2023. С. 132–135. EDN: LZVILT
3. *Аксеновская Л. Н.* Методы командного сотеринга: сотериологическая игра «Путь героя» (анализ кейса) // Известия Саратовского университета. Новая серия: Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 292–297. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2017-17-3-292-297>
4. *Бендас Т. В.* Психология лидерства : учебное пособие. СПб. : Питер, 2009. 448 с.
5. *Воробьева Л. И.* «Духовность» в психологии: философско-методологический анализ // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 15, № 3. С. 32–40. <https://doi.org/10.17759/chp.2019150304>
6. *Виханский О. С., Миракян А. Г.* Новое тысячелетие: управленческие аномалии и современные концепции лидерства // Российский журнал менеджмента. 2018. № 1. С. 131–154. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu18.2018.106>
7. *Базаров Т. Ю.* Социально-психологические методы и технологии управления персоналом организации : дис. ... д-ра психол. наук. М., 1999. 669 с.
8. *Комаров В. В.* Современные подходы к пониманию организационного лидерства и его основных характеристик // Организационная психология: люди и риски : сборник материалов XIII Всероссийской научно-практической конференции / под ред. Л. Н. Аксеновской. Саратов : ИЦ Наука, 2022. С. 107–113. EDN: UTMGAY
9. *Азипова М. М., Купцов, И. И.* Понятие духовности в современных психологических исследованиях // Социально-экономические аспекты развития современного общества : межвузовский сборник научных трудов. Рязань : ООО Рязанский Издательско-Полиграфический Дом «ПервопечатникЪ», 2017. Вып. 6. С. 5–9. EDN: XVIRNH
10. *Аксеновская Л. Н.* Духовная психология С. Л. Франка в контексте современных задач развития российской социальной психологии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 413–422. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-413-422>, EDN: ZMYDAN
11. *Зубанова Л. Б.* Лидерство как ценностное преобразование действительности // Мир науки, культуры, образования. 2007. № 2 (5). С. 58–60. EDN: ICIPLF
12. *Аксеновская Л. Н.* Социальная психология организационной культуры : учебное пособие. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2023. 108 с. <https://doi.org/10.18500/978-5-292-04820-6>
13. *Аксеновская Л. Н.* Методика диагностики отраслевых типов организационной культуры // Известия

- Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 294–301. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-294-301>
14. Базаров Т. Ю. Психология управления персоналом. Теория и практика : учебник для бакалавров. М. : Юрайт, 2014. 381 с. EDN: TPFBHO
15. Барабанщикова В. В. Взаимосвязь типа организационной культуры и уровня трудовой мотивации персонала // Вестник РУДН. Серия Психология и педагогика. 2014. № 4. С. 61–69. EDN: TBQIPP
16. Аксеновская Л. Н. Ордерный подход к социально-психологическому изучению организационной культуры: новые вопросы и тенденции развития // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2022. Т. 2, № 2 (4). С. 79–89. EDN: YQSDYW
17. Аксеновская Л. Н. Ордерная диагностика организационной культуры: уровень управленческой команды // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 419–424. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-419-424>
18. Аксеновская Л. Н. Сотериологическая методика оценки уровня развития лидерских качеств // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2017. Т. 6, вып. 1 (21). С. 38–52. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2017-6-1-38-52>
5. Vorobyeva L. I. “Spirituality” in psychology: A philosophical and methodological analysis. *Cultural and Historical Psychology*, 2019, vol. 15, no. 3, pp. 32–40 (in Russian). <https://doi.org/10.17759/chp.2019150304>
6. Vikhansky O. S., Mirakyan A. G. The new millennium: Managerial anomalies and modern concepts of leadership. *The Russian Journal of Management*, 2018, no. 1, pp. 131–154 (in Russian). <https://doi.org/10.21638/11701/spbu18.2018.106>
7. Bazarov T. Yu. Social and psychological methods and technologies of personnel management of the organization. Diss. Dr. Sci. (Psichol.). Moscow, 1999. 669 p. (in Russian).
8. Komarov V. V. Modern approaches to understanding organizational leadership and its main characteristics. *Organizatsionnaya psikhologiya: lyudi i riski. Pod red. L. N. Aksenovskoy* [Aksenovskaya L. N., ed. Organizational Psychology: People and Risks: Collection of materials from the XIII All-Russian scientific and practical conference]. Saratov, ITs “Nauka”, 2022, pp. 107–113 (in Russian). EDN: UTMGAY
9. Agipova M. M., Kuptsov I. I. The concept of spirituality in modern psychological research. *Sotsial’no-ekonomicheskie aspekty razvitiya sovremennogo obshchestva: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov* [Socio-economic Aspects of the Development of Modern Society: Interuniversity collection of scientific papers]. Ryazan, OOO Ryazanskiy Izdatel'sko-Poligraficheskiy Dom “Pervopechatnik”, 2017, iss. 6, pp. 5–9 (in Russian). EDN: XVIRNH
10. Aksenovskaya L. N. Spiritual psychology of S. L. Frank in the context of modern tasks of the development of Russian social psychology. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 413–422 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2022-22-4-413-422>, EDN: ZMYDAN
11. Zubanova L. B. Leadership as a value transformation of reality. *Mir Nauki, Kul'tury, Obrazovaniya* [The World of Science, Culture, and Education], 2007, no. 2 (5), pp. 58–60 (in Russian). EDN: ICIPLF
12. Aksenovskaya L. N. *Sotsial'naya psikhologiya organizatsionnoy kul'tury: uchebnoye posobiye* [Social psychology of organizational culture: A textbook]. Saratov, Saratov State University Publ., 2023. 108 p. (in Russian). <https://doi.org/10.18500/978-5-292-04820-6>
13. Aksenovskaya L. N. Diagnostics of Branch Types of Organizational Culture. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 294–301 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-294-301>
14. Bazarov T. Yr. *Psikhologiya upravleniya personalom. Teoriya i praktika: uchebnyy dlya bakalavrov* [Psychology of personnel management. Theory and practice: A textbook for bachelors]. Moscow, Yurait, 2014. 381 p. (in Russian). EDN: TPFBHO

References

1. Lipatov S. A. Organizational culture: Conceptual models and diagnostic methods. In: *Organizatsionnaya Psikhologiya*. Sost. i obshch. red. L. V. Vinokurov, I. I. Skripyuk [Vinokurov L. V., Skripyuk I. I., comp. and total eds. Organizational Psychology]. St. Petersburg, Piter, 2001, pp. 432–443 (in Russian).
2. Bisengaliev R. S. Modern research on the phenomenon of spiritual leadership. In: *Organizatsionnaya psikhologiya: lyudi i riski: sbornik materialov XIV Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Organizational Psychology: People and Risks. Collection of materials of the XIV All-Russian scientific and practical conference]. Saratov, ITs “Nauka”, 2023, pp. 132–135 (in Russian). EDN: LZVILT
3. Aksenovskaya L. N. Methods of managerial team soteriing: Soteriological game “The Way of Hero” (Case analysis). *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 292–297 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2017-17-3-292-297>
4. Bendas T. V. *Psikhologiya liderstva: uchebnoye posobiye* [Psychology of leadership: Textbook]. St. Petersburg, Piter, 2009. 448 p. (in Russian).

15. Barabanshchikova V. V. Relationship between the type of organizational culture and the level of labor motivation of personnel. *Bulletin of RUDN University. Psychology and Pedagogy Series*, 2014, no. 4, pp. 61–69 (in Russian). EDN: TBQIPP
16. Aksenovskaya L. N. The order approach to the socio-psychological study of organizational culture: New issues and development trends. *Scientific Notes of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences*, 2022, vol. 2, no. 2 (4), pp. 79–89 (in Russian). EDN: YQSDYW
17. Aksenovskaya L. N. Order diagnostics of organizational culture: Level of managerial team. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, vol. 18, iss. 4, pp. 419–424 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-419-424>
18. Aksenovskaya L.N. Soteriological methodology for assessing the level of leadership development. *Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2017, vol. 6, iss. 1 (21), pp. 38–52 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2017-6-1-38-52>

Поступила в редакцию 03.03.2025; одобрена после рецензирования 24.03.2025;
принята к публикации 22.04.2025; опубликована 30.06.2025
The article was submitted 03.03.2025; approved after reviewing 24.03.2025;
accepted for publication 22.04.2025; published 30.06.2025

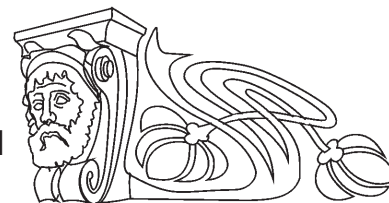

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 143–148
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 143–148
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-2-143-148>, EDN: URDUJL

Научная статья
УДК [343.352.4:159.923]:159.9.072

Разработка короткой формы опросника нравственно-правовой надежности личности

И. В. Нехорошева

Государственный университет просвещения, Россия, 105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А

Нехорошева Инна Владимировна, кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры социальной и педагогической психологии, i-vl-n@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-7148-4777>

Аннотация. Введение. В научной и практической деятельности необходимы и полные, и короткие формы опросников. В последние годы активно развивается научное направление – психология коррупции личности. Но разнообразие психодиагностических инструментов в этой области невелико. Задачей данной работы стала разработка короткой формы опросника нравственно-правовой надежности личности Е. Ю. Стрижова. Основным недостатком опросника – большой объем: 108 вопросов с 6-балльной шкалой ответов. **Теоретический анализ.** Описано смысловое наполнение термина «нравственно-правовая надежность личности», приведены данные о валидности и надежности опросника. **Эмпирический анализ.** Описана процедура отбора вопросов в короткую форму. Отобрано 15 вопросов, все они коррелируют с полным опросником в диапазоне $R_s = 0,51–0,77$, $p < 0,0001$, $n = 101$. Итоговый показатель по короткой форме хорошо коррелирует с полной формой $R_s = 0,94$, $p < 0,0001$, $n = 101$; со Шкалой диспозиционного эгоизма (К. Муздыбаев) $R_s = -0,66$, $p < 0,0001$, $n = 101$; со Шкалой социальной ответственности (L. Berkowitz, K. Lutterman в адаптации К. Муздыбаева) $R_s = 0,58$, $p < 0,0001$, $n = 101$, с прямыми вопросами о допустимости взяток и воровства. Показатель α Кронбаха равен 0,8, $n = 257$; коэффициент корреляции с ретестом $R_s = 0,76$, $p < 0,001$, $n = 59$; коэффициент дискриминативности δ Фергюсона равен 0,96. Приведены данные описательной статистики, $n = 257$. **Заключение.** Сокращенный вариант опросника имеет хорошие психометрические показатели.

Ключевые слова: психология коррупции, нравственно-правовая надежность, опросник, короткая форма

Для цитирования: Нехорошева И. В. Разработка короткой формы опросника нравственно-правовой надежности личности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 143–148. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-2-143-148>, EDN: URDUJL

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Development of the short form of the personality moral and legal reliability questionnaire

I. V. Nekhorosheva

Federal State University of Education, 10A Radio St., Moscow 105005, Russia

Inna V. Nekhorosheva, i-vl-n@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-7148-4777>

Abstract. Introduction. Both long and short forms of questionnaires are needed in scientific and practical activities. In recent years, the scientific direction of psychology of personal corruption has been actively developing. But the variety of psychodiagnostic tools in this area is small. The objective of this work was to develop a short form of the questionnaire of moral and legal reliability of a person by E. Yu. Strizhov. Its main drawback is its large volume: 108 questions with a 6-point answer scale. **Theoretical analysis.** The semantic content of the term “moral and legal reliability of an individual” is described, and data on the validity and reliability of the questionnaire are provided. **Empirical analysis.** The procedure for selecting questions for the short form is described. 15 questions were selected, all of them correlate with the full questionnaire in the range $R_s = 0.51–0.77$, $p < 0.0001$, $n = 101$. The final indicator for the short form correlates well with the full form $R_s = 0.94$, $p < 0.0001$, $n = 101$; with the Dispositional Egoism Scale (K. Muzdybaev) $R_s = -0.66$, $p < 0.0001$, $n = 101$; with the Social Responsibility Scale (L. Berkowitz, K. Lutterman adapted by K. Muzdybaev) $R_s = 0.58$, $p < 0.0001$, $n = 101$, with direct questions about the admissibility of bribes and theft. Cronbach's alpha is 0.8, $n = 257$; correlation coefficient with retest $R_s = 0.76$, $p < 0.001$, $n = 59$; Ferguson's discriminability coefficient δ is 0.96. Descriptive statistics data are presented, $n = 257$. **Conclusion.** The shortened version of the questionnaire has good psychometric indicators.

Keywords: psychology of corruption, moral and legal reliability, questionnaire, short form

For citation: Nekhorosheva I. V. Development of the short form of the personality moral and legal reliability questionnaire. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 143–148 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-2-143-148>, EDN: URDUJL

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Планируя проведение исследования, важно оптимально подобрать батарею методик, не только по смыслу, но и по объему времени, отводимого на опрос. Очевидно, что необходимы и полные, и сокращенные, и очень короткие формы опросников. Вряд ли можно назвать целесообразным применение опросников в 50–100 вопросов только лишь для того, чтобы поделить выборку на 2-3 группы. Иногда в таких случаях может быть достаточно очень короткой формы в 2-3 вопроса с 5-6-балльной шкалой ответа на каждый вопрос. Когда же опросник планируется использовать для изучения корреляционных взаимосвязей между измеряемой им характеристикой и другими психологическими особенностями, может быть вполне достаточно 10–20 утверждений с 4–7-балльной шкалой ответов.

Короткие формы опросников могут обладать хорошими психометрическими показателями. Например, шкалы невротизма и экстраверсии Короткого портретного опросника Большой пятерки (Б5-10) имеют вполне приемлемые психометрические показатели [1]. Короткая форма Оксфордского опросника счастья, содержащая вместо изначальных 116 утверждений всего 8 утверждений и 6-балльную шкалу ответов, очень хорошо коррелирует с полной формой $R = 0,9$, $p < 0,001$ [2, р. 1080–1081].

В последнее десятилетие активно развивается новое направление в психологии – психология коррупции [3]. Разрушающее влияние коррупции на экономику и нравственно-психологическое состояние населения изучено хорошо. Но в области диагностики склонности личности к коррупции и мошенничеству пока разработано мало отечественных методик, а доступ к некоторым закрыт [4]. За рубежом в основном используются опросы отношения к коррупции, коррупционные сценарии и игры со взяточничеством [5].

Задачей данной работы было сокращение опросника нравственно-правовой надежности (НПН) личности Е. Ю. Стрижова [6, с. 501–505; 7, с. 150–155] с целью его более широкого применения. В качестве недостатка данного опросника ученые отмечают его большой объем [8, с. 387].

Теоретический анализ

Перед разработкой методики Е. Ю. Стрижов провел анализ существующих методов, применяемых для оценки склонности персонала к воровству и мошенничеству, описал их недостатки и ограничения к применению. Разработанный им опросник имеет 108 пунктов, относящихся к 9 компонентам нравственно-правовой надежности, выделенных теоретически [7, с. 150–155]:

- 1) согласие с основными моральными нормами долга, честности, справедливости, ответственности;
- 2) желание соблюдать моральные и правовые нормы;
- 3) учет моральных и правовых норм в своем поведении;
- 4) устойчивость в своей точке зрения (неподатливость влиянию) / приверженность нормам эгоистической и криминальной морали;
- 5) неодобрение обмана и мошенничества;
- 6) чрезмерно позитивное отношение к деньгам и богатству, корыстолюбие;
- 7) рассудительность при решении моральных и правовых проблем / авантюризм;
- 8) альтруизм / эгоизм и даже гедонизм;
- 9) позитивное / негативное отношение к честному труду.

Для каждого компонента предложено по 6 нравственно позитивных и негативных утверждений. Вышеназванные 9 компонентов гораздо точнее показывают авторское понимание термина «нравственно-правовая надежность личности», чем авторское определение.

По данным Е. Ю. Стрижова, «все вопросы теста прошли проверку критериальной валидности на выборке 695 человек. В вопросную часть теста включены только те вопросы, которые выявили различия между нравственно надежными лицами и мошенниками на очень высоком уровне статистической значимости – не менее 0,001» [7, с. 150]. Под мошенниками в данном случае понимаются сотрудники, которые при моделировании конкретной ситуации были готовы присвоить доверенные им деньги своей фирмы [7, с. 105]. Ретестовая надежность опросника $r = 0,762$, $n = 80$ [7, с. 157], показатель α Кронбаха 0,956 [7, с. 158]. Опросник был апробирован на выборке 2467 чел.

Эмпирический анализ

Организация исследования

Описание выборки. Отбор пунктов в сокращенный опросник и проверка его валидности проводились на выборке студентов старших курсов шестилетнего очного специалитета, $n = 101$ (88% мужского пола), возраст $M = 23$, $SD = 0,9$. Тест-ретестовая надежность оценивалась на выборке студентов бакалавриата, $n = 59$ (12% мужского пола), возраст $M = 19$, $SD = 0,96$. Данные описательной статистики вопросов короткой формы получены на более широкой выборке студентов, включающей две вышеназванные, $n = 257$ (63% мужского пола), возраст от 18 до 24 лет, $M = 21$, $SD = 1,75$.

Процедура отбора вопросов

В процессе сокращения опросника решалась задача отбора вопросов, удовлетворяющих трем критериям:

1) максимальные коэффициенты корреляции каждого отдельного вопроса с общей оценкой НПН, полученной по полному варианту опросника (показатель НПН-108);

2) широкое распределение ответов испытуемых по каждому вопросу (максимальные значения среднеквадратических отклонений);

3) по возможности, сохранение вопросов из всех 9 компонент нравственно-правовой надежности.

По каждому вопросу предлагалось дать один из шести вариантов ответа: «Совершенно не верно», «Не верно», «Скорее нет, чем да», «Скорее да, чем нет», «Верно», «Совершенно верно» [6, с. 501]. Ответы на нравственно-позитивные формулировки переводились в баллы от 1 до 6: 1 балл за ответ «Совершенно не верно», 2 балла за ответ «Не верно» и т.д. При обработке ответов на нравственно-негативные формулировки использовалась обратная шкала от 6 до 1. Чтобы исключить влияние пропусков в ответах испытуемых, общая сумма баллов делилась на общее количество вопросов, на которые испытуемый дал ответ. Теоретически показатель НПН может меняться в пределах от 1 до 6.

Для каждого вопроса были подсчитаны показатели описательной статистики и коэффициенты корреляции по Спирмену (R_s) с суммарной оценкой НПН-108. Значения стандартных отклонений (SD) для каждого

вопроса лежали в диапазоне от 0,9 до 1,6. Коэффициенты R_s находились в диапазоне от 0,06 до 0,77, из них 79% значимы на уровне $p < 0,01$.

Далее вопросы были разделены на 9 групп, соответствующих девяти компонентам НПН. Внутри каждой группы вопросы были ранжированы по степени убывания коэффициентов корреляции и выбраны по 2 вопроса с максимальным коэффициентом корреляции. При этом в сокращенный опросник не отбирались одновременно вопросы, имеющие очень близкие формулировки, например: «В любой ситуации надо поступать так, как выгодно себе» и «В личной жизни я учитываю только собственные намерения»; или «В бизнесе надо думать о прибыли, а не о морали» и «Когда речь идет о бизнесе, всякие мысли о честности неуместны». Среди таких вопросов, очень похожих по смыслу, отбирался вопрос с максимальным значением R_s , а если R_s очень близки, то отбирался вопрос с максимальным значением SD . Данные обрабатывались в IBM SPSS Statistics v.23.

Результаты

Конвергентная валидность и описательная статистика. Все вопросы, относящиеся к компоненту № 7, очень мало коррелировали с общим показателем НПН-108 ($R_s < 0,49$), поэтому они не были включены в короткую форму. То же самое касается вопросов компонента № 4; из него в короткую форму включен лишь один вопрос. По всем остальным компонентам отобрано по 2 вопроса. Итого 15 вопросов.

В табл. 1 представлены отобранные вопросы и показатели распределения ответов на них. В последнем столбце в качестве показателей конвергентной валидности двух форм опросника представлены коэффициенты корреляции R_s с показателем НПН-108 каждого вопроса и суммарного показателя нравственно-правовой надежности, полученного по 15 вопросам (НПН-15).

Все отобранные вопросы имеют довольно хорошие коэффициенты корреляции с показателем НПН-108 на высоком уровне значимости $p < 0,0001$. Показатель НПН-15 высоко коррелирует с НПН-108, $R_s = 0,94$ при $p < 0,0001$. Оба показателя НПН-15 и НПН-108 имеют близкие показатели распределения.

Конструктивная валидность. Предполагалось наличие корреляционных связей нравственно-правовой надежности со Шкалой

Таблица 1 / Table 1

**Описательная статистика ($n = 257$) и коэффициенты корреляции вопросов
с показателем НПН-108 ($n = 101$)**

Descriptive statistics ($n = 257$) and correlation coefficients of questions with the NPN-108 indicator ($n = 101$)

Отобранные вопросы	M	SD	Rs
Смысл жизни – удовлетворение желаний, получение удовольствий #	3,3	1,6	0,77*
Сейчас надо думать только о своей выгоде, иначе не выживешь #	3,4	1,5	0,71*
Нечестные деньги во благо не идут	4,1	1,6	0,70*
Лучше быть богатым, чем нищим и честным #	3,2	1,6	0,70*
Чужое взять – своё потерять	4,2	1,6	0,69*
В жизни всегда важно не врать и поступать по совести	4,8	1,2	0,66*
Ответственность перед другими лишает человека собственной свободы #	3,2	1,6	0,65*
В бизнесе надо думать о прибыли, а не о морали #	3,5	1,6	0,65*
Важно уметь обходить формальности и не бояться идти на нарушения #	3,4	1,5	0,62*
Если человек обеспечил своё благополучие за счёт других, я не осуждаю его #	3,1	1,6	0,60*
«Старые добрые» принципы долга, чести, совести – хороши, но не выполнимы #	2,9	1,5	0,54*
Без труда нет добра	4,6	1,4	0,53*
Праведным быть – бедно жить #	2,9	1,5	0,53*
Каждый человек думает о себе и только потом – о других #	3,9	1,5	0,52*
Где бы ни работать – лишь бы не работать #	2,1	1,5	0,51*
НПН-108	3,9	0,7	-
НПН-15	3,9	0,8	0,94*

Примечание. * – $p < 0,0001$. Вопросы, отмеченные знаком #, обрабатываются по обратной шкале от 6 до 1, но описательная статистика для этих вопросов приведена для прямой шкалы.

Note. * – $p < 0,0001$. Questions marked with # are processed on a reverse scale from 6 to 1, but descriptive statistics for these questions are presented for the forward scale.

диспозиционного эгоизма (К. Муздыбаев) [9], Шкалой социальной ответственности (L. Berkowitz, K. Lutterman в адаптации К. Муздыбаева) [10], прямыми вопросами о допустимости взяток и воровства. Как видно из табл. 2, все

эти показатели значимо коррелируют с оценкой нравственно-правовой надежности НПН-15. Сравнивать коэффициенты корреляции между собой неправомерно, так как размерности шкал измерения разные.

Таблица 2 / Table 2

Коэффициенты корреляции НПН-15 с другими шкалами и вопросами ($n = 101$)
Correlation coefficients of the NPN-15 with other scales and questions ($n = 101$)

Шкалы и вопросы	Rs
Шкала диспозиционного эгоизма	-0,66*
Шкала социальной ответственности	0,58*
Ради благополучия своих близких иногда можно брать взятки (шкала 1–6)	-0,56*
Если человек даёт и берет взятки, то это не делает его хуже в нравственном плане (шкала 1–6)	-0,45*
Воровство имеет мало отношения к нравственности. В России воруют и всегда воровали (шкала 1–6)	-0,51*

Примечание / Note. * – $p < 0,0001$.

Надежность и дискриминативность. Сокращенный вариант опросника имеет приемлемый показатель внутренней согласованности: α Кронбаха равен 0,8, $n = 257$. Тест-ретестовая надежность по результатам двух замеров с интервалом 2 месяца: $R_s = 0,76$, $p < 0,0001$, $n = 59$. Коэффициент дискриминативности δ Фергюсона составил 0,96.

Обсуждение результатов

Обращает на себя внимание не такой большой коэффициент α Кронбаха. Но в данном случае мы изучаем не совсем однородную характеристику, и не ставилась задача выделить вопросы, входящие в один фактор и обладающие максимальными интеркорреляциями. Если бы такая задача стояла, то в короткую форму вошло бы много однообразных вопросов об отношении к деньгам и материальным благам: этот фактор – ведущий. В других исследованиях также показано, что отношение к материальным благам *сильно дифференцирует* людей, отличающихся нравственными характеристиками. Так, при изучении системы ценностей двух контрастных групп людей, отличающихся уровнем эгоизма и противоположным отношением к взяткам и воровству, выявлено, что наиболее глубокие отличия между группами были именно в степени значимости ценностей материальной обеспеченности, богатства, денег [11]. У людей, осужденных за коррупционные преступления, т. е. переступивших закон ради материальных выгод, деформирована нравственная сфера и система нравственных ценностей [12]. По данным исследования Е. Ю. Стрижова, «отношение к деньгам и богатству является важным психодиагностическим признаком, характеризующим уровень морального развития и нравственной надежности сотрудников» [6, с. 319].

Кроме того, можно заметить, что в короткую форму включены всего четыре нравственно позитивных суждения, остальные – нравственно отрицательные, в то время как в исходной версии опросника таких формулировок поровну. Это объясняется тем, что с морально позитивными формулировками, как правило, соглашается большинство людей, их ответы мало отличаются друг от друга. Так, например, 85% опрошенных соглашались с такими формулировками: «Необходимо стремиться оказывать помощь людям, нуждающимся в ней» [8, с. 424–426]. По данным А. А. Хвостова,

люди мало отличаются друг от друга в своем отношении к позитивным моральным ценностям, а вот отношение к аморальному гораздо больше дифференцирует людей [13, с. 15]. Конечно, речь идет не об отношении людей к крайне аморальному. Ярко отрицательные формулировки также дают однообразные ответы. Наиболее широкое распределение ответов дают формулировки умеренно отрицательного типа: «Иногда ради достижения желаемого можно пренебречь интересами других людей» (40/24/36%) [8, с. 428]. То есть умеренные нравственно отрицательные формулировки обладают *наибольшей диагностической ценностью*. Поэтому вполне оправдано их преобладание в короткой версии опросника.

Заключение

Таким образом, разработанный сокращенный вариант опросника может быть рекомендован для применения в научных исследованиях для оценки уровня нравственно-правовой надежности, особенно для деления выборки на группы. Если же необходима точная оценка НПН с целью подбора персонала, то, безусловно, лучше применять полную версию.

Список литературы

1. Егорова М. С., Паршикова О. В. Психометрические характеристики Короткого портретного опросника Большой пятерки (Б5-10) // Психологические исследования. 2016. Т. 9, № 45. С. 9. <https://doi.org/10.54359/ps.v9i45.492>, EDN: WAOVAN
2. Hills P., Argyle M. The Oxford Happiness Questionnaire: A compact scale for the measurement of psychological well-being // Personality and Individual Differences. 2002. Vol. 33, iss. 7. P. 1073–1082. [http://dx.doi.org/10.1016/S0191-8869\(01\)00213-6](http://dx.doi.org/10.1016/S0191-8869(01)00213-6)
3. Китова Д. А., Журавлев А. Л., Соснин В. А., Юревич А. В. Коррупция как объект социально-психологических исследований: состояние и перспективы // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2, № 3 (7). С. 6–38. EDN: ZHRIST
4. Ванновская О. В. Стандартизация и апробация методики «АКорД» – антикоррупционной диагностики // Научное мнение. 2013. № 11. С. 275–282. EDN: RPZRTL
5. Ponce-Díaz C. R., Aiquipa-Tello J. J., Pacheco-Luza E. F., Pezúa-Vasquez R. L. Tests assessing corrupt behavior from a psychological perspective // European Journal of Psychological Assessment. 2024. Advance

online publication. <https://doi.org/10.1027/1015-5759/a000833>, EDN: PGIBAN

6. Стрижов Е. Ю. Нравственно-правовая надежность личности: социально-психологические аспекты. Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. 527 с. EDN: QXZWEJ
7. Стрижов Е. Ю. Нравственно-психологические детерминанты мошенничества : дис. ... д-ра психол. наук. М., 2011. 400 с. EDN: QFLSVD
8. Купрейченко А. Б., Воробьева А. Е. Нравственное самоопределение молодежи. М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. 480 с. EDN: RGEJIF
9. Муздыбаев К. Эгоизм личности // Психологический журнал. 2000. Т. 21, № 2. С. 27–39. EDN: MPGECE
10. Муздыбаев К. Психология ответственности. Л. : Наука, 1983. 240 с. EDN: ZBIFNJ
11. Нехорошева И. В. Ценности людей с различной нравственной направленностью // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 2 (52). С. 360–366. EDN: RWGYFP
12. Гусева А. С. О деформации нравственной сферы осужденных за коррупционные преступления // Прикладная юридическая психология. 2023. № 4 (65). С. 127–133. [https://doi.org/10.33463/2072-8336.2023.4\(65\).127-133](https://doi.org/10.33463/2072-8336.2023.4(65).127-133), EDN: VOQWEZ
13. Хвостов А. А. Структура и детерминанты морального сознания личности : дис. ... д-ра психол. наук. М., 2005. 496 с. EDN: NNIFYL
- of the Russian Academy of Sciences. Social and Economic Psychology], 2017, vol. 2, no. 3 (7), pp. 6–38 (in Russian). EDN: ZHRIST
4. Vannovskaya O. V. Standardization and approbation of anti-corruption diagnostics (ACorD). *Nauchnoe mnenie* [Scientific Opinion], 2013, no. 11, pp. 275–282 (in Russian). EDN: RPZRTL
5. Ponce-Díaz C. R., Aiquipa-Tello J. J., Pacheco-Luza E. F., Pezúa-Vasquez R. L. Tests assessing corrupt behavior from a psychological perspective. *European Journal of Psychological Assessment*, 2024. Advance online publication. <https://doi.org/10.1027/1015-5759/a000833>, EDN: PGIBAN
6. Strizhov E. Yu. *Navstvenno-pravovaya nadezhnost lichnosti: sotsialno-psikhologicheskie aspekty* [Moral and legal reliability of personality: Socio-psychological aspects]. Tambov, Derzhavin Tambov State University Publ., 2009. 527 p. (in Russian). EDN: QXZWEJ
7. Strizhov E. Yu. Moral and psychological determinants of fraud. Diss. Dr. Sci. (Psychol.). Moscow, 2011. 400 p. (in Russian). EDN: QFLSVD
8. Kupreychenko A. B., Vorobeva A. E. *Navstvennoe samoopredelenie molodezhi* [Moral self-determination of youth]. Moscow, Institute of Psychology RAS Publ., 2013. 480 p. (in Russian). EDN: RGEJIF
9. Muzdybaev K. Egoism of the personality. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 2000, vol. 21, no. 2, pp. 27–39 (in Russian). EDN: MPGECE
10. Muzdybaev K. *Psikhologiya otvetstvennosti* [Psychology of responsibility]. Leningrad, Nauka, 1983. 240 p. (in Russian). EDN: ZBIFNJ
11. Nekhorosheva I. V. The values of people with different moral orientation. *Uchenie zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnie i sotsialnye nauki* [Scientific Notes of the Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences], 2013, no. 2 (52), pp. 360–366 (in Russian). EDN: RWGYFP
12. Guseva A. S. About deformation the moral sphere of convicts for corruption crimes. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya* [Applied Legal Psychology], 2023, no. 4 (65), pp. 127–133 (in Russian). [https://doi.org/10.33463/2072-8336.2023.4\(65\).127-133](https://doi.org/10.33463/2072-8336.2023.4(65).127-133), EDN: VOQWEZ
13. Khvostov A. A. *Struktura i determinanty moralnogo soznaniya lichnosti* [Structure and determinants of moral consciousness of personality]. Diss. Dr. Sci. (Psychol.). Moscow, 2005. 496 p. (in Russian). EDN: NNIFYL

References

Поступила в редакцию 16.03.2025; одобрена после рецензирования 08.04.2025; принята к публикации 22.04.2025; опубликована 30.06.2025
The article was submitted 16.03.2025; approved after reviewing 08.04.2025; accepted for publication 22.04.2025; published 30.06.2025

ПЕДАГОГИКА

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 149–154

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 149–154

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-2-149-154>

EDN: WCEXCW

Научная статья

УДК [7.012:37]+008(470+571+510)

Потенциал диалога культур в профессиональной подготовке дизайнеров

У Мянй

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Россия, 614068, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15

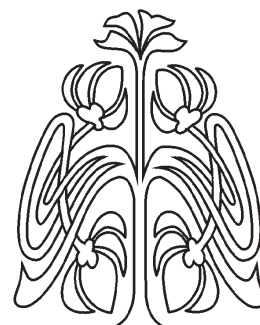
У Мянй, аспирант кафедры педагогики, 18270858701@163.com, <https://orcid.org/0009-0000-6500-6196>

Аннотация. Введение. Проведенное исследование *нацелено* на выявление потенциала диалога культур как методологии и технологии, эффективной в профессиональном образовании будущих дизайнеров. **Теоретический анализ.** Научная новизна заключается в уточнении сущностных характеристик понятия «*качество подготовки будущих дизайнеров*», которое может быть рассмотрено как совокупность личностных и профессиональных характеристик дизайнера, обеспечивающих его готовность к продуцированию новых идей, к созданию *востребованного оригинального* продукта. Также новым является обоснование влияния *диалога культур* на совокупность характеристик, определяющих качество подготовки дизайнеров. **Эмпирический анализ.** Проведенный в двух вузах (Китай, Россия) педагогический эксперимент позволил получить эмпирические данные, подтверждающие, что для профессиональной подготовки дизайнера эффективно изучение отдельных дисциплин, содержательно и ценностно обогащенное *знакомством* с культурными феноменами другой страны, а также *рефлексией* собственных ощущений студентов, *дискуссией*, связанной с осмыслением потенциала той или иной культурной традиции в современном дизайне, с выявлением общего и отличий как в культуре, так и дизайнерском опыте разных стран и т.п. **Заключение.** Доказано, что диалог культур способствует повышению качества профессиональной подготовки будущего специалиста в области художественного дизайна.

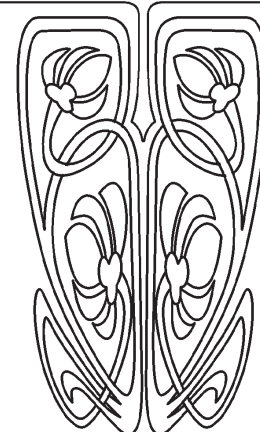
Ключевые слова: специалист в области художественного дизайна, профессиональная подготовка дизайнеров, качество подготовки, «диалог культур», интериоризация культуры, создание новых оригинальных культурных образов

Для цитирования: У Мянй. Потенциал диалога культур в профессиональной подготовке дизайнеров // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 149–154. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-2-149-154>, EDN: WCEXCW

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Article

The potential of intercultural dialogue in professional design training

Wu Mian

Perm State University, 15 Bukireva St., Perm 614068, Russia

Wu Mian, 18270858701@163.com, <https://orcid.org/0009-0000-6500-6196>

Abstract. Introduction. The conducted research is aimed at identifying the potential of the dialogue of cultures as a methodology and technology effective in the professional education of future designers. **Theoretical analysis.** *Scientific novelty* lies in the clarification of the essential characteristics of the concept of “quality of training future designers”, which can be considered as a set of personal and professional characteristics of the designer, ensuring his readiness to produce new ideas, to create a popular original product. Another new point is the substantiation of the influence of the dialogue of cultures on the set of characteristics that determine the quality of training designers. **Empirical analysis.** A pedagogical experiment conducted in two universities (China, Russia) allowed us to obtain empirical data confirming that for the professional training of a designer, it is effective to study individual disciplines enriched in content and value by familiarity with the cultural phenomena of another country, as well as reflection of students’ own feelings, discussions related to understanding the potential of a particular cultural tradition in modern design, identifying commonalities and differences in both the culture and design experience of different countries, etc. **Conclusion.** The study has proven that a dialogue of cultures contributes to improving the quality of professional training of a future specialist in the field of artistic design.

Keywords: specialist in the field of artistic design, professional training of designers, quality of training, “dialogue of cultures”, interiorization of culture, creation of new original cultural models

For citation: Wu Mian. The potential of intercultural dialogue in professional design training. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 000–000 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-2-000-000>, EDN: WCEXCW

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Профессиональная подготовка дизайнеров – процесс, направленный на формирование специалиста, готового в соответствии с профессиональным стандартом к деятельности, основная цель которой – «разработка объектов и систем визуальной информации, идентификации и коммуникации в соответствии с поставленными задачами и потребностями целевой аудитории» [1, с. 2].

Очевидно, что прежде чем дизайнер перейдет к «проектированию объектов», «разработке систем визуальной информации, идентификации и коммуникации» [1], руководству данными видами деятельности, он должен научиться создавать эскизы и оригиналы элементов обозначенных объектов. Если мы говорим о качестве подготовки дизайнера, то важнейшим аргументом для заказчика работы будут характеристики созданного продукта. Достижение высоких результатов возможно в случае гармонии прикладных навыков, знаний и глубинных оснований – общей (в том числе художественной) культуры личности.

Цель исследования – выявить педагогические условия, способствующие повышению качества подготовки будущего дизайнера, в частности потенциал идеи «диалога культур».

Чтобы обеспечить достижение цели, были решены такие задачи, как:

1) выявлены методологические основы конструирования процесса подготовки дизайнера: сущность и роль культурологического подхода, идеи «диалога культур»;

2) продумана и реализована в ходе опытно-экспериментальной работы логика использования потенциала «диалога культур» в профессиональной подготовке дизайнеров;

3) определены показатели качества подготовки дизайнеров и проведены диагностические срезы, позволившие выявить результативность изменений, вносимых в процесс их подготовки.

Для выявления потенциала «диалога культур» в профессиональной подготовке будущего дизайнера были использованы следующие методы исследования: анализ научных публикаций по выделенной проблеме, моделирование, педагогический эксперимент, экспертная оценка продуктов творчества. Способствует ли диалог культур профессиональной подготовке будущего специалиста в области художественного дизайна?

Теоретический анализ

Как показал анализ научных публикаций, будущий дизайнер профессионально развивается в контексте двух взаимосвязанных про-

цессов: освоения, интериоризации культуры и создания новых оригинальных культурных образцов (рисунок). Культура человечества

динамична и многогранна, имеет глубокие исторические основы и выступает результатом активных творческих усилий человека.

Характеристики качества результата подготовки будущего специалиста в области художественного дизайна
Characteristics of the quality of the result of training a future specialist in the field of artistic design

Опора на культурологический подход как методологическую основу исследования, направленного на выявление педагогических условий повышения качества подготовки специалистов в области художественного дизайна, актуализирует педагогический потенциал концепции «диалога культур». Идеи М. М. Бахтина о «культуре как диалоге», когда особенности культуры проявляются на грани с другой культурой [2], и В. С. Библера о гуманитарной модели образования, в логике которой ребенок осваивает общечеловеческую культуру через собственный опыт решения проблем, встававших перед человечеством [3], активно используются в образовании.

«Диалог культур» в педагогике – это:

а) *принцип*, определяющий требования к отбору содержания (его принципиальной дуалистичности, рассмотрении феномена в контексте культуры, в интерпретации разных культур), а также методу обучения (исследование на основе сравнительного анализа культурных феноменов, собственного учебного эксперимента и объяснения фактов в определенный исторический период, эмпатийное вчувствование и рефлексия), формам организации образовательного процесса (дискуссия, групповая работа);

б) *технология обучения*, основанная на погружении в различные культурно-исторические пласты;

в) *фактор* воспитания личности в поликультурном мире.

Исследователями «диалог культур», рассматривается как условие активизации обучения школьников [4–6], студентов [7], становления личности будущего учителя в процессе его подготовки в вузе [8].

В художественном образовании «диалог культур» рассматривается, с одной стороны, как основа профессиональной подготовки (педагога-музыканта) [9], условие интенсивного обучения (основам академического рисунка) [10], а с другой стороны, обосновывается, что художественное образование является фактором диалога культур [11].

Нами было введено предположение, что обращение к потенциалу «диалога культур» (на примере Китая и России) обеспечит повышение качества подготовки будущих дизайнеров, которое может быть рассмотрено как совокупность личностных и профессиональных характеристик дизайнера, обеспечивающих его готовность к продуцированию новых идей, к созданию востребованного оригинального продукта (см. рисунок). Вместе с тем стремле-

ние к созданию новых культурных феноменов, разработке оригинальных привлекательных объектов и систем обуславливает/стимулирует обращение дизайнера к потенциалу иных культур.

Эмпирический анализ

Проверка обозначенной гипотезы была осуществлена дважды: на базе Школы искусств Восточно-Китайского транспортного университета Цзяотун (Город Наньчан, провинция Цзянси, Китайская народная республика, октябрь–ноябрь 2023 г.) и в Пермском государственном национальном исследовательском университете (июнь, 2024 г.).

В Китае опытно-экспериментальная работа была организована в естественных условиях при изучении курса «Плоская композиция», в России – в ходе занятий элективного курса для студентов, обучающихся по образовательной программе «Графический дизайн».

В обоих случаях изменения касались как содержания, так и методов работы с ним. *Во-первых* было организовано *знакомство* с культурными феноменами другой страны: рассказ об особенностях культуры, искусства, дизайна, традиций и исторического контекста, в том числе о вкладе отдельных наиболее известных художников, дизайнеров и их произведений; демонстрация артефактов, фотографий или видео с пояснением, как национальная культура отражается в художественном дизайне.

Во-вторых, была организована *рефлексия* собственных ощущений студентов, а также *дискуссия*, связанная с осмыслением потенциала той или иной культурной традиции в современном дизайне, с выявлением общего и отличий как в культуре, так и дизайнерском опыте разных стран и т.п.

В исследовании приняли участие в Китае 52 человека, объединенные в две экспериментальные (40 студентов) и контрольную (12 студентов) группы. В России к исследованию присоединились 28 студентов, также вошедшие в экспериментальную и контрольную группы, равные по количеству участников.

Работы студентов оценивали две группы экспертов: Ян Цзяньцзюнь, профессор; Бо Шидун, профессор; Чжан Вэнь, доцент (Школа искусств Восточно-Китайского транспортного университета Цзяотун, Китай); А. В. Манторова, доцент кафедры культурологии и социально-

гуманитарных технологий Пермского государственного национального исследовательского университета (ПГНИУ), кандидат культурологии; О. В. Малых, доцент этой же кафедры, член Союза архитекторов России; Ю. В. Дианова, кандидат культурологии, доцент кафедры дизайна, графики и начертательной геометрии Пермского национального исследовательского политехнического университета (ПНИПУ).

Эксперты оценивали работы в баллах от 0 до 1 в Китае и от 0 до 20 в России (затем количественные данные были приведены к единому знаменателю) по пяти критериям: 1) новизна изображаемых образов, количество новых идей; 2) оригинальность, неординарность трактовки образа; 3) выразительность, целостность образов; аккуратность, красота и привлекательность рисунков; 4) разнообразие графических техник и приемов; 5) вариативность пластического языка, четкость взаимосвязи черно-белых и серых изображений.

Если в Китае в экспериментальной группе 1 было проведено два диагностических среза (на начальном и итоговом этапах педагогического эксперимента), то в остальных группах (как в Китае, так и в России) был проведен сравнительный анализ результатов выполнения творческих работ по итогам цикла обучения. По всем критериям был вычислен средний показатель группы, а также такие сопоставимые показатели, как максимальное и наименьшее число, медиана и др. (табл. 1, 2).

Результаты педагогического эксперимента, проведенного при изучении отдельного учебного курса (Китай), показали (см. табл. 1), что экспериментальные группы, погруженные в «диалог культур» (экспериментальная группа 1 – итоговый срез, экспериментальная группа 2), продемонстрировали более качественный результат: как личностный, определяемый оригинальностью, неординарностью трактовки образа, так и профессиональный, связанный с созданием оригинального продукта (использование разнообразных техник и приемов, вариативность пластического языка). Примечательно, что результаты студентов контрольной группы, зафиксированные на *итоговом* этапе обучения, ближе к характеристикам результата экспериментальной группы 1 – *первичный диагностический срез*, чем результатам студентов экспериментальной группы 1 и экспериментальной группы 2, включенных в опытно-экспериментальную работу.

Таблица 1 / Table 1

Обобщенная оценка качества подготовки студентов художественного дизайна (Китай)
Generalized assessment of the quality of training of art design students (China)

Группа	Показатели и ранги качеств					
	Общее количество выборки (n)	Средний показатель (μ)	Медиана (Mdn)	Числа (Mo)	Максимальное число (max)	Наименьшее число (min)
Первичный диагностический срез						
Экспериментальная 1	28	3.64	3.75	2.75	4.5	2.75
Итоговый диагностический срез						
Экспериментальная 1	28	4.23	4.3	4.4	4.7	3.25
Экспериментальная 2	12	4.23	4.225	4	4.6	3.8
Контрольная 2	12	3.17	3.325	2.25	4.4	2.25

Таблица 2 / Table 2

Обобщенная оценка качества подготовки студентов художественного дизайна (Россия)
Generalized assessment of the quality of training of students of artistic design (Russia)

Группа	Показатель и ранг качеств					
	Общее количество выборки (n)	Средний показатель (μ)	Медиана (Mdn)	Числа (Mo)	Максимальное число (max)	Наименьшее число (min)
Экспериментальная	14	3,38	3,4	3,4	4,41	2,15
Контрольная	14	2,9	3,02	3,08	3,85	2,25

По итогам диагностического среза, проведенного в России (см. табл. 2) выявлена та же тенденция: у студентов, осваивавших профессиональные умения в контексте диалога культур, зафиксирован лучший средний показатель по совокупности критериев, в единстве отражающих личностный и профессиональный аспекты, обеспечивающие выразительность, целостность образов; аккуратность, красоту и привлекательность на вид представленного продукта.

Заключение

Теоретический анализ позволил уточнить характеристики качества подготовки будущих дизайнеров, сосредоточив внимание не только на получаемом результате – готовности к созданию *востребованного оригинального* продукта – но и на совокупности личностных и профессиональных характеристик дизайнера, обеспечивающих его готовность к продуцированию новых идей.

Проведенное в двух странах эмпирическое исследование убедительно показало, что эффективным условием повышения качества подготовки будущих дизайнеров как целостной характеристики выступает методология и технология диалога культур, в нашем случае – диалога ярких самобытных культур России и Китая.

Список литературы

1. Профессиональный стандарт «Графический дизайнер». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Бахтин М. М. Проблемы текста в лингвистике, философии и других гуманитарных науках // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров, примеч. С. С. Аверинцев и С. Г. Бочаров. М.: Искусство, 1979. С. 281–307.
3. Библер В. С. Культура. Диалог культур // Вопросы философии. 1989. № 6. С. 31–42.
4. Школа диалога культур: идеи, опыт, перспективы: сб. ст. / под общ. ред. и с предисл. В. С. Библера. Кемерово: АЛЕФ, 1993. 414 с.

5. Апанасенко О. М., Косолапова Л. А. Диалог культур как смыслообразующий компонент поликультурного образования // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2020. № 3 (263). С. 15–21. EDN: YDLTEW
6. Хуторской А. В. Школа диалога культур // Вестник Института образования человека. 2014. № 1. URL: <https://eidos-institute.ru/journal/2014/100/Eidos-Vestnik2014-120-Khutorskoy.pdf> (дата обращения: 03.05.2024).
7. Корякина Г. М. Активизация обучения студентов в образовательной среде диалога культур : дис. ... канд. пед. наук. Липецк, 2001. 169 с.
8. Орешкина Л. И. Диалог культур в профессиональном становлении личности учителя : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1996. 17 с.
9. Бубнова С. Е. Художественно-педагогические основы профессиональной подготовки специалиста в диалоге культур (теоретический аспект) // Знанию – образовательный портал. URL: <https://nsportal.ru/kultura/muzykalnoe-iskusstvo/library/2021/02/03/hudozhestvenno-pedagogicheskie-osnovy> (дата обращения: 12.05.2024).
10. Люй Шишэн. Методика интенсивного обучения основам академического рисунка в условиях диалога культур : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2013. 21 с.
11. Шайхлисламов А. Х. Художественное образование как фактор диалога культур // Современное педагогическое образование. 2020. № 3. С. 201–205. EDN: RAKZFK
3. Bibler V. S. Culture. Dialogue of Cultures. *Voprosy filosofii*, 1989, no. 6, pp. 31–42 (in Russian).
4. *Shkola dialoga kul'tur: idei, opyt, perspektivy: sb. st. Pod obshch. red. i s predisl. V. S. Biblera* [Bibler V. S., total ed. School of Dialogue of Cultures: Ideas, Experience, Prospects: Collection of articles. With a foreword by V. S. Bibler]. Kemerovo, ALEF, 1993. 414 p. (in Russian).
5. Apanasenko O. M., Kosolapova L. A. Dialogue of cultures as a meaning-forming component of multicultural education. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika i psikhologiya* [Bulletin of the Adyghe State University. Series: Pedagogy and Psychology], 2020, no. 3 (263), pp. 15–21 (in Russian). EDN: YDLTEW
6. Khutorskoy A. V. School of Dialogue of Cultures. *Vestnik Instituta obrazovaniya cheloveka* [Bulletin of the Institute of Human Education], 2014, no. 1. Available at: <https://eidos-institute.ru/journal/2014/100/Eidos-Vestnik2014-120-Khutorskoy.pdf> (accessed May 03, 2024) (in Russian).
7. Koryakina G. M. *Activating student learning in an educational environment of dialogue of cultures*. Diss. Cand. Sci. (Ped.). Lipetsk, 2001. 169 p. (in Russian).
8. Oreshkina L. I. *Dialogue of Cultures in the Professional Development of a Teacher's Personality*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Ped.). Moscow, 1996. 17 p. (in Russian).
9. Bubnova S. E. Artistic and pedagogical foundations of professional training of a specialist in the dialogue of cultures (theoretical aspect). *Znanio – obrazovatel'nyj portal* (Znanio – educational portal). Available at: <https://nsportal.ru/kultura/muzykalnoe-iskusstvo/library/2021/02/03/hudozhestvenno-pedagogicheskie-osnovy> (accessed May 12, 2024) (in Russian).
10. Lyuy Shishen. *Methodology of intensive teaching of the basics of academic drawing in the context of dialogue of cultures*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Ped.). Moscow, 2013. 21 p. (in Russian).
11. Shaykhislamov A. Kh. Art education as a factor in the dialogue of cultures. *Sovremennoye pedagogicheskoye obrazovaniye* [Modern Pedagogical Education], 2020, no. 3, pp. 201–205 (in Russian). EDN: RAKZFK

References

Поступила в редакцию 26.11.2024; одобрена после рецензирования 28.01.2025;
принята к публикации 22.04.2025; опубликована 30.06.2025
The article was submitted 26.11.2024; approved after reviewing 28.01.2025;
accepted for publication 22.04.2025; published 30.06.2025

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 155–160
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 155–160
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-2-155-160>, EDN: YBZRRA

Научная статья
УДК 37.01(44)(09)+929Кондорсе

Философские и педагогические взгляды Николя де Кондорсе: первые шаги к гуманизации системы образования Франции

И. А. Семенов

¹Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Россия, 600020, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, д. 67е

²Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, Россия, 600000, г. Владимир, ул. Горького, д. 87

Семенов Иван Александрович, ¹преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин; ²старший преподаватель кафедры философии и религиоведения, iasemenov@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0888-642X>

Аннотация. Введение. Личность Николая де Кондорсе весьма неоднозначно трактуется в философско-педагогической периодике отечественных и зарубежных исследователей. В статье предпринимается попытка акцентировать внимание на идеях Кондорсе о гуманизации обучения, а также актуализируется принцип «равенства и общедоступности образования». Анализируется конфронтация религиозной и республиканской модели воспитания и обучения детей. **Теоретический анализ** базируется на авторской концепции Кондорсе, изложенной в произведении «Cinq mémoires sur l'instruction publique», а также в его социально-личностном портрете, описанном отечественными учеными и энциклопедистами. На основании проведенного анализа был представлен проект реформы основного общего образования, предложенный Кондорсе, а также приведена обозначенная им демаркация между понятиями обучение [instruction] и образование [éducation]. **Заключение.** Оценка передового опыта гуманизации и гуманитаризации образования с учетом реформаторского опыта Кондорсе позволила актуализировать проблему воспитания молодежи и обозначить прерогативу государства в исполнении этой важной задачи. Кроме того, сформулированы основные философские постулаты «свободного» образования, среди которых общедоступность и равенство занимают ключевое место.

Ключевые слова: Николая де Кондорсе, гуманизация образования, естественное право, образовательная реформа, философия образования

Для цитирования: Семенов И. А. Философские и педагогические взгляды Николая де Кондорсе: первые шаги к гуманизации системы образования Франции // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 155–160. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-2-155-160>, EDN: YBZRRA

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Philosophical and pedagogical views of Nicolas de Condorcet: First steps towards the humanization of the French education system

I. A. Semenov

¹VLI of the FPS of Russia, 67e Bolshaya Nizhegorodskaya St., Vladimir 600020, Russia

²Vladimir State University, 87 Gorky St., Vladimir 600000, Russia

Ivan A. Semenov, iasemenov@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0888-642X>

Abstract. Introduction. The personality of Nicolas de Condorcet is interpreted very ambiguously in philosophical and pedagogical periodicals by domestic and foreign researchers. The article attempts to focus on Condorcet's ideas on the humanization of learning, and also updates the principle of «equality and accessibility of education». The confrontation between the religious and republican models of rising and teaching children is analyzed. **Theoretical analysis** is based on the author's concept set out in the work «Cinq mémoires sur l'instruction publique», as well as the social and personal portrait of Nicolas de Condorcet, described by domestic scientists and encyclopedists. Based on the analysis, a draft reform of basic general education proposed by Nicolas de Condorcet was presented, as well as the demarcation he outlined between the concepts of instruction [instruction] and education [éducation]. **Conclusion.** An assessment of the best practices of humanization and humanitarianization of education, represented by the reform experience of Nicolas de Condorcet, allowed us to actualize the problem of educating young people and to outline the prerogative of the state in fulfilling this important task. In addition, the basic philosophical postulates of «free» education were formulated among which accessibility and equality occupy a key place.

Keywords: Nicolas de Condorcet, humanization of education, natural law, educational reform, philosophy of education

For citation: Semenov I. A. Philosophical and pedagogical views of Nicolas de Condorcet: First steps towards the humanization of the French education system. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 155–160 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-2-155-160>, EDN: YBZRRA

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Сегодня примат естественного права и приоритет общедоступности образования воспринимается как должное, однако так было не всегда. В начале XIX в. во Франции школьное образование, равно как и отрасль воспитания молодежи, являлись полем конфронтации церкви и государства. Это обуславливалось, в том числе, возросшей ролью идеологов республики в социуме, а католическое течение могло подвигнуть общество к восстановлению монархии. В связи с этим школьное законодательство XIX в. постепенно нивелировало роль церкви в делах образования.

Теоретический анализ

С периода раннего Средневековья и до падения «старого» режима во Франции первоочередную роль в школьном образовании играла Церковь в лице Папы Римского, которая, как считалось, находилась под защитой не только монарха, но и под покровительством Бога и народа. Модель, предложенная «Братями христианских школ», которая обуславливалась в том числе необходимостью читать и истолковывать библию и заповеди Божьи, активно функционировала [1], однако не всегда отвечала требованиям политической элиты страны.

Коренным образом ситуация изменилась в 1792 г., когда Николя де Кондорсе (1743–1794), французский философ просветитель, предложил свою модель реформирования образовательной системы. «Его деятельность проходила на фоне первой европейской революции во Франции» [2, с. 37], поэтому многие постулаты общественных изменений нашли свое отражение в «школьной реформе». Ученый внес значительный вклад в развитие философских, педагогических и правовых идей «свободы» личности, представил свой отчет о народном образовании Законодательному собранию Франции. Хотя в будущем проект Кондорсе не был принят якобинцами как не удовлетворявший революционным требованиям, он положил начало «свободному» и «общедоступному» обучению не только на территории Франции, но и в лояльных к ней странах. Отечественными эн-

циклопедическими изданиями и мыслителями незаурядная личность Кондорсе определяется неординарно.

Бим-Бад Борис Михайлович в «Педагогическом энциклопедическом словаре» определяет Кондорсе как педагога, члена Французской академии, автора проекта о всеобщем образовании, инициировавшим внедрение четырех уровней обучения: начальная школа (4 года), средняя школа (3 года) 2-й ступени; институты, дающие углублённую подготовку по различным предметам и профессию; лицеи (высшие учебные заведения) [3].

Новая философская энциклопедия говорит о реформаторе как о стороннике деизма и сенсуализма, приверженца практики того, что образование должно формировать интерес к общественному благу и добиваться того, чтобы все граждане стали искренними «друзьями закона» [4]. Советская историческая энциклопедия добавляет, что философ входил в состав, а также был одним из лидеров филантропического общества «Друзей чернокожих» [5], что объясняет парадигмальную константу философа в вопросе снятия ограничения с прав отдельных категорий граждан. Являлся сторонником концепции естественного права, считал себя продолжателем идей Ж. Ж. Руссо и Вольтера.

Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона существенно расширяет социально-личностный портрет философа, добавляя множество фактов, среди которых особое место занимает обстоятельство получения Николя де Кондорсе религиозного образования [6], которое он, впрочем, не завершил, но именно данное положение могло породить антиномии по отношению к религиозным организациям в будущем.

Отечественные философы, педагоги и публицисты уделяли Кондорсе особое внимание, выделяя его из числа прочих мыслителей французской буржуазной революции. А. И. Тургенев в книге «Хроника русского. Дневники» (1825–1826) упоминает имя Николя де Кондорсе в одном ряду с Вольтером и Клодом Гельвецием – философом-педагогом, идеологом французской революции, противопоставляя их Фоме Аквинскому [7], видному теологу и богослову своего времени. В той же стезе о великом француз-

ском философе-просветители пишет историк С. Н. Глинка (1775 или 1776–1847), ставя его в один ряд с Вольтером в труде «Из записок о 1812 годе (1836)» [1], однако, в отличие от Тургенева, у публициста Глинки прослеживается критическая оценка деятельности плеяды французских философов.

Позже социолог и публицист С. Н. Южак в труде «Органический прогресс в его отношениях к историческому прогрессу» (1873), описывая природу общественных явлений, нравственные постулаты человеческой действительности и миросозерцательные гуманные принципы французской и английской школы, в числе прочих популяризаторов перечислил Кондорсе, Ло, Монтескье, Петти, Руссо и других [8]. Получается, что Николя де Кондорсе был одним из столпов научного сообщества своего времени.

Философ и педагог Александр Иванович Герцен в труде «Былое и думы. Часть пятая. Париж-Италия-Париж» (1862–1866) достаточно точно описывает арест жирондиста Николя де Кондорсе: «Кондорсе ускользает от якобинской полиции и счастливо пробирается до какой-то деревни близ границы; усталый и измученный, он входит в харчевню, садится перед огнем, греет себе руки и просит кусок курицы. Трактирщица, добродушная старушка, большая патриотка, рассуждает так: “Он в пыли, стало, пришел издалека, он спросил курицы, стало, у него есть деньги, руки у него белые, стало, он аристократ”. Поставив курицу в печь, она идет в другой кабак, там заседают патриоты: какой-нибудь гражданин-Муций Сцевола, ликворист, и гражданин-Брут, Тимoleon-портной. Тем того и надобно, и через десять минут один из умнейших деятелей французской революции – в тюрьме и выдан полиции свободы, равенства и братства!» [9]. Подобные данные, несомненно, служат опорой метода историзма и позволяют детально проанализировать ситуацию во Франции того времени, включая социально-политический настрой мещан и представителей революционного класса. В конкретном описанном случае, видна ситуация на примере взаимоотношений Н. Кондорсе, трактирщицы и революционеров-якобинцев.

Эмпирический анализ

В рассматриваемый период воспитание и обучение подрастающего поколения было областью конфронтации, поскольку на кону

стояло будущее церкви и государства. Несмотря на то, что религиозная политика, проводимая консульством, продолжилась в делах Наполеона, последней выступал за то, чтобы учебно-воспитательная отрасль осталась за церковью, но в то же время была подконтрольна государству. Лидирующая роль церкви в вопросе обучения и воспитания детей не устраивала многих теоретиков революции, среди которых Кондорсе отличался прямолинейностью и радикальностью по отношению к церкви. В своих фундаментальных трудах философ часто критиковал позицию Святого престола, обвиняя его в узурпации, жестокости и лицемерии, называя себя таким же оппозиционером церкви, как и «великий Вольтер» [10]. Ученый предполагал, что церковь связана оковами теоцентрической идеологии, в то время как школа должна не заставлять людей верить в Бога, а давать знания и прививать социально-полезные навыки. Отсюда следует, что религиозное образование должно быть исключено из системы общего обучения, так как оно способно подорвать фундамент Республики, зачатки свободы совести, равенства и единства. Именно такая миссия лежит на Республике – нравственное воспитание детей и гарант истинных свобод для граждан Франции. При этом важно понимать, что Республика «не имеет преподавать мнение политической элиты, как истину; она не должна навязывать каких-либо убеждений» [10, с. 93].

Инициатива Кондорсе сводилась к постулату обеспечения равенства граждан при сохранении социальной иерархии, которая основывалась бы исключительно на различии талантов. Аксиологическая ценность данного проекта заключалась также в том, что Кондорсе провозгласил примат «самосознания индивида как суверенной личности, мышление и деятельность которой разрывали устоявшиеся в течение многих веков общественно-политические и моральные ограничения» [2, с. 37]. Ученый также определил будущий вектор развития конституционно-правовой философской категории «свобода личности», обосновав в докладе пользу отмены рабства для чернокожих, предоставления равных прав для представителей протестантских общин и евреев, а также освобождения от традиционных гендерных предрассудков в отношении соблюдения прав женщин [10].

Проект школьной реформы Николя де Кондорсе был направлен на практическое возложение идей свободы и равенства. Рав-

ный доступ к знаниям позволил бы народу стать реальными участниками политического процесса, который был закреплен правовыми актами революционеров, а освобождение от рабства, дискриминации и сегрегации сделали бы людей независимыми друг от друга, что позволит воплотить в жизнь принцип *Liberum arbitrium* (свободы выбора).

В качестве дидактической системы Кондорсе придерживался социального центризма, а его философия зиждется на основах демократического управления. Образование – это непереносимое условие свободы, равенства и демократии, фактически эта идея – первая задумка республиканской и светской школы, в которой бы гармонично сочетались равные права этносов, равенство полов, бесплатное

обучение, религиозная автономия, непрерывность образования. Подобные воззрения в будущем станут фундаментом для современных школьных систем Франции. Так, главная цель общего образования – уравнивать права людей на практике, а не в теории, дать им возможность самостоятельно выполнять социальные функции повседневной жизни, оставляя за ними право выбора. Кондорсе писал: «Просвещенный народ доверяет свои интересы образованным людям; образованных людей сложнее обмануть и сделать угнетенными...» [10, с. 137].

Николя де Кондорсе предложил собственную демаркацию двух понятий: обучение (*instruction*) и образование (*éducation*). Проанализировав данные, их можно представить в обобщенном виде (таблица).

Демаркация понятий обучение (*instruction*) и образование (*éducation*) по Кондорсе [12]
Demarcation of the concepts of instruction (*instruction*) and education (*education*) according to Condorcet [12]

Обучение (<i>Instruction</i>)	Образование (<i>Éducation</i>)
Рациональная основа, дидактические системы строятся на уже доказанных истинах	Аксиологический фундамент: мораль, политические и религиозные ценности
Универсализм в практической реализации дидактических программ	Партикуляристский вектор развития, что в будущем станет основой «свободного» образования Демолена [11, с. 117]
Педагог уважает равенство умов, видит потенциал в каждом ребенке	Педагог уважает нейтралитет и собственное мнение ребенка, каждый ученик – уникален
Предназначено преимущественно для реализации в республиканских школах	Попадает в частную сферу семьи, церкви, сообществ (групп)

Следует отметить, что данные отрасли не развиваются автономно, они находятся во взаимосвязи друг с другом, между ними существуют амбивалентные отношения, при которых обучение без образования опасно для жизни человека в обществе, но образование без обучения еще опаснее, так как такой вариант может спровоцировать отношения созависимости у людей, лишая их правового паритета [13]. Кроме того, амбивалентные отношения предполагают баланс субъектов, последний может нарушиться, например, если школа вместо *instruction* функционирует как *éducation*, тогда происходит подмена ценностей, образовательная организация берет на себе функции семьи, нарушая автономию одного элемента от другого, порождая гегемонию первого над последним. При заданном онтологическом порядке свобода, равенство и братство не могут быть приняты в социуме и восприниматься на должном уровне.

Заключение

Заложенный Николя де Кондорсе фундамент обеспечения всеобщего образования позволил говорить о генезисе базовых основ социальной справедливости во французском обществе XVIII в., где был избран курс на рационалистическое переустройство общества. Бесплатное (базовое) государственное образование стало инструментом обеспечения идеологии Просвещения, в рамках которого предусматривалась реализация такой педагогической парадигмы, при которой бы граждане нового общества стали способны к самостоятельному суждению, социальной преемственности и ответственности перед обществом и государством. Кроме того, ученый настаивал на том, чтобы французская образовательная модель была выстроена по иерархической системе, во главе которой стояли бы независимые

эксперты. Философско-педагогическая теория Николая де Кондорсе также подразумевала сосредоточенность вокруг идеи совершенствования общечеловеческих основ, равенства прав и обязанностей всех граждан. Несомненно, эпохальные педагогические решения, генерируемые Кондорсе, были результатом ряда политических, социально-экономических и культурных событий, происходивших в стране. Ученый истолковывал и реализовывал проекты по защите в целом (прав женщин и чернокожих, в частности). Его предложение об утверждении права каждого на образование, которое было наполнено духом революции, позже найдет отражение в юридическом конституционном принципе «равенства общедоступности образования», которой гарантирует, что каждый человек, каждый гражданин вправе получить «настолько полное образование, насколько позволяют обстоятельства». [12, с. 17]. Образование, по мнению Кондорсе, – это ключевой элемент в жизни людей, он помогает им, учитывая, что многие из них являются избирателями, обдумывать идеи политиков, принимать взвешенные решения, тем самым поистине реализовывать свое активное избирательное право. В противном случае нарушение неприкосновенности данной действительности будет являться посягательством на право каждого человека быть гражданином своей республики.

Список литературы

1. Записки о 1812 году [соч.] Сергея Глинки, первого ратника Московского ополчения. СПб. : типография Императорской Российской академии, 1836. IV, XIV, V. 362 с.
2. Хавкар Хуссейн. Прогресс человеческого разума в философии истории Ж. А. Кондорсе // Теория и практика общественного развития. 2014. № 2. С. 37–41.
3. Бим-Бад Б. М. Педагогический энциклопедический словарь. М. : Большая Российская энциклопедия, 2002. 527 с.
4. Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники (1825–1826 гг.) / Издание подготовил М. И. Гиллельсон. М. : Наука. 1964. 624 с. (Серия «Литературные памятники»).
5. Семенов И. А. Концепция педагогики Э. Демолена в контексте реформаторского течения «Новое воспитание» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 116–120. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-1-116-120>, EDN: FYHNVM
6. Брокгауз Ф. А. Энциклопедический словарь / под ред. проф. И. Е. Андреевского : в 86 т. СПб. : Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1895. Т. 2. Коала – Конкордия. 936 с.
7. Советская историческая энциклопедия : в 16 т. М. : Советская энциклопедия, 1965. Т. 7. 520 с.
8. Кондорсе // Новая философская энциклопедия. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0194dc7337a7460651864994> (дата обращения: 28.11.2024)
9. Герцен А. И. Былое и думы : в 8 ч. Ч. 4, 5. М. : ГИХЛ, 1958. 165 с.
10. De Condorcet N. *Écrits sur l'instruction publique* (Charles Coutel et Catherine Kintzler, éd.). Paris : édilig., 1989. Œuvres en deux volumes). Vol. 2. 179 p.
11. Семенов И. А. Миссия христианского просвещения в контексте идей конгрегации ласаллианцев // Социальные отношения. 2023. № 4 (47). С. 93–99.
12. De Condorcet N. *Cinq mémoires sur l'instruction publique*. Bibebook, 2013. 203 p.
13. De Gouges O., de Condorcet N. *Déclaration des droits de la femme et de la citoyenne (texte intégral et analyses): suivi du texte précurseur de Nicolas de Condorcet*. Books on Demand, 1791. 56 p.

References

1. *Zapiski o 1812 gode [soch.] Sergeya Glinki, pervogo ratnika Moskovskogo opolcheniya* [Notes about 1812 [op.] by Sergei Glinka, the first warrior of the Moscow militia]. St. Petersburg, tipografiya Imperatorskoi Rossiyskoy akademii, 1836. IV, XIV, V, 362 p. (in Russian).
2. Khavkar Hussein. Progress of the human mind in the philosophy of history J. A. Condorcet. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2014, no. 2, pp. 37–41 (in Russian).
3. Bim-Bad B. M. *Pedagogicheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Pedagogical encyclopedic dictionary]. Moscow, Bol'shaia Rossiiskaya entsiklopediya, 2002. 527 p. (in Russian).
4. Turgenev A. I. *Khronika russkogo. Dnevniki (1825–1826 gg.)*. Izdanie podgotovil M. I. Gil'el'son [Chronicle of Russian. Diaries (1825–1826). The publication was prepared by M. I. Gilelson]. Seriya "Literaturnye pamyatniki". Moscow, Nauka, 1964. 624 p. (in Russian).
5. Semenov I. A. The concept of pedagogy of E. Demolen in the context of the reformist movement "New Education". *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 116–120 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-1-116-120>, EDN: FYHNVM
6. Brockhaus F. A. *Entsiklopedicheskiy slovar'*: v 86 t. Pod red. prof. I. E. Andreyevskogo [Encyclopedic Dictionary: in 86 vols. Ed. by prof. I. E. Andreevsky]. St. Petersburg, F. A. Brockhaus and I. A. Efron, 1895, vol. 2. Koala – Konkordiia. 936 p. (in Russian).

7. *Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya: v 16 t.* [Soviet historical encyclopedia: in 16 vols.]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1965. Vol. 7. 520 p. (in Russian).
8. Condorcet. *Novaja filosofskaja jentsiklopedija* (New Philosophical Encyclopedia). Available at: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0194dc7337a7460651864994> (accessed November 28, 2024) (in Russian).
9. Herzen A. I. *Byloe i dumy: v 8 ch. Ch. 4, 5* [Past and thoughts: in 8 parts. Parts 4, 5]. Moscow, GIKhL, 1958. 165 p. (in Russian).
10. De Condorcet N. *Écrits sur l'instruction publique* (Charles Coutel et Catherine Kintzler, éd.). Paris, édilig., 1989. Œuvres en deux volumes). Vol. 2. 179 p. (in French).
11. Semenov I. A. The mission of Christian education in the context of the ideas of the Lasallian congregation. *Sotsial'nye otnosheniya* [Social Relations], 2023, no. 4 (47), pp. 93–99 (in Russian).
12. De Condorcet N. *Cinq mémoires sur l'instruction publique*. Bibebook, 2013. 203 p. (in French).
13. De Gouges O., de Condorcet N. *Déclaration des droits de la femme et de la citoyenne (texte intégral et analyses): suivi du texte précurseur de Nicolas de Condorcet*. Books on Demand, 1791. 56 p. (in French).

Поступила в редакцию 26.01.2024; одобрена после рецензирования 29.11.2024;
принята к публикации 22.04.2025; опубликована 30.06.2025
The article was submitted 26.01.2024; approved after reviewing 29.11.2024;
accepted for publication 22.04.2025; published 30.06.2025

ISSN 1819-7671 (Print). ISSN 2542-1948 (Online)
Известия Саратовского университета. Новая серия.
Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2025.
Том 25, выпуск 2

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: Акмеология образования. Психология развития
Серия: История. Международные отношения

Серия: Математика. Механика. Информатика
Серия: Науки о Земле

Серия: Социология. Политология
Серия: Физика

Серия: Филология. Журналистика

Серия: Философия. Психология. Педагогика

Серия: Химия. Биология. Экология

Серия: Экономика. Управление. Право

